

**Власть истории –
История власти**

Том 9. Часть 3. (№45)

**The Power Of History
– The History Of Power**

Volume 9. Issue 3. (№45)

Свидетельство о регистрации средств массовой информации

ПИ № ФС77-61481

от 24 апреля 2015 г.

Эл № ФС77-61482

от 24 апреля 2015 г.

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут расходиться с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Власть истории – история власти» обязательна.

Рукописи рецензируются.

Журнал входит в Перечень ВАК (№ 694)

Отдельно выражаем благодарность выдающимся ученым и общественным деятелям, внесшим финансовый вклад в поддержку проекта.

ISSN 2415-7015

8 номеров в год

Е-mail: etnosocium@mail.ru

Сайт: <http://etnosocium.ru/vi>

Язык: русский, английский.

Зам. гл. ред. С.В. Рыбаков

Корректор Е.А. Белоусова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro

Формат 60x90/16. Тираж экз. 500

Усл. п. л. 11,125

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «Этносоциум»

Отпечатано в типографии Международного издательского центра «Этносоциум»,

105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Москва 2023

Certificate of registration of mass media

III № ФС77-61481

Founded in April 24, 2015

Эл № ФС77-61482

Founded in April 24, 2015

The journal is ready to cooperate with authors from Russia and far abroad, and to consider submissions (works) both from young scientists who are only beginning their way in science, and specialists, whose names are already famous in the scientific society.

“The Power Of History” aspires to spread scientific knowledge and leads an honest and open policy towards all the authors. Thus, the editorial board of the journal provides free access to all publications, unless the contract with the author presupposes other conditions.

The editorial board of the journal has a right to refuse the publication of the article in case of violation of the rules stated below.

All the submitted materials are reviewed.

The journal is included in the list of HAC (№ 694)

**We express our gratitude
of the outstanding scientists and public figures, who made
a financial contribution to the project.**

ISSN 2415-7015

8 issues per year

E-mail: etnosocium@mail.ru

Website: <http://etnosocium.ru/english/The-Power-Of-History-vi-iv>

Languages: Russian, English

Deputy Chief Editor: Rybakov S.V.

Corrector: Belousova E.A.

Paper: offset

Types: Minion Pro

Format: 60x90

Copies: 500

The original layout was prepared by the International Publishing Center «Ethnosocium»

Printed in the printing house of the International Publishing Center «Ethnosocium»

105066, Moscow, Spartakovskaya st., 19, building 3.

Moscow 2023

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Зам. Главного Редактора, руководитель проекта:

Рыбаков С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Уральского федерального университета.

Михайлов В.А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой национальных и федеративных отношений Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Долженко А.Н., доктор филологических наук. Заведующий кафедрой русского и иностранных языков. Московская Академия Следственного комитета Российской Федерации.

Ненарокова М.Р., доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики иностранных языков ИИЯ РУДН, ведущий научный сотрудник, отдел Классических литератур Запада и сравнительного литературоведения. Институт мировой литературы имени А.М. Горького (ИМЛИ) РАН. Переводчик.

Нагорнова Е.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов.

Никашина Н.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов.

Клименко Д.А., кандидат филологических наук, специалист по Италии.

Мурашко С.Ф., кандидат психологических наук, профессор кафедры русского и иностранных языков. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Ивакин Г.А., доктор исторических наук, профессор, эксперт. Заместитель директора ФГБНУ «Психологический институт РАО».

Наумова Г.Р., доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ).

Никонов А.В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Нечипоренко В.С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б.Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ковалева Н.А., доктор филологических наук, доцент. Профессор кафедры русского языка и литературы Института иностранных языков Нанкинского университета (КНР).

Летуновский П.В., кандидат исторических наук, доктор политических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил РФ имени маршала Советского Союза А.М. Василевского.

Варсонофьев В.В., кандидат политических наук, военный эксперт.

Чапкин С.В., почетный академик, президент «Академии экологии и права».

Болтенкова Л.Ф., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Игнатов И.С., кандидат политических наук, старший советник юстиции.

Вражнова М.Н., доктор педагогических наук, профессор, МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Курбонзода Хонали, доктор исторических наук, Ректор Республиканского института повышения квалификации и переподготовки работников сферы образования, Республика Таджикистан, г. Душанбе.

Платонова Н.М., доктор исторических наук. Доцент кафедры «Теория и история государства и права» Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дальневосточный государственный университет путей сообщения» (г. Хабаровск).

EDITORIAL BOARD

Deputy. Chief Editor and Project Manager:

Rybakov S.V., Doctor of historical sciences, professor of the history of Russian Ural Federal University.

Mikhailov V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of National and Federal Relations of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Dolgenko A.N., Doctor of Philology. Head of the Department of Russian and Foreign Languages at the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Nenarokova M.R., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, RUDN University, Leading Researcher, Department of Classical Literature of the West and Comparative Literature. Institute of World Literature RAN. Interpreter/Translator.

Nagornova E.V., PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages at the Institute of Foreign Languages of the Peoples' Friendship University of Russia.

Nikashina N.V., PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Klimenko D.A., Candidate of Philology, specialist in Italy.

Murashko S.F., Candidate of Psychological Sciences, Professor of the Department of Russian and Foreign Languages. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Ivakin G.A., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Expert. Deputy Director of the Federal State Budgetary Scientific

Institution “Psychological Institute of the Russian Academy of Education”.

Naumova G.R., Doctor of Historical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University.

Nikonov A.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, State Councillor of the 1st class, the Lomonosov Moscow State University.

Nechiporenko V.S., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B.T., Honoured worker of higher education, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kovaleva N.A., Doctor of Philology, Associate Professor. Professor of the Department of Russian Language and Literature of the Institute of Foreign Languages of Nanjing University (PRC).

Letunovsky P.V., Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, head of the department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines of the Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy named after the Marshal of the A.M. Vassilevsky Soviet Union.

Varsonofiev V.V., Candidate of Political Science, Military expert.

Chapkin S.V., Honorary Academician, President of the “Academy of Ecology and Law”.

Boltenkova L.F., Doctor of Legal Sciences, Professor.

Ignatov I.S., Candidate of Political Sciences, senior advisor of justice.

Vrajnova M.N., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Road Construction University (MADI).

Honali Kurbonzoda, Doctor of Historical Sciences, Rector of the «National Institute of professional development and training of educators».

Platonova N.M., Doctor of Historical Sciences. Associate Professor of the Department “Theory and History of State and Law” of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Far Eastern State University of Communications” (Khabarovsk).

Содержание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Касатикова А.А., Мурашко С.Ф.,

Долгенко А.Н. Пуристическая концепция

И.Г. Кампе и проблемы германизации иноязычной лексики.....12

Ли Ино Модель человека

в русской и китайской языковых картинах мира.....20

Лин Яньюй Словообразовательный потенциал русского

антропонима в диахроническом и синхроническом аспектах.....27

Орлова Т.А., Чубарова Ю.Е., Резенова Н.В.

Корреляция невербальных и вербальных

коммуникативных кодов в англоязычном прозаическом тексте.....33

Снегирев И.А., Непомнящих Н.М.

«Скальд» и «бард» в русской поэзии. Опыт корпусного анализа.....41

Кобзева О.В., Федорова Е.Л. Вербальная репрезентации

кинемы в художественной литературе в разносистемных

лингвокультурах (на материале русского и английского языков).....50

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Филимонов С.Б. А.Л. Бертье-Делагард — член Таврической

ученой архивной комиссии (Из опыта разысканий

в области источниковедения историографии истории Крыма).....61

Напсо М.Д. Влияние цифровизации на образовательные процессы...69

Моисеев А.Н. Организационная и мобилизационная

деятельность Комиссариатов по военным делам

Пензенской губернии в годы Гражданской войны (1918-1920 гг.).....77

Соколов А.В. К вопросу об эффективности

исповеди как инструмента выявления «раскола».....87

Суслова Р.А. Синайская икона «Богоматерь с пророками»

(Киккская): к вопросу о композиционном построении.....92

Тянь Фаньюй Инновационные технологии обучения китайских студентов в российских вузах.....	100
Цуй Линь Особенности преподавания учебных дисциплин китайским студентам в российских вузах.....	105
Чжан Юньси Эволюция журналистики Китая в исторической ретроспективе.....	110
Южакова Т.Л. Организация деятельности завода № 222 в Кустанайской области в период Великой Отечественной войны.....	115

ИСТОРИЯ ГЕОПОЛИТИКИ, МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Золхоев Б.В. Происхождение и официальные имена (апеллятивы) шаньюев южных Хунну периода Восточная Хань (по материалам китайских летописных источников и исследованиям зарубежных авторов).....	123
Лань Ян Дидактика Ушинского К.Д. и её приложение в новом мире...132	132
Чжан Шугэ Концепция Мао Цзэдуна о физическом воспитании личности и нации.....	136
Чжоу Мяоцзин Историография взаимного влияния в сфере искусства России и Китая.....	140
Телицина Е.А., Мельникова О.К. Роль Италии в интеграции Европы.....	145
Урюмцев Е.Р. «Кипевшие отвагой войны-франки из рода тех, кто издавна во всех боях громил врагов своих»: проблема восприятия национальных мотивов в битве при Бувине (28 июля 1214 г.).....	152
Аннотации	160
Авторы	174

Content

PHILOLOGICAL SCIENCES

Kasatikova A.A., Murashko S.F.

Dolgenko A.N. I.G. Kampe's Purist Concept and the Problems
of Germanization of Foreign Language Vocabulary.....12

Li Yi'nuo The model of a person
in the Russian and Chinese language worldview.....20

Lin Yanyu The word-formation potential
of Russian anthroponyms in diachronic and synchronic aspects.....27

Orlova T.A., Chubarova Yu.E.,

Rezepova N.V. Correlation of non-verbal
and verbal communicative codes in English prosaic text.....33

Snegirev I.A., Nepomniashchikh N.M.

"Skald" and "bard" in Russian poetry. Corpus analysis experience.....41

Kobzeva O.V., Fedorova E.L. Verbal representation

of Kinema in fiction in multisystem linguistic cultures
(on the material of Russian and English languages).....50

ACTUAL QUESTIONS OF HISTORICAL SCIENCES

Filimonov S.B. A.L. Bertier-Delagard — member of the Tauride

Scientific Archival Commission (From the experience of research
in the field of source study of the historiography of the history of Crimea).....61

Napso M.D. Digital influence on educational processes.....69

Moiseev A.N. Organizational and mobilization

activities of the Commissariats for Military Affairs
of the Penza Province during the Civil War (1918-1920).....77

Sokolov A.V. On the question

of the effectiveness of confession as a tool for identifying «raskol».....87

Suslova R.A. The Sinai Icon of the Mother of God with the Prophets (Kykk): on the issue of compositional construction.....	92
Tian Fanyu Innovative technologies for teaching Chinese students in Russian universities.....	100
Cui Lin Features of teaching academic disciplines to Chinese students in Russian universities.....	105
Zhang YunXi The evolution of Chinese journalism in historical retrospective.....	110
Yuzhakova T.L. Organization of the activities of plant No. 222 in the Kostanay region during the Great Patriotic War.....	115

HISTORY OF GEOPOLITICS,

INTERNATIONAL RELATIONS AND WORLD HISTORY

Zolkhoev B.V. Origin and official names (appellatives) of the Southern Xiongnu Shanuys of the Eastern Han Period (based on Chinese chronicle sources and research by foreign authors).....	123
Lan Yang Ushinsky K.D. didactics and its application in the new world...	132
Zhang Shuge Mao Zedong's concept of physical education of the individual and the nation.....	136
Zhou Miaojing Historiography of Mutual Influence in the Art of Russia and China.....	140
Telitsyna E.A., Melnikova O.K. The role of Italy in the integration of Europe.....	145
Uryumtsev E.R. Frank wars seething with courage from the kind of those who have long smashed their enemies in all battles": the problem of perception of national motives in the battle of Bouvines (July 28, 1214).....	152
Abstracts	167
Authors	176

Филологические науки

Philological sciences

Касатикова А.А.

Старший преподаватель кафедры русского и иностранных языков. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Мурашко С.Ф.

Профессор кафедры русского и иностранных языков, кандидат психологических наук, доцент. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Долгенко А.Н.

Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, доктор филологических наук, доцент. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Пуристическая концепция И.Г. Кампе и проблемы германизации иноязычной лексики*

Наследие Иоахима Генриха Кампе (1746 – 1818) справедливо считается не только кульминационной точкой германского пуризма, но и началом его постепенного ослабления. Просветительский пафос творческой, педагогической и лингвистической деятельности И.Г. Кампе был направлен на демократизацию немецкого языка. Особого внимания заслуживают его лексикографические опыты, во многом предопределившие дальнейшее развитие немецкой ортологии.

И.Г. Кампе начал свои эксперименты в пуристической области с единичных рассуждений, разговоров, предложений в письмах, затем последовали три теоретические работы: «Апробация нескольких попыток обогащения немецкого языка»¹ (“Proben einiger Versuche von deutscher Sprachbereicherung”, 1790), «Вторая попытка обогащения немецкого язы-

1 Здесь и далее перевод с немецкого А.А. Касатиковой.

ка» (“Zweiter Versuch deutscher Sprachbereicherung”, 1792), «Об очищении и обогащении немецкого языка» (“Über die Reinigung und Bereicherung der deutschen Sprache”, 1794). Как видно уже их названий, деятельность по обогащению немецкого языка постепенно вытесняется в его работах стремлением к его очищению от иноязычий. Борьба за чистоту немецкого языка фактически становится деятельностью по германизации (онемечиванию) иноязычных лексем.

Свою пуристическую доктрину И.Г. Кампе связывал с просветительской лингвистической теорией, которая заключалась в том, что «язык следует настраивать таким образом, чтобы понимание происходило непосредственно из языковой компетенции каждого говорящего». Поэтому И.Г. Кампе, в отличие, например, от другого германского пуриста Ю.Г. Шоттеля [см.: 2], не считал правильным онемечивать иноязычную терминологию. Наоборот, он одобрял употребление терминов в текстах, предназначенных именно для ученых, а не для народа, так как они сочетали в себе краткость и точность выражения. основополагающим фактором пуристической концепции И.Г. Кампе является легкость восприятия и абсолютная точность профессионального и бытового языков. При этом большое значение он придает внутренней форме слова, его ближайшему этимологическому окружению, благодаря которому носитель языка может проследить тот процесс, при помощи которого была создана та или иная лексема.

Указанные особенности пуристической концепции И.Г. Кампе нашли выражение в его лексикографической практике. Это прежде всего относится к деятельности по германизации иноязычий (*Esslust* вместо *Appetit*, *Menschenschlachter* вместо *Soldat*, *Süßchen* вместо *Bonbon* и т.д.). И.Г. Кампе пишет об этом: «Знания и умственная деятельность человека неразрывно связаны с раскрытием и формированием понимания мира вещей и явлений, что в свою очередь возможно благодаря чистому, не обезображенному иноязычными лексемами родному языку» [3, с. 11].

Большой успех и широкую известность И.Г. Кампе принесло издание двухтомного «Словаря толкования и онемечивания иноязычных выражений» (“Wörterbuch zur Erklärung und Verdeutschung der unserer Sprache aufgedrungenen fremden Ausdrücke”, 1808) [3]. Точное количество германизированных заимствованных слов, предложенных самим ученым, неизвестно, так как большая их часть была взята И.Г. Кампе из различных словарей и литературных произведений. При этом важно отметить, что ученый предлагает не единичный вариант онемечивания иноязычной лексемы, а рассматривает и подробно излагает все возможные варианты ее замены. К примеру, лексема «ваза» соответствует немецкой лек-

семе «сосуд». Однако при упоминании слова «ваза» возникает ассоциация с красивым сосудом округленной формы. Сопутствующее значение красоты и круглой формы, считал И.Г. Кампе, можно передать только при помощи слова «искусство/художество». Таким образом, получается сложное слово «художественный сосуд». Иногда используется другой вариант замены данной лексемы – «великолепный сосуд», который, однако, менее популярен, так как лексема «великолепие» чрезмерно преувеличивает значение лексемы «ваза». Однако в современном немецком языке не существует ни «художественного сосуда», ни «великолепного сосуда», поскольку объем понятия не соответствует содержанию понятия обоих онемечиваний.

Язык, в котором произошло слияние лексем исконного языка с языком иностранным, И.Г. Кампе назвал «языком-гермафродитом» [3, с. 34]. Ученый осуждал использование межязыковых, не в полной мере ассимилированных лексических заимствований не только в языке профессионального общения, но и в бытовом. Он стремится искоренить их при помощи калькирования. Однако буквальный перевод иноязычных лексических единиц на немецкий язык вызывал определенные трудности, а кроме того, расширял синонимию, полисемию и омонимию. Несмотря на это И.Г. Кампе пытался ввести в обиход слова с наличием определенного типа смысловых отношений. Таким лексемам он придавал статус термина, например:

Actor, in der Rechtssprache, der Vormund, der einem Andern Vollmacht in Sachen seiner Mündel gibt. [...] Also der *bevollmächtigende Vormund* [3, с. 83].

Actorium, in der Rechtssprache, die Vollmacht, welche der Vormund in Sachen seiner Mündel auf eigene Gefahr einem Andern gibt. Also der *vormundschaftliche* oder *vormundliche Vollmacht* [3, с. 83].

Angiologie, in der Heilkunde, die Lehre von den Adern oder Blutgefäßen; *die Aderlehre* [3, с. 111].

Angiotomie, bei den Ärzten die Zergliederung oder Zerlegung der Gefäße im menschlichen Körper; *die Gefäßzerlegung* [3, с. 111].

В лингвистических трудах И.Г. Кампе заметно преобладание онемечиваний над заимствованиями из латинского языка. Так, например, он использует *Aussagewort* вместо *Verbum*, *Grundwort* вместо *Substantivum*, *Nebenwort* вместо *Adverbium*, *unüberleitend* вместо *intransitiv(um)*, и соответственно *überleitend* для *transitiv(um)*. Однако это преобладание не является приоритетным. Слову *Eigenschaftswort* И.Г. Кампе предпочитает *Adjektivum*, а для большей ясности и четкости понимания рядом с немецким онемечиванием в скобках указывает латинский эквивалент:

Impersonale (nämlich verbum), in der Sprachlehre, ein Zeitwort, bei welchem keine Person (ich, du, er) angegeben wird, z.B. *es regnet*. [3, с. 57].

Пуризм И.Г. Кампе относится в наибольшей степени к гибридным образованиям, или лексемам, смешанно образованным. Речь идет о словах, в образовании которых принимали участие элементы не только родного языка, но и иностранного. Активное недовольство ученого вызывали, прежде всего, гибриды, образованные из лексических заимствований с помощью аффиксов и префиксов немецкого происхождения. Если такие новообразования не успевали полностью ассимилировать в языке, И.Г. Кампе предпринимал попытки искоренить их, заменить на онемечивания, например: *geheimsinnig* вместо *mystisch*, *vernunftswissenschaftlich* вместо *philosophisch* и т.д.

Гибридных образований, в возникновении которых принимали участие уже слова немецкого происхождения и иноязычные аффиксы, также не внушали доверие И.Г. Кампе. Более того, они вызывали раздражение пуриста, который заменял иноязычные аффиксы на аффиксы родного языка, например: *Blumenzieher* вместо *Blumist* и т.д.

Особенно нетерпим И.Г. Кампе был к интернациональным суффиксам латинского происхождения *-tät-* и *-ion-*. Внедряясь в немецкий язык, эти суффиксы вносили изменения в акцентологическую систему. Как известно, словесное ударение в немецком языке имеет фиксированный характер. Как правило, оно падает на первый корневой слог или на приставку, но не на суффиксы. А суффиксы *-tät-* и *-ion-* являются ударными, что противоречит фонетическому строю немецкого языка. В связи с этим И.Г. Кампе прибегал к приему онемечивания лексем, содержащих данные суффиксы, например: *Anstellerei* вместо *Affectation (Affektation)*, *Hochschule* вместо *Universität* и т.п.

По аналогии с «языком-гермафродитом» И. Г. Кампе называет гибридные образования «словами-гермафродитами» [5, с. 310]. Он считает «слова-гермафродиты» недостойными и постыдными и настаивает на использовании лексем и аффиксов немецкого происхождения при образовании новых единиц языка: «компоненты, которые мы используем для образования новых слов, а именно лежащее в основе слово и соединенные с ним префиксы и аффиксы, должны иметь исконно немецкие корни» [3, с. 61]. Таким образом, И. Г. Кампе отвергает межязыковые трансференции в области морфемики: «Мы должны стараться избегать шероховатостей, резкости, неблагозвучного сочетания звуков» [3, с. 62].

Следующий принцип пуристической концепции И.Г. Кампе заставляет обращать внимание на семантическую совместимость сочетаемых простых корневых слов в сложном слове не только в отношении дено-

тативных, но и в отношении коннотативных особенностей содержания. Ученый настаивал на необходимости избегать семантической непоследовательности и противоречий, возникающих при комбинации лексем: «При образовании новых сложных слов особое внимание надо уделять гармоничному сочетанию ключевых лексем. Одна составная лексема не должна подавлять другую, тем самым вызывая диссонанс, или отсутствие единства. Язык – это не пустой звон бубенцов, а выражение понятий здравомыслящих людей» [3, с. 62]. Так, например, И.Г. Кампе отклоняет ранее предложенное им сложное слово *Ehrensold (Honorarium)*, однако наряду с этим отстаивает аналогично образованное им сложное слово *Ehrenlohn*. объясняя это тем, что лексемы “Ehre” и “Sold”, по его мнению, несочетаемы с точки зрения коннотации, чего нельзя сказать о другой лексеме “Lohn”.

В отличие от известного пуриста XVII века Филиппа фон Цезена, Иоахим Генрих Кампе не считает составление сложных слов основным способом обогащения немецкого языка. Использование такого вида слов вызывает определенную трудность не только их воспроизведения, но и восприятия. Руководствуясь такими мыслями, И.Г. Кампе предлагает использовать соединительную букву «s» на месте связки простых слов: *Zwangsgläubiger (Katholik)*, *Zergliederungskunst (Anatomie)* и т.п.

Приведенные примеры со всей очевидностью демонстрируют, что языковой пуризм И.Г. Кампе лишен категоричности, а подчас и фанатизма, которые были свойственны его предшественникам [2]. Его лексикографические опыты продиктованы стремлением не просто очистить немецкий язык от иноязычных заимствований, а сохранить его в первозданном виде. И.Г. Кампе стремился сделать немецкий язык по-настоящему общедоступным, но без вульгаризации, сохранив в нем естественность, красоту и изящность форм. Поэтому и германизация иноязычных лексем носит скорее характер интеллектуальной игры, нежели четкой ортологической стратегии. И.Г. Кампе, как и его предшественники, полагал, что здравый смысл и принцип аналогии при образовании новых слов являются более важными при формировании языкового фонда, чем само словоупотребление. Однако дальнейшая история немецкого языка показала, что такая позиция оказалась неверной: из предложенных И.Г. Кампе онемечиваний в немецкий язык не вошли не более 10 % [1].

Анализ пуристической концепции И.Г. Кампе показывает, что стремление к искусственной германизации иноязычной лексики, обусловленное тенденцией к унификации языковой системы, не могло увенчаться успехом, так как противоречило другой фундаментальной тенденции языкового развития – к обогащению, прежде всего лексического состава.

Следует полагать, что именно то, что со временем в своих лексикографических опытах И.Г. Кампе постепенно начинает избегать пуристических крайностей, позволило ему заложить основы для демократизации единого немецкого языкового стандарта.

Библиографический список:

- [1] Коровкина А.А. Немецкоязычный пуризм как филологическая проблема // Этносоциум и межнациональная культура. 2014. № 6 (72). С. 173-177.
- [2] Касатикова А.А., Мурашко С.Ф., Долгенко А.Н. Языковое строительство и пуризм: опыт немецкого Барокко // Власть истории – История власти. – 2023. Том 9. Часть 1. № 43. С. 28-34.
- [3] Campe J.H. Wörterbuch zur Erklärung und Verdeutschung der unserer Sprache aufgedrungenen fremden Ausdrücke. Braunschweig, 1813. 687 p.
- [4] Kosyreva M.S., Bogoslovskaya, V.R., Dolgenko A.N., Murashko S.F. & Rudakova S.V. Axioms of Interlinguistics in the Context of Language Globalization // International Journal of Recent Technology and Engineering. 2019. Volume-8. Issue-3. P. 4533-4536.
- [5] Orgeldinger P. Standardisierung und Purismus bei Joachim Heinrich Campe (Studia Linguistica Germanica, 54). Verlag: Gruyter; Auflage: 1, 1999. 481 p.

Reference

- [1] Korovkina A.A. German-speaking purism as a philological problem // Ethnoscium and international culture. 2014. № 6 (72). P. 173-177.
- [2] Kasatikova A.A., Murashko S.F., Dolgenko A.N. Language construction and purism: the experience of the German Baroque // The power of history - The history of power. - 2023. Volume 9. Part 1. № 43. P. 28-34.
- [3] Campe J.H. Wörterbuch zur Erklärung und Verdeutschung der unserer Sprache aufgedrungenen fremden Ausdrücke. Braunschweig, 1813. 687 p.
- [4] Kosyreva M.S., Bogoslovskaya, V.R., Dolgenko A.N., Murashko S.F. & Rudakova S.V. Axioms of Interlinguistics in the Context of Language Globalization // International Journal of Recent Technology and Engineering. 2019. Volume-8. Issue-3. P. 4533-4536.
- [5] Orgeldinger P. Standardisierung und Purismus bei Joachim Heinrich Campe (Studia Linguistica Germanica, 54). Verlag: Gruyter; Auflage: 1, 1999. 481 p.

Касатикова А.А.

Старший преподаватель кафедры русского и иностранных языков,
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Мурашко С.Ф.

Профессор кафедры русского и иностранных языков,
кандидат психологических наук, доцент.
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Долженко А.Н.

Заведующий кафедрой русского и иностранных языков,
доктор филологических наук, доцент.
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

**Пуристическая концепция И.Г. Кампе
и проблемы германизации иноязычной лексики**

Аннотация. Статья посвящена анализу специфики языкового пуризма И.Г. Кампе как воплощения идей эпохи Просвещения. Последовательно описываются конкретные принципы пуристической доктрины И.Г. Кампе и их апробация в его лексикографической практике. Авторы делают вывод о том, что предложенная и широко апробированная И.Г. Кампе германизация иноязычной лексики оказалась малоперспективным способом очищения немецкого языка и носит скорее характер интеллектуальной игры, нежели четкой ортологической стратегии.

Ключевые слова: языковой пуризм, история немецкого языка.

Kasatikova A.A.

Senior Lecturer of the Department of Russian and Foreign Languages. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Murashko S.F.

Professor of the Department of Russian and Foreign Languages, Cand. Sc. in Psychology, Associate Professor. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Dolgenko A.N.

Head of the Department of Russian and Foreign Languages, Doctor of Philology, Associate Professor. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

I.G. Kampe's Purist Concept and the Problems of Germanization of Foreign Language Vocabulary

Abstract. The article is devoted to the analysis of the specificity of I.G. Campe's linguistic purism as an embodiment of Enlightenment ideas. The specific principles of I.G. Kampe's purist doctrine and the approbation of these principles in his lexicographical practice are consistently described. The authors come to conclusion that the Germanization of the foreign language vocabulary, proposed and widely tested by I.G. Kampe, has turned out to be an unpromising way of purification of the German language, and is more of an intellectual game, rather than a clear orthological strategy.

Key words: linguistic purism, history of the German language.

Ли Ино

Бакалавр, Китайский нефтяной университет (Пекин).

Модель человека в русской и китайской языковых картинах мира*

Современные лингвистические исследования все чаще и чаще обращаются к понятию «языковая картина мира», иногда называемой «моделью мира», под которой понимается «запечатленное в лексике соответствующего языка национально-специфическое видение всего сущего <...> – не только реальный материальный мир, но и все привносимое в него человеческим сознанием» [2, с. 140]. Учитывая антропоцентрический характер лингвистических исследований, ученые пришли к выводу, что «центром картины мира, обладающей общими чертами у представителей одного языкового коллектива, является человек с его чувствами, намерениями, чертами характера, способностями и действиями» [4, с. 3].

Феномен человека, как правило, осмысливается через соотношение «телесности» и «духовности». В русской языковой картине мира человек представлен как венец мироздания, в связи с чем ему определена роль в большей степени духовного существа, чем физического. Эмоции, языковые образы органов душевной жизни, ментальные процессы личности человека интересуют исследователей больше, чем его физическая структура.

Так, А.Д. Шмелев, исследуя такие лексемы, как *душа, тело, сердце, плоть, кровь, кости, голова, мозг*, подчеркивал, что именно в семантике данных понятий заложено языковое представление русского народа о строении человека и выражается его уникальность. Только у человека, отмечал он, органы могут обладать необычными свойствами, отвечать за интеллектуальные или душевные качества.

В христианской антропологии человек имеет тройственное строение – *дух — душа — тело*), но для наивно-языкового сознания указанную триаду скорее заменяют две оппозиции: *дух — плоть* и *душа — тело*. Первые члены этих оппозиций (*дух* и *душа*) связаны с нематериальным началом в человеке, тогда как вторые члены (*плоть* и *тело*) указывают на материальное начало.

Если *душа* человека формирует его личность, будучи вместилищем его сокровенных мыслей и чувств, то *дух* составляет его внутренний стержень. По-

* © Ли Ино, 2023.

этому в ситуации борьбы часто бывает важно *сломить* дух противника, после чего он утрачивает волю к победе или даже впадает в отчаяние [7, с. 25].

Вообще оппозиции – характерная черта русской национально-языковой картины мира. С точки зрения А.Д. Шмелева, русская языковая модель человека в большинстве своем состоит из оппозиций идеального (духовного) и материального, а также интеллектуального и эмоционального. «Первое противопоставление, – писал он, – отражается в языке как противопоставление *духа* и *плоти*, второе – как противопоставление *сердца* (*груди*) и *крови*, с одной стороны, и *головы* и *мозга* – с другой» [1, с. 149-150].

Кровь как материальная составляющая человека противостоит *духу*. Но если *плоть* относится к низшему в человеке и может иметь лишь отрицательное воздействие на его внутреннюю жизнь, то роль *крови* более разнообразна. Прежде всего, *кровь* служит носителем генетической информации. Говорят о *кровных родственниках*, *кровном родстве*.

Описывая семантику частей тела, А.Д. Шмелев опирается на тексты Библии (Священного Писания), где *сердце* представлено главным органом, ответственным за чувства, воспоминания, мысли, намерения и принятие решений. Так, Библия говорит, что Бог дал людям *сердце*, чтобы мыслить, *широта сердца* означает «широту знания», *говорить в сердце* – значит, «думать», выражение *ожесточенное сердце* соотносится со злым человеком, а «жестоковольные» иудеи характеризуются как люди с *необрезанным сердцем* и т. д. [1, с. 151].

По мысли Н.А. Костомаровой, национальную окрашенность приобретает и реализация картины мира в контексте ментальных свойств человека. Такие понятия, как *ум*, *рассудок*, *разум* являются своеобразным уникальным кодом для конкретной языковой группы [3, с. 55], а именно – для представителей русского этноса.

С точки зрения Е.В. Урысон, если человек может думать и понимать, то это – функция таких «органов» как *ум*, *разум*, *рассудок* [6]. Такое утверждение позволяет объяснить, почему *ум* реально ведет себя как обозначение некоторой вещи, наделенной своими функциями, т.е. как инструмент. Вспомним знаменитые строчки Ф. Тютчева: «*Умом Россию не понять*». Такое поведение слова *ум* – результат действия аналогии в семантике.

Противоречивость характера русского человека часто приводит к тому, что разные стороны внутренней жизни человека могут выступать несогласованно. Например, бывает так, что *ум* с *сердцем* не в ладу. Но иногда разум контролирует сердце. Можно, например, сказать «*Его сердце послушно разуму*», хотя в целом жизнь *сердца* неподвластна законам логики: «*Сердцу не прикажешь*».

Уникальность человека в языковой картине мира, представленной русским языком, состоит не только в его интеллектуальных или душевных ка-

чествах, отраженных невидимыми органами, но и в функциях составляющих его частей, участвующих в строении тела.

Так, в структуру языковой модели человека входят *кости и голова*. *Кости* – это, в первую очередь, символ старости. Кости – это то, что более всего нуждается в тепле (недаром говорят, что *пар костей не ломит*). Сильнее всего человек мерзнет, когда он *промерзает до костей* [7, с. 33].

Если в сердце локализуется эмоциональная жизнь человека, то в голове сосредоточены его ум и интеллект. *Голова* позволяет человеку здраво рассуждать; про человека, наделенного такой способностью, говорят *ясная (светлая) голова*, а о том, кто лишен такой способности, говорят, что у него *ветер в голове, каша в голове* или что он *без головы на плечах* [7, с. 34].

Наряду со способностью к здоровым рассуждениям, интеллектуальные способности человека включают также способности решать встающие перед ним задачи. Здесь опять-таки решающая роль принадлежит *голове* как месту локализации мыслей (*пришло в голову*), а также *мозгу (мозгам)*. При этом *мозг* (в единственном числе) рассматривается как своего рода механизм, который работает даже в том случае, если слабыми являются технические характеристики (*У него в мозгу всего одна извилина*) [7, с. 35].

Среди других материальных составляющих человека можно упомянуть печень (*печенку, печенки*) и выделяемую ею *желчь*, которые выступают в роли носителей раздражения, недовольства другими людьми (*сидеть в печенках; в нем много желчи*).

При выражении эмоций иногда упоминается *грудь* (*по груди пробежал холодок*), но возможности такого употребления ограничены.

Остальные материальные органы (такие как *почки, селезенка, кишки, желудок* и т.д.), сколь бы они ни были важны для физического состояния организма, с точки зрения русского языка практически не участвуют в интеллектуальной, эмоциональной и душевной жизни человека [7, с. 36]. Единственный пример – использование лексемы *кишки* как показателя решимости и смелости человека. Выражение *кишка тонка* свидетельствует о недостатке смелости. Однако, это, по-видимому, единственный такой случай.

Представление о человеке в китайской языковой картине мира не идентично таковому в русском языке. Согласно китайской модели, человек выступает в мире как истинный хозяин обжитого им в течение многих тысяч лет пространства, тем существом, которое возвышается над «десятью тысячами вещей»: «человек – это то среди десяти тысяч вещей, что обладает разумом» [5, с. 13].

В китайской языковой модели человека особенно ценным является описание «органов чувств». Причем к органам чувств относится не только сердце, посредством которого выражают радость, печаль, страх, ненависть,

зависть, но и *желудок, кишки, желчный пузырь*. Иными словами, те органы физического строения человека, которым в русской модели внимания не отводится. Рассмотрим некоторые из них.

Лексема 肚子 duzi «живот/желудок».

Живот/желудок в китайской модели человека – это вместилище, которое наполняется пищей во время еды. Он в чем-то похож на русскую душу, только душа жаждет духовной пищи, в то время как желудок заинтересован в пище материальной. При этом важно отметить, что *живот* в китайском языке не только связан с анатомией и физиологией человека, \\\\. Живот может служить и обозначением человека. Например, о голодном человеке говорят «*肚子饿*» («живот проголодался»).

В этом примере речь идет о потреблении человеком пищи, что естественно связать с желудком/животом. Но в следующем примере *duzi* обозначает просто человека, безотносительно к еде:

他还想吃一碗热腾腾的挂面，还定了三瓶红酒，好像他那个肚子多值钱似的。 [9].

«Он еще захотел тарелку горячей лапши, заказал еще три бокала вина, будто этот *duzi* зарабатывает много денег».

Живот в китайской модели человека также служит местонахождением мыслительного процесса:

肚子里想 «в животе у меня появилась мысль»

С точки зрения языковой модели человека, по мере того, как человек постигает информацию об окружающем мире, накапливает некий опыт и знания, он собирает и хранит эту информацию в животе. Таким образом, живот есть вместилище опыта, информации, знаний.

当时我真不知道怎么办，肚子里也没有答案。 [9].

«В то время я действительно не знал, что делать. В *duzi* тоже не было ответов».

Итак, живот – одна из очень важных частей человеческого тела, которая, наравне с головой и сердцем, отвечает за мысли и состояния человека.

Лексема 胆子 danzi «желчный пузырь».

В китайском языке есть специальный орган, функция которого – обеспечивать смелость человека. Это желчный пузырь. С точки зрения китайской языковой картины мира, размер желчного пузыря определяет степень смелости человека. Выражение *胆大* «желчный пузырь большой» означает, что человек храбр и решителен. Маленький желчный пузырь, напротив, означает, что человек труслив.

Желчный пузырь в китайском языке может являться хранилищем знаний и жизненного опыта.

学的知识多了 胆子自然就大了 [9].

«По мере того, как прибавляются знания сам собой растет и *danzi*».

Лексема 肠 *chang* «кишки/кишечник».

Еще одним органом, связанным с эмоциональным состоянием в модели человека в китайском языке, является кишечник.

У Тань Аошун упоминается, что понятие *chang* «кишки» тесно связано «с такими состояниями как тоска, печаль, грусть» [5, с. 121]. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры из китайских поэтических текстов разных времен, которые приводит данная исследовательница. Например, 心思不能言, / 肠中车轮转. [9].

«Разум не может говорить. / Кишки вертятся как колесо.»

Кишечник в данном случае выступает как орган чувств.

Лексема 心 *xin* «сердце»

В модели человека русской языковой картины мира сердцу отводится важная роль. Для русского человека сердце – это душа. Сердце тоскует, скучает, переживает, радуется, печалится, возмущается. Для китайцев сердце тоже является пристанищем многих видов эмоций и чувств — и радости, и печали, и страха, и зависти [5, с. 119].

妈妈, 我心里好苦啊 [9].

«Мама, как горько у меня на сердце!».

Сердце является и центром некоторых ментальных процессов. Этот орган отвечает за умственное состояние человека, его способность мыслить и анализировать жизненные ситуации и положение в них субъекта:

心里不知道怎么办 [9].

«Сердце не знало, что делать.»

Таким образом, всевозможные умственные желания также как и эмоциональные порывы, легко локализируются в китайском сердце. В похожей ситуации, говоря о внутренней жизни человека, русский человек, скорее, употребит слово «душа»: «Душу охватила печаль».

Но не всякие ментальные процессы могут происходить в сердце. В китайском языке не допустимы выражения типа *Помнить в сердце*,

Образ человека в языковой картине мира – это «концентрированное воплощение сути тех представлений о человеке, которые объективированы всей системой семантических единиц, структур и правил того или иного языка» [8, с. 13].

Как показало наше исследование, человек в языковой картине мира многолик, у него множество ипостасей, к которым относятся, в частности, человек *внешний, внутренний, разумный, эмоциональный* и др. Кроме того, человек в картине мира воспринимается как неразрывное единство вполне самостоятельных частей тела, которые отвечают за различные его состояния – душевное, ментальное, эмоциональное и т.п.

Наше исследование ориентировано на выявление особенностей русской и китайской языковой модели человека, которая и в китайском, и в

русском языках сильно отличается как от анатомии, так и от наших обычных представлений о теле человека.

Человек в обеих картинах мира представлен и как целостный, одушевленный объект и субъект, и как совокупность множества частей, деталей, элементов, ипостасей. Важными для национально-языковой интерпретации человека в китайской и русской картинах мира является тот факт, что внутренний мир человека «спрятан» в его физическом строении его тела, что помогает интерпретировать окружающий мир как мир определенной культуры, социума, индивидуальный мир.

Библиографический список:

- [1] Зализняк А.А., Левотина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М.: Языки славянской культуры, 2005. 544с.
- [2] Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
- [3] Костомарова Н.А. Человек в языковой картине мира китайских и русских студентов // Вестник Пермского университета. 2014. № 3 (27). С. 54-66.
- [4] Леонтьева Т.В. Интеллект человека в русской языковой картине мира: монография. – Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2008. 280 с.
- [5] Тань Аошунан. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 240 с.
- [6] Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2003. 224 с.
- [7] Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. – М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.
- [8] Языковой образ-концепт «человек» в русской языковой картине мира: Ипостаси, параметры, семантические и семантико-синтаксические категории, модели и субмодели, коммуникативно-прагматические реализации: Монография / под редакцией О.В. Коротун, Н.Д. Федяевой – Омск: Вариант-Омск, 2011. 122 с.
- [9] Chinese-Russian parallel subcorpus of RNC // URL: https://linghub.ru/rnc_parallel_chinese/search

Reference

- [1] Zaliznyak A.A., Levotina I.B., Shmelev A.D. Key ideas of the Russian language picture of the world. - M.: Languages of Slavic culture, 2005. 544 p.
- [2] Kornilov O.A. Language pictures of the world as derivatives of national mentalities. – M.: CheRo, 2003. 349 p.
- [3] Kostomarova N.A. Man in the linguistic picture of the world of Chinese and Russian students // Bulletin of the Perm University. 2014. № 3 (27). P. 54-66.
- [4] Leontyeva T.V. Human intellect in the Russian language picture of the world: monograph. - Yekaterinburg: Publishing house of GOU VPO "Ros. state prof.-ped. un-t", 2008. 280 p.
- [5] Tan Aoshuang. Chinese picture of the world: Language, culture, mentality. - M.: Languages of Slavic culture, 2004. 240 p.
- [6] Uryson E.V. Problems of the study of the language picture of the world. Analogy in semantics. - M.: Languages of Slavic culture, 2003. 224 p.
- [7] Shmelev A.D. Russian language model of the world: Materials for the dictionary. - M.: Languages of Slavic culture, 2002. 224 p.
- [8] The language image-concept "man" in the Russian language picture of the world: Hypostases, parameters, semantic and semantic-syntactic categories, models and submodels, communicative-pragmatic implementations: Monograph / edited by O.V. Korotun, N.D. Fedyaeva - Omsk: Variant-Omsk, 2011. 122 p.
- [9] Chinese-Russian parallel subcorpus of RNC // URL: https://linghub.ru/rnc_parallel_chinese/search

Ли Ино

Бакалавр, Китайский нефтяной университет (Пекин).

Модель человека в русской и китайской языковых картинах мира

Аннотация. Языковой образ человека давно интересует лингвистов, которые пытаются раскрыть семантические особенности его описания в рамках языковой картины мира. Цель данной статьи – предоставить интерпретацию языковой модели человека в китайской и русской модели мира. Автор статьи, обращая внимание на физическую структуру человеческого тела, пытается раскрыть внутреннюю жизнь органов в китайском и русском языках.

Ключевые слова: языковая картина мира, человек, модель человека, тело, орган.

Li Yi'nuo

China University of Petroleum (Beijing) Faculty of Philology.

The model of a person in the Russian and Chinese language worldview

Abstract. Linguists have been interesting in the linguistic image of a person for many years. They have been trying to reveal the semantic features of the linguistic model of a person describing them in a context of the language worldview. The purpose of this article is to provide an interpretation of the human language model in the Chinese and Russian models of the world. The author of the article, paying attention to the physical structure of the human body, tries to reveal the inner life of its organs in Chinese and Russian.

Key words: language worldview, person, human model, body, organ.

Лин Яньюй

Бакалавр, Московский педагогический государственный университет.

Словообразовательный потенциал русского антропонима в диахроническом и синхроническом аспектах*

Важной частью народного языкового сознания, материализующего опыт как всего народа, так и отдельных его представителей данного народа являются собственные имена, которые не только раскрывают особенности национального характера, но и передают специфику национального мышления, и народного менталитета. Изучение данного пласта лексического фонда, как считают исследователи, поможет постичь национальную ментальность на том или ином этапе развития общества» [7, с. 12], ведь семантика онимов так или иначе отражает культурную и страноведческую информацию, апеллируя к элементам мировой и региональной культуры.

Однако, не только не только своей лингвокультурной спецификой привлекают исследователей русские имена. Большинство ученых отмечают, что в русских антропонимах испокон веков заложен богатейший словообразовательный потенциал.

Ю.С. Азарх, исследуя особенности и процессы именного словообразования в русском языке, отмечает, что уже в древнюю эпоху к обычным каноническим именам присоединялись суффиксы, которые придавали этим именам экспрессивность [1]. Одно и то же имя существовало в различных формах, что говорит о его функционировании в качестве средства идентификации личности. Например, *Илюшка, Илейка < Илья; Гаврило, Гаврилко, Гаврюша < Гавриил; Ивач, Иванко, Ванюша, Ваня < Иван* и т.п. В архивных материалах (грамотах, дозорных и переписных книгах, ревизских сказках, монастырских книгах, таможенных документах) можно встретить десятки антропонимов, образованных от полного имени с помощью суффикса. Однако, все эти вторичные имена имеют социально-сниженный характер и указывают на то, что обладатель данного имени, скорее всего, находился на низшей ступени сословной лестницы.

Вторичные антропонимы, как правило, имеют суффикс *-к-*: *Васька,*

* © Лин Яньюй, 2023.

Гришка, Федька, Фомка и пр. Этим же формантом могли снабжаться не только канонические имена, но и прозвища: *Вагулка, Воеводка, Замятка, Корелка* и др. Как видим, данные имена имеют окончание *-а*, но в архивных материалах можно встретить и имена с окончанием *-о*, некоторые из которых впоследствии перешли в фамилии: *Вавилко, Гарасимко, Игнатко, Михалко, Сидорко* и т.п.

Популярными в XVI-XVII веках были канонические имена с формантами *-л(о)* (*Бадрызло, Грызло, Нюхло, Розгайло*) и *-ш(а)*: *Гаврило > Гавша, Алексей > Алекша, Кирилл > Кириша, Филипп > Филипша*. Но ведут свое происхождение подобные антропонимы с XI-XII вв. [9, с. 109-113]. В новгородских грамотах XI-XV веков можно найти такие имена, как *Даньша, Олекша, Братьша, Прокиша* и т.п. [5].

В более поздних памятниках, относящихся, например, к XVII веку, также встречаются антропонимы с суффиксом *-ш-*: *Обакша, холоп, портной* [4, с. 223]; «*Акиниша Мокаров с(ы)нъ*» [8, с. 76]; *Перша* [1, с. 39]. К этому же времени появился новый тип мужских антропонимов – с формантом *-ло*: *Кутайло, Кирило, Брыкало*. Но подобные имена не имели официального статуса. По крайней мере, в деловых бумагах они отсутствовали. Ю.С. Азарх делает вывод, что данные антропонимы использовались только в разговорной речи, а формант *-ло* имел в достаточной степени экспрессивный характер [1, с. 128]. Существует точка зрения, что этот формант восходит к севернорусским говорам, поскольку для других региональных говоров характерен формант *-л(а)*.

В конце XVII – начале XVIII веков русские вторичные имена пополнились еще двумя формантами. В прозвищах и неканонических именах стали использоваться форманты *-ай(-яй)* и *-ак(-як)*: *Кутай, Беляй, Тепляй, Симак, Патрак* и т.п.

Ю.С. Азарх считает, что имена с суффиксом *-ак(-як)*, известные еще в древнерусскую эпоху, образовались от прилагательных: *Живак < живой, Крутак < крутой, Русак < русский* [1, с. 107]. Но можно найти примеры образования вторичных антропонимов и от существительных: *бревно > Бревняк; шурин > Шурак*.

Итак, в русской антропонимии XVI — XVIII вв. широко отразились словообразовательные модели существительных общего рода с различными формантами. Мы рассмотрели только некоторые из них. Но даже это небольшое количество словообразовательных суффиксов дает ясное представление об антропонимической системе русского языка, в которой суффикс был средством идентификации личности, передавая коннотативную окрашенность имени, что нашло отражение и в словообразовании современных русских антропонимов.

Теперь остановимся на особенностях словообразования современных русских антропонимов. Прежде всего, эти имена характерны многообразием уменьшительно-ласкательных и увеличительных суффиксов, отражающих субъективно-оценочное отношение говорящего к обладателю данного имени, которое может быть позитивным или негативным.

Первичные субъективно-оценочные формы русского антропонима образуются путем присоединения формообразующих морфем к полному имени (*Петр* > *Петруша*) или отдельным слогам (*Анна-Аня*). Получается 2-й оценочный ряд. К ним присоединяются суффиксы и получается 3-й ряд (*Петр* - *Петруша* — *Петрушка*) [6, с. 125].

Особенностью словообразования антропонимов в русском языке является то, что формообразующие элементы не всегда в нем участвуют. В качестве примера рассмотрим словообразовательную цепочку имени *Александр*. Как известно, друзья и знакомые носителя этого имени называют просто *Сашей*. Это уменьшительное имя появилось в результате выделения слога *-са-* из полного имени и присоединения к нему форманта *-ша-*. Следующий этап – добавление к основе неизвестно откуда взявшегося слога *-ур-*: *Сашура*. Далее происходит усечение имени (отсекается первый слог). Так рождается популярное в русском языке имя *Шура*. Как видим, в результате такого преобразования от полного имени – *Александр* – остался всего один звук – *-а-*.

Личные имена второго плана, как правило, образуются посредством суффиксов. Если производящая основа оканчивается на согласный звук или начинается с него, то присоединяются морфемы, состоящие из гласных звуков или начинающиеся с них (*-а*, *-я*, *-ушка*, *-очка*, *-онька*, *-уша*, *-ура*, *-уня*, *-ута*, *-ик* и *-ка*). Если производящая основа оканчивается на гласный, то присоединяются суффиксы, начинающиеся с согласного (*-ша*, *-ня*, *-ха*). Суффиксы *-ка*, *-ушка*, *-очка*, *-онька*, *-ик*, *-ха* придают именам «окончательное» оформление, т.е. дальнейшее присоединение суффиксов или усечение невозможно.

Вторичные имена, образованные суффиксальным способом словообразования, можно разделить на несколько групп:

1. Имена, имеющие неофициально-нейтральный статус.

Имена этой группы не обладают экспрессивностью. Это обычные имена, которые используются носителем языка в быту, но им свойственна фамильярность, указывающая на родственность отношений или дружеский характер коммуникантов: *Саша*, *Света*, *Аня*, *Вера* и т.п.

2. Ласкательные имена, в структуру которых входят суффиксы *-ушка*, *-онька*, *-очка* (*Верочка*, *Любонька*, *Макарушка*), иногда – *-утка* (*Мишутка*);

3. Уничижительные имена, которые выражают презрение и пренебре-

жение. Такие имена образуются при помощи суффикса – *ка* (*Ленка, Светка, Сонька, Мишка*).

Следует отметить, что русские личные имена могут усекаться, в связи с чем женский антропоним может оканчиваться на согласный звук: *Зин, Лен, Варь*.

Самыми распространенными суффиксами для образования неофициальных форм русских личных имен являются: *-чик* (*Андрейчик, Иванчик, Санчик*), *-ка* (*Витька, Натка, Светка*), *-ушка* (*Никитушка, Гаврюшка*), *-ура* (*Зинура, Катюра*), *-ек* (*Витек, Санек*), *-ечка* (*Анечка, Танечка*), *-аха* (*Любаха, Натаха*), *-оха* (*Антоха, Проха*). Кроме типичных для наших дней форм личного имени, можно отметить и формы, неактуальные сегодня, но иногда встречающиеся в разговорах лиц старшего поколения (например, *Иваночка, Петрище*).

Бытует мнение, что антропонимы типа *Верка, Светка, Мишка* представляют собой морально-уничижительную форму вторичного имени и носят пренебрежительный характер. Однако, на наш взгляд, подобные имена не стоит рассматривать с негативных позиций, поскольку таким образом обращаются друг к другу, связанные родственными, дружескими или просто доверительными отношениями. Такого рода имена входят в так называемую «личную сферу говорящего», о которой говорит Ю.Д. Апресян [2]. Эта сфера, в которую входит говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально (в том числе и его окружение), представляет собой фрагмент «наивной картины мира». Ю.Д. Апресян считает, что если имена подобного типа выходят за пределы «личной сферы говорящего», то тогда они, действительно, носят пренебрежительный или морально-уничижительный характер.

А. Вежицкая отмечает, что в именах собственных всегда отражается степень проявления человеческих чувств и человеческих отношений [3, с. 194]. На наш взгляд, словообразовательные форманты русского антропонима не только репрезентируют проявлений эмоций, но и отражают национальное своеобразие носителей русского языка.

Библиографический список:

- [1] Азарх Ю.С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. – М.: Наука, 1984. 247 с.
- [2] Апресян Ю.Д. Личная сфера говорящего и наивная картина мира // Семантические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. – М.: ВИНТИ, 1985. С. 263-268.
- [3] Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. 412 с.
- [4] Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. – М.: Наука, 1974. 382 с.
- [5] Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
- [6] Митрофанова О.Д. Личные имена с суффиксами субъективной оценки в современном русском языке: Автореф. ... канд. филолог. наук. – М.: 1958. 16 с.
- [7] Нахимова Е.А. Имена русских царей как прецедентное поле в современных российских СМИ // Вестник Пермского университета. 2009. Вып. 2. С. 12-19.

- [8] Памятники южновеликорусского наречия. Конец XVI – начало XVII вв. / Под ред. С.И. Коткова. – М.: Наука, 1990. 231 с.
- [9] Толкачев А.И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI—XV вв. // Историческая ономастика. М.: Наука, 1977. С. 98-128.

Reference

- [1] Azarkh Yu.S. Word formation and shaping of nouns in the history of the Russian language. – М.: Nauka, 1984. 247 p.
- [2] Apresyan Yu.D. The personal sphere of the speaker and the naive picture of the world // Semantic aspects of the formalization of intellectual activity. – М.: VINITI, 1985. P. 263-268.
- [3] Vezhbitskaya A. Language. Culture. Cognition. - М.: Russian dictionaries, 1996. 412 p.
- [4] Veselovsky S.B. Onomasticon. Old Russian names, nicknames and surnames. – М.: Nauka, 1974. 382 p.
- [5] Zaliznyak A.A. Old Novgorod dialect. - М.: Languages of Slavic culture, 2004. 872 p.
- [6] Mitrofanova O.D. Personal names with suffixes of subjective evaluation in modern Russian: Avtoref. ... cand. philologist. Sciences. - М.: 1958. 16 p.
- [7] Nakhimova E.A. The names of Russian tsars as a precedent field in modern Russian media // Bulletin of the Perm University. 2009. Issue. 2. P. 12-19.
- [8] Monuments of the South Great Russian dialect. Late 16th - early 17th centuries / Ed. S.I. Kotkov. – М.: Nauka, 1990. 231 p.
- [9] Tolkachev A.I. On the history of word-formation of forms with the meaning of subjective evaluation (qualitatives) of personal proper names of Greek origin in the Old Russian language of the 11th-15th centuries. // Historical onomastics. М.: Nauka, 1977. P. 98-128.

Лин Яньюй

Бакалавр, Московский педагогический государственный университет.

**Словообразовательный потенциал
русского антропонима в диахроническом
и синхроническом аспектах**

Аннотация. В русской лингвистике проблема семантики и функционирования личных имен собственных исследована довольно широко, чего нельзя сказать о словообразовательных возможностях русских антропонимов. В данной статье предпринята попытка показать роль словообразования в происхождении и развитии русского имени. Автор статьи рассматривает особенности использования словообразовательных формантов в создании русского имени с древности и до наших дней.

Ключевые слова: имя собственное, антропоним, словообразовательный формант, суффикс, эмоциональная оценка.

Lin Yanyu

Faculty of Philology. Moscow Pedagogical State University.

**The word-formation potential
of Russian anthroponyms in diachronic and synchronic aspects**

Abstract. Russian linguists have studied the problem of semantics and functioning of personal proper names quite well. But one can't say the same about the description of the Russian anthroponyms word-formation capabilities. This article attempts to show the role of the word formation in the origin and development of the Russian namebook. The author of the article examines the features of the use of word-formative formants in the creation of a Russian name from ancient times to the present day.

Key words: proper name, anthroponym, word-formation formant, suffix, emotional evaluation.

Орлова Т.А.

ФГБОУ ВО Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева.

Чубарова Ю.Е.

ФГБОУ ВО Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева.

Резепова Н.В.

ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет кинематографии имени С.А. Герасимова».

Корреляция невербальных и вербальных коммуникативных кодов в англоязычном прозаическом тексте*

Введение

Как известно, невербальная семиотика берёт начало в нескольких интеллектуальных традициях, таких как биология, психология, социология и лингвистика. Современную научную парадигму в области невербальной семиотики отличает не разъединение указанных направлений, а их сближение, вплоть до подлинной интеграции; мы бы даже рискнули утверждать, что большинство современных фундаментальных трудов в этой области являются «био-психо-социо-лингвистическими» [Крейдлин, 2002, с. 20]. Несмотря на то, что невербальные коды являются предметом изучения невербальной семиотики, парадигма отношений вербальных и невербальных кодов активно изучается лингвистикой и прикладной психолингвистикой. Одной из наиболее значимых тенденций, имеющих место в современной лингвистике, является последовательное рассмотрение языковых явлений с точки зрения антропоцентричности языка. Формирование антропоцентрической парадигмы привело также к повороту лингвистической проблематики. Именно гуманизацией лингвистики объясняется интерес к социальному, психологическому, коммуникативному аспектам языка [Орлова, 2012, с. 237].

В контексте исследования прагматической направленности невербальной семиотики, крайне важным считаем отметить тот факт, что несмотря

* © Орлова Т.А., Чубарова Ю.Е., Резепова Н.В., 2023.

на наличие, как правило, одного доминирующего канала связи, человек в процессе коммуникации неизбежно задействует сразу все виды невербальной коммуникации, поскольку распознавание и понимание визуального, аудиального, кинетического и других невербальных кодов способствует достижению высочайшего уровня взаимопонимания участников коммуникативного акта.

В настоящем исследовании мы пытаемся продемонстрировать взаимодействие вербальных и невербальных кодов на материале поведения персонажей романа Lauren Oliver «Delirium».

Теоретическая база. В качестве методического обоснования предложены работы отечественных лингвистов по невербальной семиотике (Крейдлин, 2002; Орлова, 2012), дискурс-анализу (Чубарова, 2009) и общей лингвистике (Журтова, 2009).

Методологической базой исследования избрана та система функциональной сущности языка, которая решается в настоящее время на базе достижений в области лингвистики текста, дискурсивной лингвистики, коммуникативной лингвистики и лингвокультурологии.

Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в том, что полученные выводы представляют научную ценность для различных направлений научных исследований, связанных с феноменом текста и дискурса, включая психолингвистику, лингвокультурологию, а также внеязыковые дисциплины, затрагивающие проблемы языка, культуры и семиотики.

Практическая ценность работы заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы при чтении курсов по стилистике английского языка, а также разнообразных спецкурсов по лингвистике текста и дискурсивной лингвистике, лингвокультурологии, когнитивной лингвистике и семиотике.

Основная часть

Языковые коды в сочетании с невербальными в коммуникативной ситуации служат реализации комплексной задачи по передаче системной картины происходящего, в том числе в соответствии с культурными особенностями, социальными, гендерными и личными особенностями коммуникантов. Проанализируем корреляцию невербальных и вербальных знаков на текстовых иллюстрациях из англоязычной прозы.

A door bangs loudly at the front of the locker room, and Hana and I both jump, staring at each other with wide eyes. Footsteps click quickly across the linoleum. After a few seconds of hesitation, Hana launches smoothly into a safe topic: the colour of the graduation gowns, which are orange this year [Oliver, 2011, p. 45]

Приведённый выше текстовый фрагмент содержит серию аудиальных

кодов. Шум открывающейся двери спровоцировал у участников невербальной коммуникации ярко выраженные чувства тревоги и нервного напряжения в виде визуальной реакции. Визуальный код семантизируется посредством фразового глагола и обстоятельственной и атрибутивной синтагм – “*to stare at each other with wide eyes*”. Данный визуальный код сообщает читателю о состоянии боевой готовности персонажей. Следует отметить, что в приведённом примере присутствует целая серия актов аудиальных кодов, и визуальный код выступает в качестве реакции на один из них. В этой связи уместно заключить, что данные визуальные коды находятся в синтагматических отношениях. Невербальные системы кодов в приведённом текстовом блоке имеют своей целью донести до читателя истинную картину эмоционального состояния коммуникантов, предлагая, таким образом, возможность сформировать адекватную оценку коммуникативной ситуации.

Рассмотрим следующий пример.

He turns to look at me. His face is completely professional and composed, but I swear I see something flickering in his eyes, a look of amusement or pleasure. ‘No,’ he says smoothly. ‘We’ve never met. I’m sure I would remember.’ The flash in his eyes are back – is he laughing at me? [Oliver, 2011, p. 55]

В предложенном текстовом фрагменте продемонстрированы сразу несколько знаковых систем. Визуальный код *to look at* одного из говорящих позволяет другому коммуниканту интерпретировать его кинетический код – выражение лица «*His face is completely professional and composed*». Однако, коммуникант одновременно интерпретирует и визуальный код – «*flickering in his eyes, a look of amusement or pleasure*», который противоречит предшествующему, в результате чего они вступают в конфликт, то есть конкурируют, отношения находятся в парадигматической плоскости. Коммуникант должен решить, какой из полученных невербальных кодов заслуживает того, чтобы быть принятым за истину. Происходит вербальная коммуникация, однако данный вербальный код согласован с предыдущим кинетическим, но не соответствует предыдущему визуальному коду. Последующий визуальный код «*The flash in his eyes are back*» не делает коммуникативную ситуацию прозрачной – полученный визуальный код по содержанию соответствует предыдущему визуальному коду, но конкурирует как с вербальным кодом, так и с кинетическим. Подобное наслаивание знаковых систем, передающих два противоречащих друг другу сообщения, сбивают реципиента с толку, что актуализируется во фразе «*is he laughing at me?*».

Следующая текстовая иллюстрация является развитием коммуникативной ситуации предыдущего параграфа.

Again I have the impression of something flickering behind Alex’s eyes, even

as the rest of his face stays totally neutral. I don't trust him, I realize, and again wonder why he's lying about being in the labs yesterday [Oliver, 2011, p. 58].

Дублирующийся визуальный код – «*something flickering behind Alex's eyes*» продолжает конфликтовать с кинетическим кодом – «*the rest of his face stays totally neutral*», в результате чего реципиент приходит к выводу, что в данной коммуникативной ситуации именно визуальный код является валидным, а кинетический не заслуживает доверия. В контексте данных рассуждений представляется логичным заключить, что кинетический код, несмотря на его вербальную обоснованность, был считан реципиентом как ненадёжный.

He stops several feet away from me. I see the concern in his eyes, even if he manages to keep the rest of his face composed [Oliver, 2011, p. 305].

В представленной выше текстовой иллюстрации можно выделить несколько невербальных знаков: проксемический, визуальный и кинетический, остановимся подробнее на двух последних. Данная коммуникативная ситуация свидетельствует о том, что кинетический код «*he manages to keep the rest of his face composed*», противоречит визуальному – «*the concern in his eyes*», несмотря на то, что именно кинетический знак персонаж стремится коммуницировать, а визуальный осуществляется произвольно. Таким образом, в системе других невербальных кодов визуальный код вполне может считаться доминирующим в коммуникативных ситуациях, если данные коды вступают в конфликт.

'That.' Irritation creeps into Hana's voice. I guess I should be happy she's not crying anymore. 'The knocking.' She narrows her eyes, staring at me suspiciously. I thought nobody comes in this way' [Oliver, 2011, p. 221].

В представленной коммуникативной ситуации очевидны следующие знаковые системы: вербальная, аудиальная, визуальная. Вербальный код «*That*» был интерпретирован реципиентом в том числе как аудиальный код «*Irritation creeps into Hana's voice*», в котором коммуникант стремится выразить раздражение – оба кода семантически совпадают. Новый вербальный код сопровождается визуальным «*She narrows her eyes, staring at me suspiciously*», который точно так же имеет единое смысловое содержание, что знак визуальной системы. Данный текстовый фрагмент демонстрирует, как четыре невербальных кода (только два из которых являются однородными) сосуществуют в единой коммуникативной ситуации, находясь при этом в парадигматических отношениях, поскольку каждый код практически независим. Предложенную текстовую иллюстрацию можно считать примером корреляции вербальных, аудиальных и визуальных кодов, максимально приближенным к реальной коммуникации.

В приведённом ниже текстовом блоке присутствуют такие системы знаков, как визуальный, проксемический и кинетический соответственно.

Hana and I both shoot him a death stare, and he takes a step backward and ducks his head [Oliver, 2011, p. 222].

В отличие от предыдущего текстового фрагмента, где были очевидны прагматические отношения между знаками, данный пример демонстрирует то, как невербальные знаки образуют совершенно прозрачную причинно-следственную связь. Визуальный код «*shoot him a death stare*» совершенно естественно был воспринят реципиентом как потенциально опасный, верно его интерпретировав, персонаж коммуницирует проксемический знак «*takes a step backward*», стремясь показать, что он не хочет столкновения, а также демонстрирует кинетический знак «*ducks his head*», призванный показать, что коммуникант не желает усугубить конфликтную ситуацию.

Заключение

Проанализировав ряд примеров, полагаем целесообразным представить парадигму отношений визуальных кодов с вербальными и невербальными кодами в следующей стратификации:

- визуальный код как реакция на вербальный;
- вербальный код как реакция на визуальный;
- визуальный код как реакция на другой визуальный код;
- визуальный код как реакция на невербальный код иной природы: аудиальный, кинетический;
- аудиальный и/или кинетический код как реакция на визуальный код;
- одновременное функционирование визуального и вербального кодов;
- одновременное функционирование визуального и других невербальных кодов.

Основываясь на предложенной выше классификации, логично заключить, что в коммуникации визуальный код может выступать в качестве стимулятора иного кода или являться результатом обратной связи, иными словами, визуальное поведение состоит с другими видами вербального и невербального поведения в причинно-следственных связях. Кроме того, в парадигме отношений визуальных кодов с другими кодами представляется возможным наблюдать их коммуникативную кооперацию, то есть их синхронную функциональность, и в данной парадигме коды выступают как относительно независимые компоненты коммуникации. Таким образом, логично утверждать, что отношения визуальных кодов с вербальными, аудиальными и кинетическими следует интерпретировать как синтагматические, когда причинно-следственные связи прослеживаются, и как парадигматические, в том случае если коды сосуществуют в коммуникативном акте относительно независимо.

Библиографический список:

- [1] Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика (монография) - М.: Новое литературное обозрение, 2002. 577 с.
- [2] Журтова О.А. Художественный текст как авторская картина мира / О.А. Журтова, Ю.Е. Чубарова // Гуманитарные исследования: традиции и инновации : Межвузовский сборник научных трудов. Том Выпуск 3. – Саранск : Издательство Мордовского университета, 2009. С. 26-30.
- [3] Орлова Т.А. Антропоцентрическая координата одорических дескрипций (на материале текста романа Патрика Зюскинда «Perfume: The Story of a Murderer») // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы: Материалы седьмой международной научно-практической конференции, Самара, 19–20 сентября 2012 года. – Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет, 2012. С. 237-240.
- [4] Орлова Т.А. Информативные ресурсы недиалоговой части англоязычного драматического текста (на материале пьес американских авторов XX века): специальность 10.02.04 «Германские языки»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Орлова Татьяна Александровна. – Пенза, 2007. 23 с.
- [5] Чубарова Ю.Е. Институциональный дискурс // Научный потенциал молодежи - будущему Мордовии: Материалы итоговой региональной научно-практической конференции в 2 частях, Саранск, 25 мая – 03 2009 года. Том Часть 1. – Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, 2009. С. 74-75.
- [6] Oliver, L. Delirium – London: Hodder & Stoughton, 2011. 408 p.

Reference

- [1] Kreydlin G.E. Non-verbal semiotics (monograph) - M.: New literary review, 2002. 577 p.
- [2] Zhurtova O.A. Artistic text as an author's picture of the world / O.A. Zhurtova, Yu.E. Chubarova // Humanitarian research: traditions and innovations: Interuniversity collection of scientific papers. Volume Issue 3. – Saransk: Mordovian University Press, 2009. P. 26-30.
- [3] Orlova T.A. Anthropocentric coordinate of odoric descriptions (based on the text of Patrick Suskind's novel "Perfume: The Story of a Murderer") // Higher Humanitarian Education of the 21st Century: Problems and Prospects: Proceedings of the Seventh International Scientific and Practical Conference, Samara, September 19–20, 2012. – Samara: Samara State Social and Pedagogical University, 2012. P. 237-240.
- [4] Orlova T.A. Informative resources of the non-dialogue part of the English-language dramatic text (based on the plays of American authors of the 20th century): specialty 10.02.04 "Germanic languages": dissertation abstract for the degree of candidate of philological sciences / Orlova Tatyana Alexandrovna. - Pyatigorsk, 2007. 23 p.
- [5] Chubarova Yu.E. Institutional discourse // Scientific potential of youth - the future of Mordovia: Materials of the final regional scientific and practical conference in 2 parts. Saransk, May 25 - 03, 2009. Volume Part 1. - Saransk: National Research Mordovian State University. N.P. Ogaryova, 2009. P. 74-75.
- [6] Oliver, L. Delirium - London: Hodder & Stoughton, 2011. 408 p.

Орлова Т.А.

ФГБОУ ВО

Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева.

Чубарова Ю.Е.

ФГБОУ ВО

Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева.

Резцова Н.В.

ФГБОУ ВО

«Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет кинематографии имени С.А. Герасимова».

**Корреляция невербальных
и вербальных коммуникативных кодов
в англоязычном прозаическом тексте**

Аннотация. Статья ставит своей целью рассмотрение основных особенностей семантизации невербальных кодов, характеризующих поведение персонажей литературной коммуникации. Невербальная коммуникация является неотъемлемой частью человеческого общения, так как адекватная интерпретация любого речевого произведения с наличием невербальных компонентов коммуникации невозможна без их учёта, тем более что иногда они не просто дополняют вербальные акты, а выполняют основную функцию реализации интенции говорящего. Пренебрежение невербальным сопровождением речи может привести к искажению картины реальной коммуникации.

Ключевые слова: невербальная семиотика, антропоцентричность, языковой код, коммуникативная ситуация, невербальный знак, причинно-следственные связи.

Orlova T.A.

Mordovia State University named after N.P. Ogaryov.

Chubarova Yu.E.

Mordovia State University named after N.P. Ogaryov.

Rezepova N.V.

*Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov,
All-Russian State University
of Cinematography named after S.A. Gerasimov.*

**Correlation of non-verbal
and verbal communicative codes in English prosaic text**

Abstract. The article aims to consider the main features of the semantization of non-verbal codes that characterize the behavior of characters of fiction. Non-verbal communication is an integral part of human communication, since an adequate interpretation of any speech work with the presence of non-verbal communication components is impossible without taking them into account, since they not only complement verbal acts, but perform the main function of realizing the speaker's intention. Neglecting non-verbal accompaniment of speech can lead to a distortion of real communication.

Key words: non-verbal semiotics, anthropocentricity, verbal code, communicative situation, non-verbal sign, causal relationships.

Снегирев И.А.

Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики иностранных языков ИИЯ (Институт иностранных языков) РУДН (Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы).

Непомнящих Н.М.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков ИИЯ (Институт иностранных языков) РУДН (Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы).

«Скальд» и «бард» в русской поэзии. Опыт корпусного анализа*

1. Введение

В качестве одного из возможных определений понятия «петербургского текста» В.Н. Топоров предложил следующую формулировку: «сверхважный в силу своей смысловой сверхуплотненности конструкт общего характера» [7]. В силу продуктивности подхода, предложенного исследователем в этой, ставшей уже классической, работе, определение прижилось и распространилось. Безусловно, помимо ключевого для русской литературы «петербургского», исследователи выделяют и другие типы текстов. Например, можно отметить исследования, посвященные «восточному тексту» [1; 4]. В качестве другого, «географического текста» можно предложить «северный текст», связанный с процессами рецепции скандинавской и кельтской культур. Одной из целей настоящего исследования можно считать необходимость более глубокого рассмотрения влияния и восприятия скандинавской и кельтской культур русской. В творчестве писателей и поэтов XIX – начала XX веков зачастую нет четкой дифференциации элементов данных культур, они, как будет показано, в том числе, в настоящем исследовании, смешиваются произвольно, периодически выступая в качестве взаимозаменяемых. Так, в частности, подобная «неразличимость» объясняется представлением об общем прошлом славянских, скандинавских, кельтских и финских народов; представлением, которое поддерживала, в том числе, и часть историков того времени [6].

Подобное восприятие истории подчеркивает одну из важных сторон изучения «северного текста», когда рецепция культур севера Европы ока-

* © Снегирев И.А., Непомнящих Н.М., 2023.

зывается неразрывно связана с историко-философскими поисками русских писателей, а стихотворение «Швеция» Н.С. Гумилева в сознании некоторых читателей противопоставляется «Скифам» А. Блока [9].

При этом хронологически «северный текст» будет явлением скорее локальным. Он связан с двумя поворотными моментами в истории русской литературы, а именно, с ранним романтизмом (начало XIX века) и с Серебряным веком русской литературы (на рубеже XIX–XX веков).

2. Теоретические основы

Первый период из обозначенных выше довольно подробно описан исследователями [3], второй в настоящее время скорее входит в поле научных интересов [8].

Подобная темпоральная локальность позволяет четче описать сам механизм возникновения интереса, «встречного течения», формирования устойчивого текстового поля, появления текстов, выходящих за пределы обозначенного канона, и, наконец, влияние анализируемого явления на все остальные литературные процессы.

Таким образом, настоящее исследование находится, прежде всего, в рамках того представления о сравнительном литературоведении и механизмах влияния, которые были сформулированы в «Исторической поэтике» А.Н. Веселовского [2]. Вместе с тем новейшие исследования в области компаративистики, когнитивистики и лингвокультурологии [5] заставляют не столько пересмотреть, сколько актуализируют выдвинутые им идеи, давая инструменты для составления доказательной базы и дальнейшей разработки научных фактов. Необходимо также отметить, что само введенное понятие «текста» заставляет обращаться к междисциплинарным методам, строя любое рассуждение на стыке таких дисциплин как лингвистика, литературоведение, семиотика и культурология, вырабатывая некую единую, непротиворечивую методологию.

3. Цели исследования

Обозначенные выше идеи нуждаются не только в тщательной проверке методами, применяемыми в литературоведении и культурологии, но и в достаточно убедительном статистическом подтверждении, которое могли бы обеспечить методы количественной лингвистики. Цель применения количественных методов здесь – не заменить качественный подход, а дать ему, прежде всего, веское обоснование. Кроме того, обнаружение некоторых статистических закономерностей может задать новые векторы в анализе исследуемых образов.

4. Методы исследования

Как и всякое другое подобное ему понятие, «северный текст» представляет собой довольно неоднородное поле, состоящее из явлений разного порядка (от ядра к периферии).

Среди ядерных образов стоит выделить образы «скальда» и «барда». Прежде всего, нет сомнений, что это ключевые образы для скандинавской и кельтской культур, соответственно; и исследования того времени редко обходились без обращения к анализу данных образов. Далее, эти образы были важны и как часть механизма поэтической саморефлексии и самоидентификации. Присвоение или наследование чужой культуры невозможно было бы, если бы поэты России XIX или XX века не видели бы в бардах или скальдах своих далеких предков (пусть и лишь по поэтическому ремеслу). В связи с этим, видится необходимым рассмотрение репрезентации двух анализируемых образов в диахронии методами корпусной лингвистики. Так, настоящее исследование проведено на материале текстов Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru) (далее – [НКРЯ]). В качестве основного выбран поэтический подкорпус НКРЯ, что позволило исключить нерелевантные для настоящего исследования источники.

5. Результаты исследования

Лексемы *скальд* и *бард*, согласно поэтическому подкорпусу НКРЯ, нельзя назвать частотными.

Так, лексема *скальд* представлена 75 вхождениями в 46 документах (объём поэтического корпуса: 94 930 документов, 13 000 179 слов). Лексема *бард* встречается чаще – 205 вхождений в 153 документах. Для сравнения – лексема *поэт* – 7 572 вхождения в 5 034 документах. Результаты скорее сопоставимы с использованием перифрастического сочетания ‘любимец муз’ – 46 вхождений в 43 документах. Подобная низкая частота встречаемости анализируемых лексем показывает, прежде всего, то, что выражаемые ими образы не являлись частью традиционной поэтической топики и поэтому всякое обращение к выбранной лексеме едва ли стоит считать случайным.

Если обратиться к встроенному в НКРЯ инструменту «График по годам», то, на графике, отображающем распределение частоты встречаемости лексемы *скальд*, представлены два своеобразных «скачка» в употреблении.

Первый – это период с 1804 по 1840 год, пик приходится на 1820 год. Это период «русского оссианизма», достаточно подробно описанный в работах по литературоведению [3]. Первые употребления этой лексемы среди текстов, внесенных в корпус – это стихи К. Н. Батюшкова «Скальд» и «На развалинах замка в Швеции», которые и сделали образ «скальда» «модным» среди поэтов-романтиков той эпохи.

Второй «скачок» приходится на период с 1890 по 1920 год, когда лексема, казалось бы, ушедшая в прошлое вместе с ранним романтизмом, неожиданно возвращается в поэтический лексикон. Возращение это связано, с повторной актуализацией «северного текста» и «Северного мифа» в русском поэтическом сознании.

График, представляющий частоту встречаемости лексемы *бард* по го-

дам, сильно отличается. Здесь есть общий всплеск употребления лексемы в период с 1787 по 1830 год, после чего интерес к образу «барда», очевидно, падает, и он встречается лишь в отдельных текстах, не демонстрируя никакого всплеска. При этом внутри периода с 1787 по 1830 ярко выражены два пика – 1787–1790 гг. (вероятно, первый период увлечения «песнями Оссиана»), и период 1812–1813 гг., связанный с Отечественной войной 1812 года и ее рефлексией в литературе.

То есть, образ «барда» (даже несмотря на заметно высокую частоту встречаемости лексемы *бард* в НКРЯ в обозначенный период) не переживает своего второго рождения, подобно тому, как это происходит с образом «скальда».

Выявленная разница в восприятии рассматриваемых образов (при всей осознаваемой их близости) заставляет обратиться к более подробному анализу их репрезентации в текстах обозначенного периода.

Прежде чем, рассмотреть то, как трактовали образ «скальда» поэты, стоит обратиться к словарному определению обеих лексем, предложенному в рассматриваемый в данном исследовании период времени.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (издан в интересующий нас период) дает следующее определение: «Скальды — так назыв. народные поэты древней исландской и норвежской литературы (см.). См. Egilsson, «Lexicon poeticum», и Gröndal, «Clavis poetica» (Копенг., 1864). Gislason, «Etterladte skrifter» (Копенг., 1895); Möbius, «Hattatal» (1881). Сборники стихотворений С. изданы Wisen'ом, «Carmina norroena» (Лунд, 1886—89), и Gislason'ом, «Udvalg af oldnordiske skjaldekvad» (Копенг., 1892). См. также ст. Эдда» [10]. Статья «Эдда» содержит довольно подробные сведения о скандинавской поэзии, однако образ «скальда» никак не конкретизируется, встречается лишь упоминание «младшей Эдды» в качестве «учебника для скальдов».

Таким образом, кажется, что представление о «скальде» было самым общим, он воспринимался просто как северный поэт, своеобразная часть антуража эпохи раннего средневековья, экзотическое обозначение для поэта и певца. Однако именно в таком качестве он оказывается весьма востребованным русской поэзией.

Интересным моментом является и то, что лексема употребляется не у второстепенных поэтов, что могло бы быть воспринято как стилизаторство или осознанное обращение к истории в духе А. К. Толстого, сколько у поэтов «первого ряда», причем именно у тех, с кем и связано понятие Серебряный век. Так, стоит отметить авторов и произведения, которые включены в корпус, придерживаясь преимущественно даты создания. Итак, первое стихотворение – «Царю Северного полюса» В.Я. Брюсова, далее три текста К.Д. Бальмонта («Из рода королей», «Исландия», «Северные»), текст А. Белого («Утешение»), Н. Гумилев («Варвары»), текст А. Блока («Встречной») два текста А.К. Лозино-Лозинского («Олаф», «Издали казался он

лиловым»), два О.Э. Мандельштама («Я не слышал рассказов Оссиана», «Когда на площади в тиши келейной»), по одному Н. Тихонова, Г. Иванова, Н. Клюева и Н.Н. Асеева; завершает этот период еще один текст А. Белого, написанный в 1922 году – «Гора: дорога – в горы».

Среди перечисленных текстов можно выделить несколько групп, где образ «скальда» фигурирует в схожей функции.

1) «Скальд» как часть северного (или дикого, варварского) пейзажа. Собственно, наиболее традиционный элемент, унаследованный от ранне-романтической элегии. Таковы тексты А. Белого, «Исландия» К.Д. Бальмонта, «Издали казался он лиловым» А.К. Лозино-Лозинского и «Русская красота» Г. Иванова. Здесь, чтобы подчеркнуть древность, уныние или дикость пейзажа он характеризуется как тот «о котором пел скальд» [НКРЯ].

2) «Скальд» как часть средневекового антуража. Для таких текстов характерен некий псевдоисторический или легендарный сюжет, где упоминания «скальда» чаще выступает как способ создания определённой атмосферы раннего средневековья. Таковы тексты В. Я. Брюсова, «Варвары» Н.С. Гумилева, «Олаф» А.К. Лозино-Лозинского. Так, в стихотворении В.Я. Брюсова «Царю Северного полюса» описываются картины далекого и легендарного прошлого: «Собрались бойцы могучие: // Эрик, вскормленный тучами, // Анунд, прославленный скальдами, // Горм с сыновьями, с двумя Освальдами, // С ними со всеми сорок дружинников» [НКРЯ]. – Здесь «скальд» упомянут именно как деталь исторического прошлого, образ, стоящий в одном ряду с дружинниками.

3) «Скальд» как поэт вообще. К этому же типу можно отнести случаи «поэт – наследник скальда». Интересно, что именно в данной группе текстов наблюдается некоторое подобие эволюции образа «скальда». Первоначально К. Д. Бальмонт употребляет его в качестве обозначения поэта другой культуры, в отношении Генрика Ибсена («Северные»), А. Блок («Встречной») и О. Мандельштам («Я не слышал рассказов Оссиана») говорят о наследовании чужой традиции и уже далее Н. Н. Асеев («Северное сияние») говорит о себе и своих друзьях как о «новых скальдах». Подобное явление вполне отчетливо проявляется в тексте О. Мандельштама, который завершается как раз описанием механизма наследования традиции: «И не одно сокровище, быть может, // Минувя внуков, к правнукам уйдет, // И снова скальд чужую песню сложит // И как свою ее произнесет» [НКРЯ]. – Так выглядят возможное описание путей ввода образа «скальда» в русскую литературу.

Отдельно стоит отметить стихотворение О. Мандельштама «Когда на площади в тиши келейной», где, кажется, одновременно актуализуются все три описанных выше значения: «Но северные скальды грубы, // Не знают радостей игры, // И северным дружинам любви // Янтарь, пожары и пиры» [НКРЯ].

В качестве определения «барда» в Словаре Брокгауза и Ефрона дается

следующее: «Барды (по-ирландски *bard*, по-кимврски *bardh*) — так называли, начиная уже со II века до Р. Х., известных римлянам певцов галльских и других кельтских народов, как-то: бриттов, кимвров (валлийцев), ирландцев и скоттов. Подобно скаппенам и скальдам древних скандинавов, отчасти и баянам славян, они воспевали деяния богов и героев при богослужениях и во время пиров князей и знати под аккомпанемент арфы, возбуждали войска к подвигам храбрости, во время битв шли впереди войск и служили герольдами и посредниками у князей. У галлов Б. исчезают довольно рано; дольше держались они в Валлисе, Ирландии и Шотландии. Б. повсеместно образовали наследственные цехи, которые были организованы наподобие ордена и имели значительное влияние на народ и князей. Певец был у кельтов, так же, как и у германцев, выразителем народных дум, носителем всех его исторических преданий» [10].

Таким образом, близость «скальда» и «барда» отмечается уже на уровне расхожей энциклопедической статьи. В этой же статье уточняется, что «Древним германцам было неизвестно слово Б., хотя многие, и в особенности поэты, часто говорят о Б. древних германцев. Клопшток и его последователи эту фикцию старались оправдать свои реформаторские стремления в немецкой поэзии» [10].

Выделим тексты периода аналогичного тому, что был выбран для анализа употребления лексемы *скальд*.

Здесь в корпус вошли следующие стихи: П.Д. Бутурлин «Безлунная ночь» (1891), четыре текста В.Я. Брюсова («Встреча после разлуки» (1895), «Отлив» (1908), «За картами» (1913), «К стальным птицам» (1915)); стихотворение А.А. Коринфского «Памяти графа Алексея Константиновича Толстого» (1898), два стихотворения В.И. Иванова («Врата» (1902), «К Бальмонту» (1908)), два стихотворения К.Д. Бальмонта («Мои звери» (1903), «Леонардо да Винчи» (1917)), одно стихотворение А. Белого «Поет облетающий лес» (1903), одно стихотворение А. Блока «L'amitie? Est l'amour sans ailes» (1905), два стихотворения С.М. Соловьева («Ричард Львиное Сердце» (1906–1909) и «К Англии» (1913–1915)), два стихотворения С. Черного («Пробуждение весны» (1909), «Маяковский» (1924)); «Мария Стюарт» (1910) И. Г. Эренбурга, шуточный экспромт Н.С. Гумилева «Пальмы, три слона и два жирафа» (1911), стихотворение И. Северянина «Поэза о Карамзине (1912); стихотворения В.В. Князева («Мы и они» (1913), А. Альвинга «Леонардо да Винчи» (1913)), Н.Я. Агнивцева «Январские рифмы» (1915–1921), И.И. Садофьева «Ко Вселенной» (1917–1918), Н.Н. Асеева «Ответ» (1918), Г.А. Шенгели «Державин» (1918), М.И. Цветаевой «Надобно смело признаться, Лира!» (1918), Б.А. Садовского «Шлемы, щиты, алебарды», А.И. Тинякова «Ирландцы» (1919), В.Ф. Ходасевича «Люблю я старой толстой "Сафо"» (1921–1922).

При анализе этих текстов можно выявить следующие тенденции:

1) Лексема *бард* гораздо чаще встречается как перифрастическое наименование поэта. Более того, в двух текстах конца XIX века – у П.Д. Бутурлина и В. Я. Брюсова данная лексема используется как обозначение *соловья*. При этом, интересной особенностью этого употребления является то, что *бард* используется для обозначения русских поэтов прошлых эпох. Употребление это, глубоко мотивированно. Так, Г.Р. Державин и Н.М. Карамзин были одними из законодателей русского классицизма (пусть и в совершенно различной мере), а А.К. Толстой знаменит, прежде всего, своими балладами и былинами.

2) Само обозначение *бард* используется для придания исторического колорита происходящему, но значительно реже, нежели *скальд*, следовательно подобная коннотация этой лексемы слабее.

3) Лексема *бард* чаще встречается у поэтов второго ряда, нежели лексема *скальд*. Это говорит, прежде всего, о том, насколько образ «барда» был более распространен и вхож в поэтический язык. Он не открывался заново, а воспроизводился.

4) Косвенно на это указывают и употребления лексемы *бард* в ироническом контексте, например, у С. Черного («Смесь раешника с частушкой, // Барабана с пьяной пушкой, – // Красный бард из полпивной, // Гениальный, как оглобля, – // От Нью-Йорка до Гренобля // Мажет дегтем шар земной» [НКРЯ]) или В.Ф. Ходасевича («любимый бард кокаинистов»). Сюда же можно отнести и соседство бардов с пролетарскими писателями у И.И. Садофьева («Шествуют Грядущих Веков Предтечи – // Пролетарские писатели, поэты-барды» [НКРЯ]).

5) Если лексема *скальд* несколько раз встречается у поэтов-акмеистов, то *бард* среди представленных в корпусе текстов – только один раз, у Н. С. Гумилева, в шутовском экспромте «на случай»: «Пальмы, три слона и два жирафа, // Страус, носорог и леопард: – // Дальняя, загадочная Каффа, // Я опять, опять твой гость и бард!» [НКРЯ].

Вероятно, здесь можно обнаружить некую общую установку акмеистов. Косвенно это подтверждает и то, что даже у Н. С. Гумилева при всем противопоставлении скандинавской и кельтской культур, в отношении отца Гондлы употребляется «скальд», хотя он ирландец и более логично было бы называть его «бардом».

Представляется, что и на более полном материале, включающем в себя не только данные НКРЯ, но и тексты, не вошедшие в него, будут проследиваться схожие тенденции. Возможно, выделятся некоторые дополнительные группы, которые сейчас не проявляют себя так ярко по причине малого количества текстов.

4. Выводы

Таким образом, проанализировав бытование образа «скальда» в русской поэзии рубежа веков можно отметить следующее. Наблюдается повторное

обращение к этому образу, характерному для раннего романтизма, обращение очевидное и сопоставимых по частоте аналогов не имеющее. Вместе с тем, наряду с наследованием черт этого образа, наблюдается и приращение значений, по сравнению с поэзией XIX века – так возникает восприятие поэта как скальда, тема наследования и традиции, столь важная для модернистской поэзии. Образ «барда» при всей, осознаваемой литераторами, близости этих образов, ведет себя в русской литературе иначе. Он входит в нее раньше, и несмотря на то, что пик его употребления проходит вместе с увлечением романтизмом, устойчиво существует в ней, преимущественно как один из вариантов обозначения поэта, причем обозначения скорее на уровне перифраза, нежели на уровне понимания традиции и наследования, как, к примеру, «скальд» в тексте О. Мандельштама.

Библиографический список:

- [1] Алексеев П.В. Восточный текст в поэтике М.Ю. Лермонтова // Вестн. Том. гос. ун-та. – Томск, 2013. № 374. С. 7-10.
- [2] Веселовский А.Н. Избранное: Историческая поэтика / – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 688 с.
- [3] Левин Ю.Д. Оссиан в русской литературе (конец XVIII – первая треть XIX века). – Л.: «Наука» Ленинградское отделение, 1980. 204 с.
- [4] Леонтьева А.Ю. Восточный Текст в лирике Г.В. Адамовича // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2013. № 1 (11). С. 221-230.
- [5] Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208с.
- [6] Сыромятников С.Н. Сага об Эйрике Красном. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2006. 112 с.
- [7] Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. – Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2003. 321 с.
- [8] Туманова О.С. Образ скандинавского севера в русской лирике 1890–1910 гг. // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология, 2017. № 9 (3). С. 132-139.
- [9] Цуриков Н.А. Заветы Пушкина (Мысли о национальном возрождении России) / Предисловие П. Б. Струве с его воспоминаниями о Блоке и Гумилеве. – Белград: Правда и Свобода, 1937. 50 с.
- [10] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXX – СПб.: Типография Акционерного Общества Брокгауз-Ефрон, 1900. 495 с.

Reference

- [1] Alekseev P.V. Eastern text in the poetics of M.Yu. Lermontov // Vestn. Volume. state university - Tomsk, 2013. № 374. P. 7-10.
- [2] Veselovsky A.N. Selected: Historical Poetics / - Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2006. 688 p.
- [3] Yu.D. Levin. Ossian in Russian literature (late 18th - first third of the 19th century). - L.: "Nauka" Leningrad branch, 1980. 204 p.
- [4] Leontieva A.Yu. Eastern Text in lyrics by G.V. Adamovich // The science of man: humanitarian research. 2013. № 1 (11), P. 221-230.
- [5] Maslova V.A. Linguistics: Proc. allowance for students. higher education, institutions. - M.: Publishing Center "Academy", 2001. 208s.
- [6] Syromyatnikov S.N. The saga of Eirik the Red. Ed. 2nd, stereotypical. – M.: KomKniga, 2006. 112 p.
- [7] Toporov V.N. Petersburg Text of Russian Literature: Selected Works. - St. Petersburg: Art-SPb, 2003. 321 p.
- [8] Tumanova O.S. The Image of the Scandinavian North in Russian Lyrics, 1890–1910 // Bulletin of the Perm University. Russian and Foreign Philology, 2017. № 9 (3). P. 132-139.
- [9] Tsurikov N.A. Precepts of Pushkin (Thoughts on the national revival of Russia) / Foreword by P. B. Struve with his memoirs about Blok and Gumilyov. - Belgrade: Truth and Freedom, 1937. 50 p.
- [10] Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron. Vol. XXX - St. Petersburg: Printing house of the Joint Stock Company Brockhaus-Efron, 1900. 495 p.

Снегирев И.А.

Кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры теории и практики иностранных
языков ИИЯ (Институт иностранных языков)
РУДН (Российский университет дружбы народов).

Непомнящих Н.М.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории
и практики иностранных языков ИИЯ (Институт иностранных языков)
РУДН (Российский университет дружбы народов).

«Скальд» и «бард» в русской поэзии. Опыт корпусного анализа

Аннотация. Статья отражает результаты исследования, посвященного анализу образов «скальда» и «барда» в русской поэзии. В качестве методологии используются методы корпусной лингвистики в сочетании с традиционным литературоведческим подходом. В рамках полученных результатов проводится дифференциация между способами бытования двух этих образов в русской литературе.

Ключевые слова: северный текст, Северный миф, образ, сравнительное литературоведение, корпусная лингвистика.

Snegirev I.A.

*Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of the Department
of Foreign Languages in Theory and Practice, the Institute of Foreign Languages,
Peoples' Friendship University of Russia.*

Nepomniashchikh N.M.

*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
of the Department of Foreign Languages in Theory and Practice, the Institute
of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.*

“Skald” and “bard” in Russian poetry. Corpus analysis experience

Abstract. The article reflects the results of the study devoted to the analysis of “skald” and “bard” images in Russian poetry. To conduct the study, the methods of corpus-based linguistics in combination with the traditional literary approach are used. Within the framework of the results obtained, a differentiation between the ways in which these two images exist in the Russian literature is made.

Key words: Northern text, Northern myth, image, comparative literature studies, corpus-based linguistics.

Кобзева О.В.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский университет «Московский государственный строительный университет».

Федорова Е.Л.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной литературы, Московский финансово-промышленный университет «Синергия».

Вербальная репрезентации кинемы в художественной литературе в разносистемных лингвокультурах (на материале русского и английского языков)*

Актуальность темы исследования обусловлена следующим: изучение взаимодействия людей в ходе социального общения позволяет выделить проблему невербальных средств. Так как в коммуникации и совместной деятельности проявляются индивидуальные особенности партнеров, их поведение, эмоциональность и противоречия. Кроме того, владение невербальной коммуникацией и правильной ее интерпретацией может способствовать более тесному и успешному взаимодействию. Особое внимание стоит уделить кинесической системе, которая является второй по коммуникативному и социальному значениям. Е.Г. Крейдлин дает следующее определение – «кинесика – это прежде всего наука о языке тела, его частях, представляет собой одну из центральных областей несловесного общения. Особо выделяют следующие области научного поиска, не менее значимые для исследования – проксемика, окулесика, гаптика, ольфакция, хронемика, паралингвистика и др.» (Крейдлин, 1999, с. 157).

Как любой семиотический знак, кинема имеет двухъярусную структуру: план выражения и план содержания. Именно это обстоятельство позволяет отличать кинему от физиологических движений: последние по своей природе физиологичны и утилитарны (Филиппов, 1975, с. 33).

Особенности отражения жестов вербальными средствами приводит к появлению омонимов и полисемантических кинем. Случаи межкультур-

* © Кобзева О.В., Федорова Е.Л., 2023.

ной омонимии кинем многочисленны и тем более релевантны для формирования коммуникативной компетенции межъязыковых посредников, чем более расходятся сопрягаемые коммуникативные культуры, произрастающие из расходящихся этнокультурных прототипов (Леви-Стросс, 2000, с. 265).

Еще одним средством формирования представлений о этно-коммуникативном типе могут стать описания проксемики, кинесики и мимики речевого взаимодействия в художественном тексте. В этом случае писатели совмещают в себе роль сторонних наблюдателей, объективно фиксирующих параметры коммуникативной ситуации, и роль интерпретаторов, «наивных» респондентов, интерпретирующих коммуникативную значимость той или иной кинемы (Сусов, 1986, с. 231).

Теоретико-методологической базой исследования послужили:

1) словари, из которых методом сплошной выборки были извлечены вербальные репрезентации кинем русского и английского языков: Ожегов С.И. Толковый словарь, Григорьева Н.В., Григорьева С.А., Крейдлин Г.Е. Словарь языка жестов; Англо-русский синонимический словарь Ю.Д. Апресян, Англо-русский словарь глагольных словосочетаний Э.М. Медникова, Гуревич В.В.;

2) контексты-описания, извлеченные из современной и классической художественной русской и английской литературы XIX-XX веков разных жанров: драматические, эпические (романы, повести, новеллы, детективы, пьесы), более 2500 примеров реализации вербальных репрезентаций кинем в тексте).

Практическая значимость исследования заключается в том, что ее результаты могут быть использованы в практике преподавания русского и английского языков, при изучении теоретических курсов по общему языкознанию, стилистике современного русского и английского языков.

1. Анализ вербальной репрезентации кинем, представленных в английских и русских лексикографических источниках

Обратимся к результатам проведенного анализа вербальных репрезентаций кинем, который проводился с использованием метода сплошной выборки из лексикографических источников. В нашем исследовании было выявлено 1000 кинем (из них 550 русских и 450 английских).

Проанализировав отобранные для исследования кинемы, мы пришли к следующим выводам:

В русском языке наиболее репрезентативными являются кинемы с опорным словом «рука» (154 ВРК, 34,2%).

Количественный подсчет вербальных репрезентаций кинем русского языка по их опорным словам:

рука – 154 (34,2%), глаза – 130 (29%), голова – 47 (10,4%), корпус – 14 (3,1%),

губы (улыбка) – 68 (15,1%), нога – 10 (0,2%), нос – 5 (1,1%), уши – 5 (1,1%), шея – 5 (1,1%), щеки – 6 (1,3%).

В английском языке частотными являются кинемы с опорным словом «глаза» (250 ВРК, 45 %).

Количественный подсчет вербальных репрезентаций кинем английского языка с опорными словами:

глаза – 250 (45%), рука – 125 (23%), голова – 50 (9,09%), щеки – 5 (0,9%), корпус – 20 (3,6%), губы (улыбка) – 75 (13,6%), нога – 10 (1,8%), нос – 5 (0,9%), уши – 5 (0,9 %), шея – 5 (0,9%).

Таким образом, количественный анализ кинем позволяет сделать вывод о том, что у представителей, использующих для общения английский язык наиболее частотными, с учетом лексикографических данных, являются кинемы с опорным словом «глаза» (45%), у русских – с опорным словом «рука» (34,2%).

2. Анализ вербальной репрезентации кинем, исследованных в контекстах современной и классической художественной русской и английской литературы XIX-XX веков

Обратимся к результатам исследования вербальной репрезентации кинемы, в качестве которой были использованы контексты-описания, извлеченные из современной и классической художественной русской и английской литератур XIX-XX веков разных жанров: драматические, эпические (роман), рассказ и повесть. Достаточность объема выборки, обеспечивающего достоверность выводов, сделанных в настоящем исследовании, доказывалась при помощи следующей формулы математической статистики (Пиотровский, Бектаев, 1977, с. 383):

$$N = Z_p^2 \frac{1-f}{f \times \delta^2}, \text{ где } N - \text{объем выборки, } \delta - \text{относительная ошибка,}$$

Z_p – константа, соответствующая надежности ρ , f – относительная частота. Было проведено выборочное наблюдение с целью получения относительной частоты f употребления кинем. В статье, в качестве примера исследования по формуле, приводится текст М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (112789 словоупотреблений – 443 страницы). Нами выявлено 1015 употреблений кинем в тексте, что позволило вычислить относительную частоту употребления: $f \approx 0,009$ (9 употреблений кинем на 1000 словоупотреблений).

В настоящее время принято считать, что относительная ошибка при анализе лексики и фразеологии может достигать 30-35% (Пиотровский, Бектаев, 1977, с. 301).

Аналогичное исследование было проведено для текста англоязычной литературы. Для вычисления объема выборки было проведено предварительное наблюдение с целью получения относительной частоты упо-

требления кинем был использован текст И. Шоу «Lucy Crown». (35955 словоупотреблений – 141 страница). Было выявлено 402 употребления кинем в тексте, что позволило вычислить относительную частоту употребления: $f = 0,0112$ (11,2 употреблений ВПК на 1000 словоупотреблений).

Можно отметить, что в процессе коммуникации вербальные выражения и кинесические знаки производятся синхронно. Эти элементы двух систем находятся во взаимодействии: словосочетания соотносятся обычно с мимикой и жестами, а фразы – с позами или группами поз. В нашем исследовании также был проанализирован кинетический комплекс экспрессивного поведения коммуникантов в разносистемных лингвокультурах, внимание было обращено прежде всего на мимику лица.

Так, Словарь русского языка С.И. Ожегова обозначает мимику как «движения лица, выражающее внутреннее душевное состояние» (Ожегов, 2009, с.89). Стоит добавить, что выделяют и типы лицевых сигналов:

1. **универсальные** (понятны всем коммуникантам вне зависимости от культуры);

2. **культурно-специфичные** (используемые в конкретном этноареале).

Поскольку в английской лингвокультуре ярко прослеживается улыбка, как невербальное средство взаимодействия с коммуникантами, то и авторы в художественной литературе используют часто вербальные презентации кинем. В языковом плане улыбка может выражаться в английском языке как эмотивными, так и неэмотивными кинемами с существительными, так и глаголами: глагол *smile* с предлогами: «*smile away*» – прогонять неприятные эмоции, «*smile out of \ into*» – воздействовать с помощью улыбки, «*smile on \ at*» – одобрения, «*smile on*» – дружелюбного прощения ошибок; так и во фразеологизмах: «*keep smiling!*» – не унывай!, «*come up smiling*» – возвращаться к нормальной жизни, несмотря на неудачу, «*smile when you say that*» – улыбнись, когда говоришь подобное, «*smile with somebody*» – выпивать с кем-либо, «*smile through one's tears*» – улыбаться сквозь слезы, а также их синонимичными выражениями: *curl*, *beam to give a big happy smile a long time etc.*

Как отмечалось выше, объектами исследования в работе стали тексты художественной литературы, так как именно в них наиболее часто и полно «разговаривают» жесты. Эту возможность дает им полисеманτικότητα, различные контексты употребления, дискурсивность. На примере кинемы «пожать руку» (рукопожатие) (английский и русский языки) можно продемонстрировать различие в понимании культурных особенностей. В русском языке зачастую она означает приветствие: «*Атлеты пошли друг другу навстречу. <....> Сойдясь на середине арены, они обменялись быстрым, сильным рукопожатием, разошлись и тотчас же одновременным прыжком повернулись друг к другу лицами. И в отрывистом прикоснове-*

нии горячей, сильной, мозолистой руки Ребера Арбузов почувствовал такую же уверенность в победе, как и в его колючих глазах». (Куприн А.И. В цирке). Анализ данного отрывка позволяет говорить, что пожатие руки в данном случае это выражение приветствия, которое затем детально объясняется писателем: какое прикосновение было (горячая и мозолистая рука, уверенность в победе противника) и все эти подробности заранее готовят читателей к пониманию происходящего на ринге и конце боя. В английском примере можно проанализировать данный жест, за которым «скрываются» не только приветствие, как норма этикета, но и эмоции, которые передаются персонажем: – *«I met with people that are supposed to be my enemies for the first time. And we just **shake hands**, and have a coffee and an ice discussion, and we talk about food and basketball»* – «Впервые я встретился с людьми, которые должны были быть моими врагами. Мы просто пожали друг другу руки, выпили кофе, и мило поболтали о еде и баскетболе» (Gardner J. *The Case of the Calender Girl.*)

В данном примере жест это, прежде всего констатация факта необходимости пожимать руку при встрече и вежливое обращение. Необходимость, чтобы состоялась коммуникация. Акцент переводчиком делается на наречие *просто*, что показывает спокойное состояние героев.

Анализ произведений английской художественной литературы показывает, что улыбку можно рассматривать как насмешку, презрения, противоречия сказанному. Кроме того, авторы часто прибегают к использованию языковых и стилистических средств, таких как: эпитеты (*oriental- восточный, feline- кошачий, хитрый, watery- бледный, wintry- ледяной*), метафоры: *smile faded- улыбка исчезла с лица*, сравнения: *like a popular schoolmaster- улыбаться как учитель*) и т.д.

Например: *“I might.” Charles smiled his **feline smile**. “Why shouldn’t I be a shadow too?”. – «Я могла бы». Чарльз улыбнулся своей **кошачьей улыбкой**. «Почему бы мне не быть тоже тень?» (Lodge D. *Nice Work*. Harmondsworth: Penguin, London). В данном отрывке эпитет «*feline*» (кошачьей) показывает вербально черты характера молодого человека, ищущего легкой наживы.*

Для русского коммуникативного поведения характерна бытовая неулыбчивость, которая выступает как одна из наиболее ярких и национально-специфических черт русского общения. В русском коммуникативном поведении улыбка «для вежливости» или «из вежливости» просто не принята, и даже, наоборот, к чисто вежливой улыбке собеседника, если она опознана как таковая, русский человек обычно относится настороженно или даже враждебно: русская фраза «он из вежливости улыбнулся» содержит неодобрительное отношение к улыбнувшемуся (Стернин, 2002, с. 87).

Несмотря на данный лингвокультурологический аспект в художественной литературе писатели часто прибегают к описанию невербальных знаков вербальными средствами, являясь сторонними наблюдателями, передавая эмоциональное состояние героев. Так, например, в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» *улыбка* — это не знак вежливости это прежде всего эмоциональное состояние Раскольникова, за мимическим жестом скрывается гамма эмоций, выраженная в движении губ, где в авторском тексте важно прочтение ситуации «до и после»: «Он хотел было улыбнуться, но что-то бессильное и недоконченное сказало в его **бледной улыбке**. Он склонил голову и закрыл руками лицо. И вдруг странное, неожиданное ощущение какой-то едкой ненависти к Соне прошло по его сердцу» (Достоевский Ф.М. Преступление и наказание).

Там же: «Почти всё время как читал Раскольников, с самого начала письма, лицо его было мокро от слез; но, когда он кончил, оно было бледно, искривлено судорогой, и **тяжелая, желчная, злая улыбка змеилась** по его губам. Он прилег головой на свою тощую и затасканную подушку и думал, долго думал». Во втором примере мы наблюдаем внутренние и душевные переживания главного героя, которая выражена на его лице при помощи вербальных синокинем и антокинем: *тяжелая, желчная, злая улыбка*.

Следующий невербальный компонент мимики, который был выделен, – взгляд. Дифференциация «языка глаз» на национально специфической основе проявляется в частности и по длительности взгляда. Русская культура является «глазеющей», по сравнению с англо-саксонскими культурами (Холл, 1972, с. 137). Вообще, визуальное поведение человека в ситуации общения является чрезвычайно информативным и значимым. «Когда глаза говорят одно, а язык – другое, – пишет американский философ и писатель Ральф Эмерсон, – опытный человек больше полагается на глаза» (Ральф Эмерсон, 2003, с. 251).

Рассмотрим несколько примеров из русской и английской литературы:

You just have to tell me what to do. Above all, don't be afraid that I will get you in trouble! I'm so used to being quiet! His gaze begged. – «Ты просто должен сказать мне, что делать. Прежде всего, не бойтесь, что я доставлю вам неприятности! Я так привык к тишине! Его взгляд умолял». (Олдингтон Р. Смерть героя). В данном примере взгляд главного героя представляет собой упорный акт мольбы, который выражен вербально *his gaze begged*.

«Ее тонкие брови вдруг сдвинулись, глаза в упор остановились на мне грозным и притягивающим выражением, зрачки увеличились и посинели. Мне тотчас же вспомнилась виденная мною в Москве, в Третьяковской галерее, голова Медузы — работа уж не помню какого художника. Под этим пристальным, странным взглядом меня охватил холодный ужас

сверхъестественного» (Куприн А.И., Олеся). В произведении Куприна главный герой не использовал вербальной реплики, поскольку весь «информационный груз» выражен описанием невербальных средств: мимикой, взглядом.

Проанализированные вербальные репрезентации кинем в английских и русских текстах, приводят нас к следующему заключению: очевидное преобладание мимической экспрессии в английских текстах – 44,2 %, а в русской литературе – 26,9 % кинем.

Наше исследование подтверждает мысль о том, что в художественной литературе авторы часто строят повествование проективно, на невербальных знаках, идентифицируя которые, читатель понимает замысел произведения глубоко и всесторонне. Приведем еще несколько примеров:

«Лебедев сделал странную, умильную гримасу; он ужасно завозился вдруг на месте, точно его укололи вдруг иголкой, и, лукаво подмигивая глазами, делал и показывал что-то руками». (Достоевский Ф.М., Идиот).

«Затем молча ей показал, сложил, отдал, сам отворил ей дверь в сени и, отступя шаг, поклонился ей в пояс почтительнейшим, проникновеннейшим поклоном, верь тому!» (Достоевский Ф.М., Братья Карамазовы).

«Прейн отлично понял, что хотела сказать Нина Леонтьевна, но, прищурив свои бесцветные глаза, только развел руками» (Мамин-Сибиряк Д.Н., Горное гнездо). Данные примеры свидетельствуют о том, что невербальные выражения могут **заменить** вербальную реплику главного героя и взять «на себя» всю смысловую нагрузку контекста, сигнализирующую о коммуникативной внутренней интенции.

Кроме того, синхронизация вербального и невербального выражений в речевом акте могут **дополнять** друг друга в информативном контексте:

– *«Therese, what did you do the rest of the night? She stopped, mouth open. She slammed her thigh»* - Тереза, что ты делала остаток ночи? Она оставилась с открытым ртом. Она хлопнула себя по бедру» (Б. Шоу, Игра страсти). В данном контексте наблюдается одновременность вербального и невербального взаимодействия в речевой интеракции.

– *«Не буянь, барбарис! — погрозил ему пальцем Лихонин. — Ну, ну, говорите, — попросил он репортера, — все это так интересно, что вы рассказываете»* (Куприн А. И., Яма).

– *«Сударыня! здесь, - сказал Чичиков, - здесь, вот где, - тут он положил руку на сердце, - да, здесь пребудет приятность времени, проведенного с вами! и поверьте, не было бы для меня большего блаженства, как жить с вами если не в одном доме, то, по крайней мере, в самом ближайшем соседстве»* (Гоголь Н.В., Мёртвые души). В данном примере можно увидеть стремление героя быть искренним, убедительным, жест значительно дополняет слово Чичикова – *поверьте*. Таким образом, кинемы содержат

коннотативные значения, скрытые смыслы, подтексты, служат средством передачи нюансов поведения и взаимоотношений персонажей.

Наши наблюдения показывают, что невербальные средства также могут **противоречить** вербальной репрезентации в произведениях художественной литературы:

– «Полозов расстегнул жилет. По одному тому, как **он приподнимал брови, отдувался и морщил нос**, можно было видеть, что говорить будет для него большою тягостью и что он не без некоторой тревоги ожидал, заставит ли его Санин ворочать языком, или сам возьмет на себя труд вести беседу?» (Тургенев И. С., Вешние воды).

– «*Who do you work for?*». He asked, suddenly suspicious. -But ... I don't work for anyone ... A **simple glance, which said more bluntly than the words: «You lied about it!**» - «На кого вы работаете?». — спросил он, внезапно заподозрив. -Но... Я ни на кого не работаю... Простой взгляд, который сказал более прямолинейно, чем слова: «Ты солгал об этом!» (Maugham S. The Moon and Sixpence).

Проведенный системный анализ, позволяет говорить о необходимости учитывать в переводе и интерпретации текстов авторское видение, ценностные ориентации в художественных текстах, а также интерпретационный уровень кинемы. Проанализировав многочисленные контексты из художественной английской и русской литературы, мы приходим к выводу, что применение кинесических знаков предполагает достаточно сложный сценарий раскодировки смысла текста, связанный со специфической функциональностью кинем, которые могут заменять, дополнять и противоречить вербальной реплике. Такая дифференциация может объясняться существенной разницей суверенитета в коммуникативном пространстве двух разносистемных лингвокультур.

Полученные результаты исследования показывают, что использование в художественных текстах кинесических знаков предполагает достаточно сложный факт раскодировки смысла текста, связанный со специфической функциональностью и полисемантической кинем. Именно художественные тексты наиболее сложны для изучения кинем, поскольку их можно использовать только на продвинутых уровнях изучения иностранного языка. Исследование художественных текстов английской и русской художественных литератур дает возможность погрузиться в иную культуру, узнать более глубоко языковые нюансы. А также сформировать определенную картину мира, где речевое воплощение знака может значительно разниться от национальных особенностей.

Таким образом, в художественных текстах репрезентация вербальных кинем дифференцируются: психологическим состоянием и атмосферой общения, происхождением, уровнем культуры, социальным статусом.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении вербальной репрезентации кинемы, что позволит вести более успешную коммуникацию на разных уровнях: вербальном и невербальном.

Библиографический список:

- [1] Крейдлин Г.Е. Невербальные акты и глаголы касания // Семантические исследования Сборник научных работ. М.: МГ, 1999.
- [2] Леви-Стросс. Мифология. Происхождение застольных обычаев. М., Университетская книга, 2000.
- [3] Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: Наука, 1996.
- [4] Сусов И.П. Прагматические структуры высказывания. Языковое общение и его единицы. Калинин: КГУ, 1986.
- [5] Пиотровский Р.Г., Бектаев К.Б., Пиотровская А.А. Математическая лингвистика. М.: Высшая школа, 1977.
- [6] Филиппов А.В. Звуковой язык и «язык» жестов // Лингвистический сборник. Вып. III. М.: МОПИ, 1975.
- [7] Ральф Уолдо Эмерсон (обзор) / Том Батлер-Бовдон. М.: Эксмо, 2003.
- [8] Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. М.: Оникс, 2009.
- [9] Холл Э. Как понять иностранца без слов // Язык тела. М.: Прогресс, 1972.

Reference

- [1] Kreidlin G.E. Non-verbal acts and verbs of touch // Semantic research Collection of scientific papers. M.: MG, 1999.
- [2] Levi-Strauss. Mythology. Origin of dining customs. M., University book, 2000.
- [3] Sternin I.A. Communicative behavior in the structure of national culture // Ethnocultural specificity of linguistic consciousness. M.: Nauka, 1996.
- [4] Susov I.P. Pragmatic structures of the utterance. Linguistic communication and its units. Kalinin: KGU, 1986.
- [5] Piotrovsky R.G., Bektaev K.B., Piotrovskaya A.A. Mathematical linguistics. Moscow: Higher school, 1977.
- [6] Filippov A.V. Sound language and “language” of gestures // Linguistic collection. Issue. III. M.: MOPI, 1975.
- [7] Ralph Waldo Emerson (review) / Tom Butler-Bowdon. Moscow: Eksmo, 2003.
- [8] Ozhegov, S.I. Explanatory dictionary of the Russian language: about 100,000 words, terms and phraseological expressions. M.: Oniks, 2009.
- [9] Hall E. How to understand a foreigner without words // Body language. Moscow: Progress, 1972.

Кобзева О.В.

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации,
Национальный исследовательский университет
«Московский государственный строительный университет».*

Федорова Е.Л.

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры отечественной и зарубежной литературы,
Московский финансово-промышленный университет «Синергия».*

**Вербальная репрезентации кинемы
в художественной литературе в разносистемных лингвокультурах
(на материале русского и английского языков)**

Аннотация. Цель исследования - сравнить вербальную репрезентацию кинемы на примере художественной литературы в английской и русской лингвокультурах. Кинесика является одной из основных частей художественных текстов разных жанров и стилей. Жесты, мимика, позы, выражения лица играют важную роль в изучении иностранного языка и развитии межкультурной компетенции.

Новизна исследования заключается в привлечении достаточно большого текстового материала на русском и английском языках, обработанного с помощью формулы математической статистики. Это позволило получить достоверные результаты, которые показали зачастую неверную интерпретацию вербальных репрезентаций кинем в художественном тексте из-за незнания или поверхностного переноса семантических и стилистических значений. Таким образом, из произведения «исчезают» и не прочитываются скрытые смыслы, неоднозначность поведения героев, выраженных экстралингвистическими свойствами текста. В подтверждение гипотезы, выдвинутой исследованием, было проведено изучение и анализ большого объема выборки текстов, обеспечивших достоверность выводов, сделанных в настоящей работе. Наблюдение проводилось с целью получения относительной частоты f употребления кинем, анализу подвергались тексты русской литературы, М. Булгаков «Мастер и Маргарита» (112789 словоупотреблений – 443 страницы) и тексты английской литературы, И. Шоу «Lucy Crown» (35955 словоупотреблений – 141 страница). А также были использованы контексты-описания, извлеченные из современной и классической художественной русской и английской литературы XIX-XX веков разных жанров: драматические, эпические (роман), рассказ и повесть.

Ключевые слова: кинема, полисемантичность кинемы, контекст употребления, интерпретация значений, вербальная репрезентация кинемы.

Kobzeva O.V.

*PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of Foreign Languages
and Professional Communication, National Research University
«Moscow State University of Civil Engineering».*

Fedorova E.L.

*PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of Domestic and Foreign Literature,
Moscow Financial and Industrial University «Synergy».*

**Verbal representation of Kinema
in fiction in multisystem linguistic cultures
(on the material of Russian and English languages)**

Abstract. The purpose of the study is to compare the verbal representation of the cinematography on the example of fiction in English and Russian linguistic cultures. Kinesics is one of the main parts of literary texts of different genres and styles. Gestures, facial expressions, postures, facial expressions play an important role in learning a foreign language and developing intercultural competence.

The novelty of the study lies in the involvement of a sufficiently large textual material in Russian and English, processed using the formula of mathematical statistics. This made it possible to obtain reliable results, which often showed an incorrect interpretation of verbal representations of kinems in a literary text due to ignorance or superficial transfer of semantic and stylistic meanings. Thus, hidden meanings, the ambiguity of the behavior of the characters, expressed by the extralinguistic properties of the text, “disappear” from the work and are not read. In support of the hypothesis put forward by the study, a study and analysis of a large sample of texts was carried out, which ensured the reliability of the conclusions made in this work. The observation was carried out in order to obtain the relative frequency f of the use of kinem, the texts of Russian literature, M. Bulgakov «The Master and Margarita» (112789 word usages - 443 pages) and the texts of English literature, I. Shaw «Lucy Crown» (35955 word usages - 141 pages) were analyzed). And also contexts-descriptions extracted from modern and classical fiction Russian and English literature of the 19th-20th centuries of different genres were used: dramatic, epic (novel), short story and story.

Key words: kinema, polysemanticity of kinema, context of use, interpretation of meanings, verbal representation of kinema.

Актуальные вопросы исторических наук

Actual questions of historical sciences

Филимонов С.Б.

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Института «Таврическая академия» (СП) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь.

А.Л. Бертье-Делагард — член Таврической ученой архивной комиссии (Из опыта разысканий в области источниковедения историографии истории Крыма)*

В 1887 – 1923 гг. в Крыму энергично работала знаменитая историко-краеведческая организация - Таврическая ученая архивная комиссия (ТУАК) [11]. 23 февраля 1889 г. ее членом стал Александр Львович Бертье-Делагард (07.11(26.10).1842, Севастополь – 27.02(14.02).1920, Ялта), ученый-энциклопедист: военный инженер, археолог, историк, нумизмат, этнограф, искусствовед, крымовец. 4 февраля 1916 г. за заслуги перед крымоведением он был избран в почетные члены ТУАК. (В скобках заметим, что категорию почетных членов ТУАК составляла очень малочисленная группа выдающихся ученых, таких, например, как великий князь Николай Михайлович, Д.Н. Анучин, Н.П. Кондаков, В.В. Латышев, А.И. Маркевич и некоторые другие).

Важнейшим источником по истории ТУАК и сменившего ее в 1923 г. Таврического общества истории, археологии и этнографии (ТОИАЭ) являются протоколы заседаний этих организаций. Протоколы заседаний ТУАК за 1887-1919 гг. (211 протоколов) опубликованы на страницах 57-ми выпусков «Известий» ТУАК, а хранившиеся в фондах Центрального музея Тавриды остававшиеся неопубликованными протоколы заседаний ТУАК и ТОИАЭ за 1920-1931 гг. (130 протоколов) были опубликованы в 2004 г. на

* © Филимонов С.Б., 2023.

страницах 2-го издания книги автора настоящих строк «Хранители исторической памяти Крыма» [12, с. 114-314].

Протоколы заседаний ТУАК зафиксировали 11 докладов Бертье-Делагарда, заслушанных и обсужденных на заседаниях Комиссии. А именно: Об исполненном им переводе с французского языка на русский сочинения И.П. Бларамберга «О положении трех тавро-скифских крепостей, упоминаемых Страбоном» (23 февраля 1889 г.); О памятниках Крыма, нуждающихся в охране (28 октября 1898 г.); О значении межевых планов для исторической географии (16 октября 1912 г.); «Каламита и Феодоро» (24 января 1917 г.); «Заметки о Тмутараканском камне» (17 ноября 1917 г.); О составленной им программе издания серии записок иностранцев о Крыме (26 марта 1918 г.); Об исполненном им переводе с немецкого языка на русский сочинения академика П.С.Палласа «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793 и 1794 гг. Второй том (касающийся Тавриды)» (22 декабря 1918 г.); «Недоуменные вопросы средневековья в Тавриде» (5, 18 июня 1919 г.); «Кореиз» (4 сентября 1919 г.); «Ореанда» (4 сентября 1919 г.); «Родословная таблица крымских ханов» (4 сентября 1919 г.) [11, с. 45].

Большинство вышеперечисленных докладов Бертье-Делагарда в форме статей были опубликованы в 1889 – 1920 гг. на страницах печатного органа ТУАК – ее «Известий» [3, с. 61; 6]. Составленная Бертье-Делагардом в 1918 г. программа издания серии записок иностранцев о Крыме была напечатана на страницах вышедшего в форме отдельной брошюры и оставшегося малоизвестным «Приложения к № 57 Известий Таврической ученой архивной комиссии» [Симферополь, 1920.-82с.] [10] (это издание не значится в библиографическом указателе к «Известиям» ТУАК и ТОИАЭ [3], а опубликованное на его страницах письмо А.Л. Бертье-Делагарда к А.И. Маркевичу от 14 (27) февраля 1918 г. из Ялты с изложением программы издания серии записок иностранцев о Крыме [Приложение...с.9-11], зачитанное и обсужденное на заседании ТУАК 26 марта 1918 г., не значится в списке печатных трудов А.Л. Бертье-Делагарда [6]). Исполненный А.Л. Бертье-Делагардом в 1918 г. перевод обширного сочинения Палласа о Крыме, сопровождаемый предисловием переводчика, написанным с позиций истинного патриота России, увидел свет лишь в 1999 г. (о высоком качестве перевода и об археографической истории его публикации см: [8, с. 5-6, 8]).

19 мая 1920 г., три месяца спустя после кончины Бертье-Делагарда, на заседании ТУАК ее председатель знаменитый крымовец Арсений Иванович Маркевич (1855 – 1942) сообщил об оставшихся неопубликованными трудах А.Л. Бертье-Делагарда: он «доложил» сохранившуюся в архиве покойного его статью «Дело “Весты”» и «представил» исполненный Бертье-Делагардом и его сестрой С.Л. Белявской перевод сочинения шведско-

го историка XVIII века Тунманна «Крымское ханство» [12, с. 121] (это сочинение Тунманна в переводе Н.Л. Эрнста и С.Л. Белявской было издано в Симферополе в 1936 г.; как отмечено в предисловии, первоначальный перевод, выполненный С.Л. Белявской (А.Л. Бертье-Делагард упоминался лишь как организатор работы над переводом), «страдал рядом недостатков и был поэтому для настоящего издания переделан, исправлен, частью выполнен заново Н.Л. Эрнстом» [7, с. 15]). А 25 декабря 1921 г. тот же Маркевич на заседании ТУАК выступил с сообщением об обнаруженном им в бумагах покойного Бертье-Делагарда неизданном его труде «Критическая заметка на сочинение Луи де Бертрена» [12, с. 136]. Как видим, сообщения А.И. Маркевича обогащают наши представления о научном наследии Бертье-Делагарда.

Члены ТУАК с великим почтением относились к своему почетному члену А.Л. Бертье-Делагарду. В 1918 г. был издан 54-й выпуск «Известий» ТУАК, целиком посвященный Бертье-Делагарду в связи с его 75-летием. В этом сборнике приняли участие многие выдающиеся русские ученые, в том числе академики В.В. Латышев, С.Ф. Платонов, М.И. Ростовцев, А.А. Шахматов.

Должным образом членами ТУАК была отмечена и память об ушедшем из жизни А.Л. Бертье-Делагарде. 22 марта 1920 г., месяц спустя после кончины Александра Львовича, состоялось заседание ТУАК, посвященное его памяти. На этом заседании, помимо «многочисленной публики», присутствовали и такие выдающиеся ученые, как член-корреспондент Российской академии наук, профессор Таврического университета историк искусства Д.В. Айналов; будущий академик и трижды лауреат Сталинской премии, а в то время – профессор кафедры русской истории Таврического университета Б.Д. Греков; будущий академик, а в то время – профессор Таврического университета литературовед Н.К.Гудзий; декан историко-филологического факультета Таврического университета профессор А.Н. Деревницкий; историк древнерусской литературы профессор Таврического университета А.П. Кадлубовский; известный археолог Н.Л. Эрнст и др. На заседании выступили: председатель ТУАК А.И. Маркевич – с сообщением об «Автобиографических заметках» Бертье-Делагарда, А.Н.Деревницкий – об учено-литературной деятельности Бертье-Делагарда, в частности, о его участии в жизни Одесского общества истории и древностей, Д.В. Айналов – о трудах Бертье-Делагарда, посвященных Херсонесу, энтомолог С.А. Мокржецкий – о трудах Бертье-Делагарда как садовода-акклиматизатора, устроителя замечательного в этом отношении сада на своей даче.

В заключительном слове председатель ТУАК Маркевич «указал на беспристрастную и достойную памяти покойного А.Л. Бертье-Делагарда характеристику его личности и оценку его ученой деятельности, сделанную в указанных сообщениях, и, приведя выдержки из духовного завещания по-

койного, в котором он не забыл и Таврической ученой архивной комиссии и завещал ей 200000 р. с правом пользоваться процентами во все время ее существования, а также дублиеты его библиотеки, высказал надежду, что память об А.Л. Бертье-Делагарде будет всегда жива в Комиссии» [12, с. 116 - 117].

Еще месяц спустя, 16 апреля 1920 г., на заседании ТУАК А.И. Маркевич сделал сообщение «Памяти А.Л. Бертье-Делагарда». Было постановлено «напечатать сообщение А.И. Маркевича в “Известиях” Комиссии» [12, с. 120]. Увы, это постановление исполнено не было: такого некролога на страницах вышедшего в 1920 г. и оказавшегося последним выпуском (№ 57) «Известий Таврической ученой архивной комиссии» не оказалось. Подумалось: быть может, это сообщение Маркевича было опубликовано не в «Известиях» ТУАК, а на страницах какого-либо иного издания? С тем, чтобы проверить это предположение, автор настоящих строк обратился к изданным спискам печатных трудов Маркевича (такие регулярно пополнявшиеся библиографами списки издавались неоднократно). И что же? Статья Маркевича о Бертье-Делагарде не зафиксирована ни в одном из этих списков. Из этого следовал неутешительный вывод: о том, как характеризовал в 1920 г. классика кримведения А.Л. Бертье-Делагарда другой классик кримведения А.И. Маркевич мы не узнаем никогда...

Но вот, листая издававшуюся в Симферополе в годы Гражданской войны газету «Южные ведомости», давно ставшую библиографической редкостью, автор настоящих строк наткнулся на статью-некролог А.И. Маркевича «А.Л. Бертье-Делагард». Статья была напечатана 3 марта (19 февраля) 1920 г., т.е. 5 дней спустя после кончины Александра Львовича. Думается, что обнаруженная публикация позволяет представить, хотя бы в общих чертах, содержание утраченного текста сообщения А.И. Маркевича «Памяти А.Л. Бертье-Делагарда».

Публикация эта после ее обнаружения была немедленно републикована [5]. Ниже предлагаю вниманию читателей повторную републикацию этой оставшейся малоизвестной статьи А.И. Маркевича. Сохранившийся (едва ли не единственный!) экземпляр газеты имеет многочисленные механические повреждения, затронувшие и републикуемый некролог. Восстановленные по смыслу слова и буквы заключены в квадратные скобки.

«Громадную и трудновознаградимую [ноте]рю понесла Таврида и русская наука в лице скончавшегося 14 февраля (27 февраля по новому стилю. – С.Ф.) [сего года] маститого ученого и общественног[о] [дея]теля А.Л. Бертье-Делагарда. Имя [его] [хорошо] известно не только в нашем [крае] [и] России, но и в Западной Европе, и [смерть] его вызовет повсюду искреннее сож[аление].

Окончив по первому разряду инж[енерную] академию, покойный в 1864 г. был [направлен] на службу на юг России – в Херсон, [где,] кроме прямых сво-

их обязанностей, [он] [сос]тоял на службе и в земстве, и з[десь] началась его научная работа. Меж[ду] [проч]им, в 1879 г. он своими руками [разобрал] забытую могилу Потемкина и перел[ожил] [его] кости. В следующем году он был [переве]ден на службу в Севастополь и ра[ботал] по переустройству Севастопольской к[репости], а во время Русско-Турецкой войны [строил] укрепления на Дунае и участвовал [в] [воз]рождении Черноморского флота.

В то же время Таврида все бол[ее] [и] [бо]лее влекла Александра Львовича [к] [заня]тиям историей и археологией. Это е[го] [увле]чение оценило Одесское общество [истории] и древностей и прочно поставило его на этот путь.

Выйдя по расстроенному здоровью в отставку, он поселился в Ялте, но не мог долго оставаться без привычного дела. Скоро он принимает на себя заведывание очень важными работами по устройству портов Черного и Азовского морей – одесского, ялтинского, феодосийского, ростовского. Одновременно он принимает живое участие в жизни Ялты и ялтинского земства, состоя неизменно гласным земства и городской думы и членом многих местных обществ.

Несмотря на всю эту кипучую деятельность, у него оставалось время и для излюбленных занятий любимой им археологией. А средства, которые давали ему его инженерно-строительные работы, он употреблял, главным образом, на приобретение предметов древности и составление коллекции – драгоценных вещей древнегреческих колоний, монет древних городов Тавриды, разных старинных крымских вещей, особенно татарских, а равно на пополнение своей богатой библиотеки, в которой истинным сокровищем были отдел книг, касающихся Тавриды, и собрание старинных историко-географических карт. Вместе с тем, он не щадил средств для развития Одесского общества истории и древностей, особенно для переустройства его музея древностей, который обогатил множеством редких предметов. Человек крайне скромный, на себя лично он тратил очень мало, все же свои собрания предполагал сделать народным достоянием – передачей их Московскому историческому музею, Одесскому обществу и другим ученым учреждениям.

В Ялте началась и учено-литературная деятельность Александра Львовича, выразившаяся в нескольких десятках статей по разным вопросам истории, археологии, нумизматики, особенно Тавриды, поставивших его в ряд самых видных русских ученых в этих областях и давших ему звание члена многих ученых обществ. Такие его сочинения, как «Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма», «Раскопки Херсонеса», «О Херсонесе», «Каламита и Феодоро» и последний его печатный труд, названный им «последним приношением родной Тавриде, пока еще русской», «Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде», представляют весьма крупный вклад в науку. Широкою

заслуженною известностью пользуются также его сочинения: «Крымская глушь», «Как Владимир брал Херсонес» (правильно: «Как Владимир осаждал Корсунь». – С.Ф.), «Память о Пушкине в Гурзуфе» и др.

Последние годы жизни покойного были непрестанной душевной мукой в связи с общим положением в России. Ровно год тому назад, во время приближения к нам второй волны большевиков, у него произошло кровоизлияние в мозг. Три недели тому назад наши неудачи и опасения вызвали повторение у него кровоизлияния в мозг; могучий организм боролся, но слабое сердце не выдержало, и Александра Львовича не стало.

Скончался человек большого ума, высокого благородства, редкого изящества души и беззаветной любви к родине.

Мир его праху.

А. Маркевич»

Протоколы заседаний ТУАК и ТОИАЭ зафиксировали и другие сообщения, посвященные памяти почетного члена ТУАК А.Л. Бертье-Делагарда. Так, 1 мая 1920 г. известный историк профессор И.А. Линниченко выступил с сообщением «Памяти А.Л. Бертье-Делагарда», 29 января 1928 г. А.И. Маркевич - с сообщением «о печальной судьбе» археологической, нумизматической и этнографической коллекций А.Л. Бертье-Делагарда [12, с.120,261-262] (вышеупомянутое сообщение А.И. Маркевича под названием «К судьбам коллекции древностей и старины А.Л. Бертье-Делагарда» в том же 1928 г. было опубликовано на страницах «Известий» ТОИАЭ [3, с. 94]).

К сожалению, постановления ТУАК о напечатании заслушанных в 1920 г. сообщений, посвященных памяти А.Л. Бертье-Делагарда, на страницах «Известий» ТУАК, реализовать не удалось (см.: [3]), т.к. после 1920 года ТУАК своего печатного органа не имела. Впрочем, некоторые из этих сообщений, полностью или частично, могли быть напечатаны на страницах иных изданий, как, например вышерепубликованная статья А.И. Маркевича «А.Л. Бертье-Делагард». Примечательно, что «Автобиографическая справка» А.Л. Бертье-Делагарда и его завещание - документы, сообщения о которых были заслушаны на заседании ТУАК еще 22 марта 1920 г. – увидели свет почти век спустя [1; 4; 6,с.300].

Не исключены и неожиданные находки. Так, на страницах ялтинских газет- города, в котором А.Л. Бертье-Делагард проживал четверть века, с 1894г., и где он в 1920 г. скончался - автору настоящих строк удалось обнаружить оставшиеся малоизвестными публикации, посвященные его памяти [9].

Сегодня, век спустя после кончины А.Л. Бертье-Делагарда, его научное наследие продолжает оставаться востребованным. Об этом убедительно свидетельствует изданный в Симферополе в 2009-2012 гг. 3-томник «Избранных трудов» А.Л. Бертье-Делагарда [2].

Библиографический список:

- [1] Автобиографическая справка А.Л. Бертье-Делагарда // Бертье-Делагард А.Л. Автобиография. Избранные труды по нумизматике. I. – Симферополь, 2009. С. 7-19.
- [2] Бертье-Делагард А.Л. [Избранные труды]. Т. I- III. / Ред.-сост. Храпунов И.Н., Стоянова А.А. – Симферополь: Доля, 2009 2012.
- [3] Вісті Таврійської вченої архівної комісії і Таврійського товариства історії, археології та етнографії (1887 – 1931). Бібліографічний покажчик / Укладач Л. Шаріпова. – Київ, 1994. 162 с.
- [4] Завещание А.Л. Бертье-Делагарда // Бертье-Делагард А.Л. Избранные труды по истории средневекового Крыма. III. Симферополь, 2012. С. 279-287.
- [5] Маркевич А. [Статья- некролог] «А.Л. Бертье-Делагард» / Предисл., подгот. текста к republicации С.Б. Филимонова // Бертье-Делагард А.Л. Избранные труды по истории христианства в Крыму. II. – Симферополь, 2011. С. 257-262.
- [6] Непомнящий А.А. Библиография печатных трудов А.Л. Бертье-Делагарда // Бертье-Делагард А.Л. Избранные труды по истории средневекового Крыма. III. Симферополь, 2012. С. 292-300.
- [7] Тунманн. Крымское ханство / Перевод с немецкого издания 1784 г. Н.Л. Эрнста и С.Л. Белявской. Примечания, предисловие и приложения Н.Л. Эрнста. – [Симферополь]: Государственное издательство Крым АССР, 1936. 109 с.
- [8] Филимонов С.Б. Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историка-источниковеда. – Симферополь: Н.Орианда, 2010. 408 с.
- [9] Филимонов С.Б. Малоизвестные посмертные публикации об А.Л. Бертье-Делагарде // Бертье-Делагард А.Л. Избранные труды по истории средневекового Крыма. III. Симферополь, 2012. С. 288-291.
- [10] Филимонов С.Б. О намечавшемся Таврической ученой архивной комиссией издании серии записок иностранцев о Крыме // Пилигримы Крыма, осень-99: Путешествия по Крыму, путешественники о Крыме: IV Крымская междунар. науч.-практ. конф. (Крым, Симферополь, 16 – 17 окт. 1999 г.): материалы в 2 т. – Симферополь, 2000. Т. 1. С. 272-273.
- [11] Филимонов С.Б. Хранители исторической памяти Крыма. – Симферополь: «Таврия», 1996. 120с.
- [12] Филимонов С.Б. Хранители исторической памяти Крыма: О наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887 – 1931 гг.). Изд.2-е, перераб. и доп. – Симферополь: «ЧерноморПРЕСС», 2004. 316 с.

Reference

- [1] Autobiographical note of A.L. Berthier-Delagarde // Berthier-Delagarde A.L. Autobiography. Selected works on numismatics. I. - Simferopol, 2009. P. 7-19.
- [2] Berthier-Delagard A.L. [Selected works]. Vol. I-III. / Ed.-stat. Khrapunov I.N., Stoyanova A.A. - Simferopol: Share, 2009 2012.
- [3] Articles of the Taurian Military Archival Commission and the Taurian Association of History, Archeology and Ethnography (1887 - 1931). Bibliographic indicator / Ukladach L. Sharipova. - Kiev, 1994. 162 p.
- [4] Testament of A.L. Berthier-Delagarde // Berthier-Delagarde A.L. Selected works on the history of medieval Crimea. III. Simferopol, 2012. P. 279-287.
- [5] Markevich A. [Obituary article] "A.L. Berthier-Delagard" / Foreword, preparation of the text for publication by S.B. Filimonova // Berthier-Delagard A.L. Selected works on the history of Christianity in the Crimea. II. - Simferopol, 2011. P. 257-262.
- [6] Nepomniachtchi A.A. Bibliography of printed works of A.L. Berthier-Delagarde // Berthier-Delagarde A.L. Selected works on the history of medieval Crimea. III. Simferopol, 2012. P. 292-300.
- [7] Thunmann. Crimean Khanate / Translation from the German edition of 1784 by N.L. Ernst and S.L. Belyavskaya. Notes, preface and applications by NL Ernst. - [Simferopol]: State Publishing House of Crimea ASSR, 1936. 109 p.
- [8] Filimonov S.B. From the Past of Russian Culture in the Crimea: Searches and Findings of a Source Historian. - Simferopol: N. Orianda, 2010. 408 p.
- [9] Filimonov S.B. Little-known posthumous publications about A.L. Berthier-Delagarde // Berthier-Delagarde A.L. Selected works on the history of medieval Crimea. III. Simferopol, 2012. P. 288-291.
- [10] Filimonov S.B. On the publication of a series of notes by foreigners about the Crimea planned by the Tauride Academic Archival Commission // Pilgrims of Crimea, autumn-99: Travels in the Crimea, travelers about the Crimea: IV Crimean Intern. scientific-practical. conf. (Crimea, Simferopol, October 16 - 17, 1999): materials in 2 volumes - Simferopol, 2000. Vol. 1. P. 272-273.
- [11] Filimonov S.B. Keepers of the historical memory of Crimea. - Simferopol: "Tavria", 1996. 120p.
- [12] Filimonov S.B. Keepers of the historical memory of Crimea: On the heritage of the Tauride Scientific Archival Commission and the Tauride Society of History, Archeology and Ethnography (1887 - 1931). 2nd edition, revised. and additional - Simferopol: «ChernomorPRESS», 2004. 316 p.

Филимонов С.Б.

*Доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой истории России Института «Таврическая академия»
(СП) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», г. Симферополь.*

**А.Л. Бертье-Делагард — член Таврической
ученой архивной комиссии (Из опыта разысканий
в области источниковедения историографии истории Крыма)**

Аннотация. В статье, основанной на исторических источниках, содержится информация об участии классика крымоведения А.Л. Бертье-Делагарда (1842-1920) в деятельности старейшей и авторитетнейшей в Крыму историко-краеведческой организации – Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК), а также о материалах ТУАК и сменившего ее Таврического общества истории, археологии и этнографии, посвященных памяти А.Л. Бертье-Делагарда.

Ключевые слова: Крым, А.Л. Бертье-Делагард, Таврическая ученая архивная комиссия, Таврическое общество истории, археологии и этнографии, крымоведение, источниковедение, историография.

Filimonov S.B.

*Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department
of Russian History of the Institute «Tauride Academy»
(SP) Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol.*

**A.L. Bertier-Delagard — member
of the Tauride Scientific Archival Commission (From the experience
of research in the field of source study
of the historiography of the history of Crimea)**

Abstract. The article, based on historical sources, contains information about the participation of the classic of Crimean studies A.L. Bertier-Delagarde (1842-1920) in the activities of the oldest and most authoritative local history organization in the Crimea - the Tauride Scientific Archival Commission (TUAK), as well as on the materials of the TUAK and the Tauride Society of History, Archeology and Ethnography that replaced it, dedicated to the memory of A.L. Berthier Delagarde.

Key words: Crimea, A.L. Berthier-Delagarde, Tauride Scientific Archival Commission, Tauride Society of History, Archeology and Ethnography, Crimean studies, source studies, historiography.

Напco М.Д.

Доктор социологических наук, профессор кафедры философии и гуманитарных дисциплин, Северо-Кавказская государственная академия.

**Влияние цифровизации
на образовательные процессы***

Современный мир характеризуется проникновением цифровых технологий во все сегменты социума, в различные социальные среды. Проникли они и в сферу образования – возникли проблемы, связанные с трансформацией образовательного процесса, необходимостью переосмысления применяемых практик и методик обучения, соответствующих требованиям диджитализации. Происходит постепенный переход к дистанционному образованию, объемы которого растут, и этот процесс наблюдается практически во всем мире. Основные тренды онлайн-образования связаны в первую очередь с использованием компьютерных технологий, с помощью которых возможна реализация не только учебных курсов, но и индивидуальных программ обучения. Данное обстоятельство ставит образовательные учреждения перед необходимостью развития соответствующей технической базы, что требует значительных финансовых вложений, с помощью которых становится возможным решение многих вопросов, в том числе и преодоления существующего цифрового образовательного неравенства, которое объективно ведет к социально-экономическому неравенству. Эффективность образовательных проектов в значительной степени зависит от содержащегося в них креативного потенциала, от используемых нестандартных решений, которые, с одной стороны, обеспечивают «образовательную» новизну, а с другой – представляют интерес для участников образовательного процесса.

Процессы цифровизации коснулись всех аспектов человеческой жизни, трансформировали характер функционирования всех социальных систем и структур – как глобальных, так и локальных. Можно сказать, что цифровизация является глубинным трендом, доминантой современного развития, с помощью которой решаются самые сложные и трудноразрешимые вопросы социально-экономического, политического и культурного развития. Она выводит производство на совершенно иной уровень развития, который существенно отличается от предыдущих эпох. Как утверждают

* © Напco М.Д., 2023.

специалисты, влияние IT-технологий поистине революционное, поскольку они привели к качественному преобразованию мира. Цифровизация затрагивает и область политических отношений, благодаря чему увеличиваются возможности непосредственного участия большого числа людей в принятии необходимых и важных демократических решений, обеспечивающих их права и свободы. (Но стоит заметить, что одновременно с этим возрастают риски: с помощью цифровых инструментов осуществляется процесс манипулирования общественным мнением, обеспечивается тотальный контроль над людьми, и это плодит новые угрозы).

Не остался в стороне от этих процессов и сам человек: цифровизация расширяет возможности его мыслительной деятельности, создает условия для развития креативного и нестандартного мышления. Одним из свойств «цифры» является то, что она становится одним из инструментов адаптации индивида к быстро меняющимся условиям жизни: интенсифицируются процессы общения и взаимодействия, усиливаются взаимозависимость и открытость. Но позиция индивида в технологических процессах достаточно противоречива, поскольку он находится в пространстве реального и виртуального миров, что, несомненно, влияет не только на его мировоззрение: изменяются восприятие индивидом самого себя, его «социальный и экзистенциальный статус...», идентификационные процессы, которые определяются конвергенцией реальных и виртуальных коммуникативных практик... Сама коммуникация... определяется технологическим объектом, который превращается в онтологический объект... Воздействие информационно-коммуникативных технологий порождает **новые противоречия и ограничения**» [1, с. 75].

Цифровые технологии являются объективной реальностью, с которой нельзя не считаться, тем более что их применение имеет позитивное значение. В первую очередь, они стимулируют экономическую активность, развитие производительных сил, что крайне важно в условиях становления глобальной централизованной экономики, которая во многом опирается на цифровые достижения. Широко используются информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), роботизированные инструменты, искусственный интеллект, микроэлектроника, и это, безусловно, придает современным экономическим процессам совершенно иное качество, отличное от экономики прошлых времен. Цифровая экономика может быть определена как «деятельность по созданию, распространению и использованию цифровых технологий и связанных с ними продуктов и услуг..., технологии сбора, хранения, обработки, поиска, передачи и представления данных в электронном виде» [2, с. 13]. Как показывает практика, применение цифровых технологий в экономической деятельности и в социальной сфере способствует изменению характера отношений между

участниками социально-экономических процессов, создает условия для углубления сотрудничества, координации усилий в достижении конкретных целей развития. В таких условиях формируется соответствующая времени экономическая парадигма, которая трансформирует область экономических отношений и деятельность экономических агентов разного уровня. Цифровая трансформация, в частности в промышленности, требует соответствующего «цифрового» специалиста, инженера, рабочего, формирования таких компетенций, как создание цифровых двойников и физико-математических моделей, автоматизированное проектирование и дизайн продукции..., инжиниринг машиностроительной продукции и цифрового производства...» [3, с. 10]. Это – с одной стороны, а с другой – преобразуются образ жизни, мироощущения, социальные установки и ценностные ориентиры.

Процессы цифровизации приводят к качественной перестройке и системы образования. Появляются т. н. гибридные формы благодаря соединению в единое целое реального и виртуального миров, что приводит к изменениям общественного и индивидуального сознания, нацеленного на овладение электронными инструментами и моделями. Последние основываются на использовании знаний из различных областей науки, и это позволяет придать процессу обучения целостный и междисциплинарный характер. Итогом такого единства становится, кроме того, возможность овладения не только дополнительными, но и более результативными способами получения современных знаний и компетенций, а также практических умений. Все более востребованным становится образование, основу которого составляют ИТ-ресурсы, поскольку такое образование «участвует» в первую очередь в создании человеческого капитала: самыми эффективными, как известно, являются вложения в человека, в развитие его интеллектуальных способностей. Выгоды от использования цифровых инструментов в системе образования безусловны, что подтверждается все большим их внедрением в образовательный процесс. Появляются новые образовательные продукты и услуги, которые трансформируют не только сферу образования, но и культуру образовательной деятельности.

В условиях динамично меняющейся социальной реальности формирование цифровой среды является условием развития образовательных учреждений. Внедрение и использование современных технологий способствуют росту инновационных знаний, без которых успешное овладение компетенциями XXI века, основу которых составляют, с одной стороны, «креативность, критическое мышление, коммуникация, кооперация» [4, с. 353], а с другой – виртуальная реальность, блокчейн, компьютерное программирование, облачные технологии и т. д., не представляется воз-

возможным. Решение множественных задач, связанных с растущей цифровизацией, зависит в первую очередь от уровня цифровой грамотности, от степени погружения в цифровое образовательное пространство.

Важную роль в этих процессах играет, как показали реалии последних лет, связанные с пандемией коронавируса, онлайн-обучение, которое реализуется с применением цифровых инструментов. Несмотря на то, что дистанционное образование вначале было воспринято достаточно скептически, более того – отрицательно, оно оказалось впоследствии востребованной формой обучения, обладающей несомненными преимуществами (как и недостатками). Во-первых, наличие в нем синхронного и асинхронного типов обучения позволяет продуктивно совмещать реальное обучение и виртуальное. Во-вторых, дистант особенно продуктивен при заочной форме обучения, поскольку применение цифровых инструментов в данном случае позволяет осваивать необходимый учебный материал самостоятельно и эффективно. В-третьих, – и на это указывают многие – обучение осуществляется постоянно и в течение длительного времени. Современные ритмы жизни требуют постоянной переквалификации, и в таких условиях дистанционное образование является одним из лучших инструментов получения знания. Но характерные для него определенные недостатки, касающиеся характера взаимодействий между педагогом и обучающимся, специфики их общения, возможностей осуществления непосредственного контроля и т. д., могут быть преодолены на основе применения разных, но взаимосвязанных форм обучения, – классической и цифровой.

Использование цифровых ресурсов в образовании не отменяет, как показывает педагогическая практика, традиционных методов. Их несомненное достоинство заключается в том, что они позволяют преодолеть негативные последствия, вызываемые чрезмерной увлеченностью электронными ресурсами. Отношение к традиционному обучению в обществе педагогов самое разное – от оптимистического до пессимистического. По мнению одних, акцентирование внимания на использовании исключительно устоявшихся практик в обучении не всегда соответствует требованиям времени, поскольку они уже устарели и не несут в себе позитивной нагрузки. Для других, традиционная форма обучения должна быть дополнена современными методами обучения, и в первую очередь – цифровыми. Выгоды от их использования состоят в том, что обучающийся получает возможность управлять своим образовательным процессом, который приобретает также персонализированные черты, «продуктивно взаимодействовать с другими личностями в условиях тотальной киберсоциализации всего общества...» [5]. Кроме того, обучение становится непрерывным, в течение всей жизни, «т. н. «life-long-learning...», а также его

индивидуализации на основе advanced-learning technologies — технологий продвинутого обучения» [6, с. 109]. Принцип непрерывности образования важен, в особенности с учетом тех требований, которые предъявляются к уровню и качеству современных знаний.

Цифровизация создает пространство информации, которой могут воспользоваться все, тем более что общество демонстрирует повышенный спрос на них. Что касается образования, то цифровые ресурсы, в частности персональные смартфоны, эффективно используются в учебном процессе, способствуют повышению образовательной мотивации. Одновременно возрастают требования к уровню владения ими со стороны всех участников образовательного процесса. Повышаются требования и к будущим специалистам, для которых владение цифровыми инструментами более чем актуально, поскольку современная экономика в целом базируется на использовании IT-технологий, а некоторые отрасли являются абсолютно цифровыми. Для этого образование должно опираться на современные методы и средства обучения, совмещать классические и виртуальные модели, быть нацеленным на формирование таких компетенций, которые позволят интегрироваться в пространство цифрового мира с минимальными потерями, как для себя, так и для социума.

Внедрение цифровых технологий в сферу образования требует выработки соответствующей образовательной парадигмы, способной учитывать изменения, вызываемые растущей диджитализацией и ее последствиями. Кроме того, появление новых форм обучения требует не только пересмотра образовательных модулей, необходимы изменения в мышлении обучающихся, но прежде всего – преподавателей. Не последнюю роль играют уровень IT-компетенций, умения применять навыки цифрового общения и взаимодействия. Все это требует определенного уровня цифровой грамотности (или компетентности), которая предполагает умение пользоваться цифровыми компетенциями. Владение цифровой грамотностью в системе образования более чем важно и актуально, благодаря ей расширяются возможности развития креативного мышления и принятия нестандартных решений, которые влияют на образовательные процессы, испытывающие на себе воздействие инновационных трендов. Это – во-первых. Во-вторых, с помощью IT-инструментов в образовании широко используются различные формы подачи учебного материала – аудиовизуальные, графические, текстовые и т. д. В-третьих, создаются условия для развития т. н. сетевого общения, формирования навыков цифрового взаимодействия, обмена опытом и знаниями.

Важную роль играют основы «медиаграмотности (критическое мышление, знание семио-систем, умение работать с ними» [7, с. 91]. Исследователи отмечают повышение уровня и качества цифровых компетенций у

педагогов и у обучающихся. Данное обстоятельство связано, во-первых, с высокими темпами инновационного развития образования. Во-вторых, с повышением технологических требований: развивающаяся цифровая экономика нуждается в квалифицированных ИТ-специалистах, поэтому базовые цифровые компетенции должны быть освоены в образовательных учреждениях. В-третьих, с повышением степени ответственности, обусловленной «пониманием, организацией фиксации (текстовых, изобразительных, аудио и видео), архивированием цифровой информации, а также создание материалов с использованием цифровых ресурсов и ее критическим анализом» [8, с. 46]. Все это является свидетельством необходимости глубокой трансформации всего образовательного процесса и контента, переосмысления учебных программ и дидактических методик, разработки новых образовательных модулей, которые, взятые в совокупности, позволят сформировать цифровые навыки и применять их на практике. Процесс овладения цифровыми компетенциями невозможен без соответствующей цифровой грамотности педагогов, их готовности к онлайн-образованию. Цифровая грамотность является базовой, поскольку она, вкуче с другими факторами, позволяет обеспечить инновационное развитие образования.

В условиях становления и развития индустрии 4.0 применение ИТ-технологий в системе образования способствует ее качественной трансформации, что является в первую очередь следствием цифровизации экономики. Формирование цифровых компетенций у педагогов и обучающихся, а также у специалистов является условием становления цифровой культуры, без которой инновационное развитие общества и его социальных систем невозможно. Для этого образование должно отвечать критериям цифровизации, максимально эффективно внедрять электронные ресурсы в учебный процесс, рационально использовать цифровые и традиционные методы обучения. Важным является развитие цифровой культуры и цифровой грамотности, формирование соответствующих навыков и умений, без которых успешное вхождение в XXI век не представляется возможным.

Библиографический список:

- [1] Мамедова Н.М. Человек в эпоху цифровизации: на грани реального и виртуального // Век глобализации. 2021. № 3. С. 74-85. // URL: https://www.socionauki.ru/upload/socionauki.ru/journal/vg/2021_3/06_Mamedova.pdf (Дата обращения: 07.09.2022).
- [2] Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение. М.: Изд. дом Высшей школы экономики 2019. 82 с. // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38227127> (Дата обращения: 07.09.2022).
- [3] Денисенко А.Ф., Гришин Р.Г., Гаспарова Л.Б., Горяинов Д.С. Актуализация образовательной программы с целью формирования у обучающихся цифровых компетенций // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2022. № 1 (48). С. 7-13. // URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48217914_23543069.pdf (Дата обращения: 08.09.2022).
- [4] Петрова Н.П., Бондарева Г.А. Цифровизация и цифровые технологии в образовании // Мир науки, куль-

- туры, образования. 2019. № 5 (7). С. 353-355. // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41286677> (Дата обращения: 10.09.2022).
- [5] Вербицкий А.А. Цифровое обучение: проблемы, риски и перспективы // Электронный научно-публицистический журнал «Homo Cyberus». 2019. № 1 (6). // URL: http://journal.homocyberus.ru/Verbitskiy_AA_1_2019 (Дата обращения: 12.09.2022).
- [6] Никулина Т.В., Стариченко Б.Е. Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление // Педагогическое образование в России. 2018. № 8. С. 107-113. // URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35534378_52332742.pdf (Дата обращения: 12.09.2022).
- [7] Шариков А.В. О четырехкомпонентной модели цифровой грамотности // Журнал исследований социальной практики. 2016. Том 14. № 1. С. 87-98. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/> (Дата обращения: 13.09.2022).
- [8] Носкова Н.В., Петрова Л.А. Цифровая компетентность современного педагога: от теории к инновационной практике // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 68-4. С. 45-49. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/> (Дата обращения: 13.09.2022).

Reference

- [1] Mamedova N.M. Man in the era of digitalization: on the verge of real and virtual // Age of globalization. 2021. № 3. P. 74-85. // URL: https://www.socionauki.ru/upload/socionauki.ru/journal/vg/2021_3/06_Mamedova.pdf (07.09.2022).
- [2] What is the digital economy? Trends, competencies, measurement. M.: Ed. house of the Higher School of Economics 2019. 82 p. // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38227127> (09.07.2022).
- [3] Denisenko A.F., Grishin R.G., Gasparova L.B., Goryainov D.S. Actualization of the educational program in order to form students' digital competencies // Vector of Science of Togliatti State University. Series: Pedagogy, psychology. 2022. № 1 (48). P. 7-13. // URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48217914_23543069.pdf (09.08.2022).
- [4] Petrova N.P., Bondareva G.A. Digitalization and digital technologies in education // World of science, culture, education. 2019. № 5 (7). P. 353-355. // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41286677> (10.09.2022).
- [5] Verbitsky A.A. Digital learning: problems, risks and prospects // Electronic scientific journal "Homo Cyberus". 2019. № 1.
- [6] Nikulina T.V., Starichenko B.E. Informatization and digitalization of education: concepts, technologies, management // Pedagogical education in Russia. 2018. № 8. P. 107-113. // URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35534378_52332742.pdf (09.12.2022).
- [7] Sharikov A.V. On the four-component model of digital literacy // Journal of Social Practice Research. 2016. Volume 14. № 1. P. 87-98. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/> (09.13.2022).
- [8] Noskova N.V., Petrova L.A. Digital competence of a modern teacher: from theory to innovative practice // Problems of modern pedagogical education. 2020. № 68-4. P. 45-49. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/> (09.13.2022).

Нансо М.Д.

*Доктор социологических наук,
профессор кафедры философии и гуманитарных дисциплин,
Северо-Кавказская государственная академия.*

Влияние цифровизации на образовательные процессы

Аннотация. В статье исследуются изменения, происходящие в системе образования под воздействием цифровых трендов. Раскрываются плюсы диджитализации для сферы образования, показывается актуальность применения соответствующих ей методик обучения. Выявляется значение цифровых технологий в формировании инновационного знания, соответствующего технологическим требованиям. Прослеживается трансформирующее воздействие цифровизации на характер протекания процессов в образовательной среде, на формы сотрудничества и кооперации, на взаимодействия субъектов образовательного процесса.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровая экономика, цифровизация образования, виртуальная реальность, онлайн-образование, цифровая грамотность, цифровые компетенции.

Napso M.D.

*Doctor of Sociological Sciences, Professor
of department of philosophy and humanities sciences,
North-Caucasus state academy.*

Digital influence on educational processes

Abstract. In article the changes occurring in an education system under the influence of digital trends are investigated. Pluses of digitalization for an education sphere reveal, the urgency of application of techniques of training corresponding to it is shown. Value of digital technologies in formation of the innovative knowledge corresponding to technology requirements comes to light. Transforming influence digitalization on character of course of processes in the educational environment, on forms of cooperation and cooperation, on interactions of subjects of educational process.

Key words: digital transformation, digital economy, digital education, virtual reality, online-education, digital literacy, digital competences.

Моисеев А.Н.

Кандидат военных наук, доцент, филиал ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» в г. Сызрани.

Организационная и мобилизационная деятельность Комиссариатов по военным делам Пензенской губернии в годы Гражданской войны (1918-1920 гг.)*

Введение

В начале 1918 г. Советским правительством Управления уездного и губернского воинских начальников были преобразованы в Комиссариаты по военным делам (Военкоматы), с кратковременным нахождением их функций в составе Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов (Совдепов) в качестве военных учётных отделов последних с января по апрель 1918 г. Становление Военкоматов пришлось на наиболее угрожающий для Советской власти период Гражданской войны с апреля 1918 г. по январь 1919 г. Пройдя тернистый путь создания, организации всех видов деятельности на местах, в особенности учётно-мобилизационной, к началу 1919 г., Военкоматы приобрели свой самостоятельный статус органов местного военного управления. В тяжелейших условиях нарабатывался опыт организационной, мобилизационной работы по формированию и снабжению отправляемых на фронт и дислоцированных в местных военных гарнизонах воинских частей, по учёту людских ресурсов и конского состава, организации борьбы с дезертирством и др. в периоды «добровольчества» и введения всеобщей воинской повинности.

Стоит отметить, что специфика деятельности Военкоматов в целом по стране была единообразной, но нахождение в плотном кольце белогвардейских войск и интервентов накладывало на работу свои региональные и прифронтовые особенности. Наиболее сложные условия сформировались в Среднем Поволжье, т. к. именно там 29 мая 1918 г. вспыхнул Чехословацкий мятеж, подвергший контрреволюционной угрозе всю Советскую Россию, и там же стал формироваться первый фронт Гражданской войны – Восточный¹.

Положение дел в военных комиссариатах Пензенской губернии

¹ *Медведев Е.И.* Гражданская война в Среднем Поволжье (1918-1919 гг.). Куйбышев. гос. ун-т. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1974. 352 с.

Основным поставщиком людских ресурсов, конского состава, повозок и упряжи, вещевого и продуктового довольствия созданному оперативно-стратегическому объединению советских войск являлась Пензенская губерния, военные комиссариаты, которой, не завершив процесс собственного строительства, должны были обеспечить потребности действующей армии всем необходимым. Контролировала деятельность уездных Военкоматов Пензенская губернская Военная инспекция (создавались в каждой губернии), находившаяся в подчинении Военной Инспекции Округа. Вертикаль их подчинённости заканчивалась Высшей Военной Инспекцией РККА (Рабоче-крестьянской Красной армии) в составе Реввоенсовета Республики. Несмотря на сложную военно-политическую обстановку инспекторские проверки проводились регулярно, позволяя корректировать работу на местах.

Так, 4 февраля 1919 г. были обследованы состояние и деятельность Рузаевского уездного Военкомата². Верификация показала следующее: в ходе административно-территориальной реформы предпринятой Советской властью в начале 1918 г., Рузаевский уезд организовался из 10 волостей, отошедших ему от Инсарского уезда с 90 тысячным населением, по выходу же из Инсарского уезда, 2 волости были разделены на 4. В Инсарском уезде состояло 26 волостей, из которых 4 волости отошли к Саранскому уезду, а 10 волостей к Рузаевскому³. Военнообязанных лиц, в возрасте от 1 до 40 лет, в Рузаевском уезде всего было учтено 11500 человек.

Помимо, стандартного набора функций по учету населения, лошадей и повозок, проведения мобилизации и организации агитации, на Рузаевский Военный комиссариат возлагалась обязанность проводить всеобщее обучение населения. Состав же сотрудников Рузаевского уездного военкомата, по итогам инспекторской проверки, совершенно не соответствовал своему предназначению, при котором дальнейшая его работа не обеспечивала должной эффективности. При том, Военкомы и военрук совершенно не проверяли деятельность военных комиссариатов, не знали и не понимали своих должностных обязанностей. Указанные руководящие лица, не доверяя заведующим отделами и военруку, взвалили на себя всю канцелярскую работу, сковав тем самым своевременное и правильное исполнение входящей и исходящей корреспонденции, создав путаницу и волокиту⁴.

Отсутствовало должным образом организованное по отделам и в целом в Военкомате делопроизводство. Не было таблицы срочных донесений и проекта приказов по отделам и общего за Военкомат. В результате этого, редакция приказов производилась в произвольном виде. Отмечалось наличие распоряжений, отдаваемых по гражданским ведомствам, не относя-

2 Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 25889. Оп. 1. Д. 14. Л. 105.

3 Там же. Л. 106.

4 РГВА. Ф. 25889. Оп. 1. Д. 14. Л. 106 об.

щихся к военному и наоборот - циркуляры, приказы губернского Военного комиссариата подшивались без рассылки нижестоящим отделам, в силу чего многих приказов Завотделами совершенно не знали⁵. Порядок оформления и доставки в Губвоенкомат срочных депеш отработан не был, в результате таковые доходили до адресата не своевременно и неаккуратно. На руках у различных должностных лиц находилось несколько печатей, как действующих, так и просроченных, неуничтоженных установленным порядком с составлением соответственных комиссионных актов. В нарушении инструкции, имуществом канцелярии ведал не Общий отдел, а отдел Снабжения. Сборный пункт для мобилизованных граждан использовался не по прямому назначению, а как столовая для сотрудников Уездвоенкома⁶.

Инспекторская проверка выявила критическую ситуацию в области кадровой политики Уездвоенкомата. Из всего состава сотрудников, лишь 10% соответствовали своему назначению, а остальные только обучались и самостоятельной работы никакой исполнять не могли в силу низких базовых знаний или их полного отсутствия в виду неграмотности. Например, помощник военрука Минаков, совершенно не был знаком с военным делом и воинскую службу не проходил⁷. Процветало кумовство и коррупция.

Деятельность агитационно-просветительского отдела признана неудовлетворительной, так как пропагандистская, воспитательная работа с гражданским населением, коммунистами и сочувствующим им, из числа военнослужащих караульной роты и других подразделений не велась полностью. Состояние документооборота аналогично другим отделам, к тому же отсутствовала денежная отчётность по финансовым средствам.

В комендантской части царил такой же беспорядок, как и в целом по Уездвоенкомату: постовые ведомости велись хаотично и без системно, планы постов отсутствовали, проверка караулов дежурными по караулам велась эпизодически и не согласно уставных требований, начальники караулов назначались из числа необученных красноармейцев, не имеющих понятия о правилах организации и несения караульной службы⁸. По существу охрана здания уездного Военкомата отсутствовала.

Особый вред наносила учётно-мобилизационной работе, не налаженная должным образом деятельность руководства Рузаевского уездного Военкомата: алфавитные книги велись работниками отдела не по годам, а по волостям, в книгах помечался не год рождения, а указывалось число полных лет мобилизуемых, в силу чего, при мобилизации по уезду происходила большая путаница. Усугублялось положение ведения такого учёта

5 Там же.

6 Там же. Л. 107.

7 РГВА. Ф. 25889. Оп. 1. Д. 14. Л. 107.

8 Там же. Л. 107 об.

тем, что в алфавитных книгах не помечался адрес взятого на учёт, о снятии и принятии на учёт военнообязанных, волостными комиссариатами ни каких сведений в Уездвоенкомат не сообщалось. В приёмных списках, мобилизуемых не заполнялись графы о семейном положении и возрасте. Приёмные списки составлялись не отдельно по каждому году призыва, а по 2-3 призыва, в медицинской комиссии, приём и осмотр мобилизованных осуществлял лишь один врач⁹.

Не было налажено тесное взаимодействие с Губвоенкомом, из-за чего, запрашивались гражданские учреждения по статистике и учёту военнообязанных граждан и их советами руководствовался весь состав Уездвоенкомата. Так, например, сведения из Рузаевской Почтово-телеграфной конторы, о призыве почтово-телеграфных работников по форме № 3 «Временного руководства по учёту военнообязанных» на 1 февраля 1919 г. не предоставлялись, а в собственные же ведомости, работники учётного отдела проставили примерные цифры, в количестве 9500 человек. По приблизительному же учёту волостных военкоматов, указывалось общее количество военнообязанных по уезду 11600 человек. Такой «учёт» только способствовал увеличению числа дезертирующих красноармейцев. Заведующий учётным отделом, из-за некомпетентности и личной недисциплинированности осуществлял подшивку бумаг не по роду деятельности, а куда заблагорассудится, совершенно не пользуясь временным руководством, а учёт лошадей и повозок вообще игнорировал¹⁰.

Не лучше обстояли дела и по административно-хозяйственной деятельности. В отделе снабжения по продовольственному делопроизводству, отчётные листы по фуражному довольствию за декабрь 1918 г. и по всем видам довольствия за январь 1919 г. не составлялись. Отметет случай не обоснованного обеспечения питанием в августе 1918 г. каких-то музыкантов, приехавших из Саранска и рабочих Рузаевской Советской типографии по просьбе Председателя Совета. Обслуживание осуществлялось частью за наличный расчёт, а частью нет. Произвольно, без разрешения Пензенского Губвоенкома, увеличена была дача фуража до 20 фунтов на лошадь¹¹.

По вещевому довольствию производилась выдача красноармейцам караульной роты походных палаток, взамен постельного белья. Служащим Уездвоенкомата отпускалось обмундирование, обувь и нательное бельё за наличный расчёт. Вещи, выданные в середине декабря 1918 г. выписывались в расход лишь в январе 1919 г.

По финансовому делопроизводству фигурировали свои недостатки, а именно: денежный журнал вёлся не по установленной форме, не был засви-

9 РГВА. Ф. 25889. Оп. 1. Д. 14. Л. 108.

10 Там же. Л. 108 об.

11 РГВА. Ф. 25889. Оп. 1. Д. 14. Л. 109.

детельствован Губвоенкомом, а в январе 1919 г. таковой совершенно не велся из-за его утраты. В денежном журнале не прослеживались отметки статей переходящих сумм, а проверка денежных книг и сумм производилась не ежемесячно и не в первых числах месяца, освидетельствование поверочной комиссии делалось не по установленной форме, и в акте, не все члены комиссии ставили свои подписи в производстве проверки. Производимая выдача суточных денег сотрудникам Комиссариата, когда они получали 50 % надбавку к содержанию и выданные деньги до момента проверки инспекцией, не были удержаны. Накопилась задержка служащим Комиссариата за январь 1919 г., так как требовательные ведомости были слишком поздно составлены и отправлены в казначейство. Производилась неосметченная покупка дров у частных лиц, с выплатой задатка без письменных расписок. Нецелевое расходование керосина, по необоснованным требованиям Военрука Янчуковского, Комиссара Фролова и военного контроля. «Военруку Янчуковскому за ноябрь и декабрь 1918 г. 32 фунта, Комиссару Фролову за декабрь 10 фунтов и военному контролю за декабрь 10 фунтов»¹². Помимо этого сотрудники Комиссариата, получая красноармейский паёк не сдавали продовольственные карточки в городскую Продовольственную коллегия. Телеграммы Губвоенкома по обозному имуществу, согласно приказа № 97 по доставке и сдаче в Пензу повозок форменного образца в 5-ю дивизию, не исполнялись и меры не принимались.

Караульная рота в строевом и политическом отношении находилась совершенно не подготовленной. Дисциплина отсутствовала, младший командный состав во главе с командиром роты содержанием уставов не владели, профессионально не были подготовлены. Оружие содержалось в недостаточном порядке и чистоте, винтовки на оружейном складе были свалены в кучу и чистке не подвергались. В роте не было никакой отчётности и делопроизводства, помещения роты находились в плачевном состоянии, не годными для жилья, местность вокруг казармы была загажена пищевыми отходами, калом и мусором, пища для личного состава роты готовилась в походной кухне, посуды не хватало.

Не многим лучше, но практически на таком же уровне было состояние дел при проверках Губернской Военной инспекцией, 10 февраля 1919 г. Инсарского Уездного Военного Комиссариата (УВК), 14 февраля Наровчатского УВК, 17 февраля Мокшанского УВК и 18 февраля Керенского УВК¹³.

При обследовании 14 февраля 1919 г. Наровчатского Уездвоекомата Пензенской Губернской Военной инспекцией указывалось следующее:

1) Неответственные работники Комиссариата набраны без испытания и совершенно не соответствуют своему назначению¹⁴.

2) По общему отделу: общей табели срочных донесений не существует,

12 Там же. Л. 109 об.

13 РГВА. Ф. 25889. Оп. 1. Д. 14. Л. 158.

14 Там же.

нет схемы работ, приказы не подразделены по отделам, проекты приказов подписываются сначала заведующим отделом, а потом ниже ставят свои подписи военком и военрук. Послужные списки не заведены, регистрационная книга ведётся в черновиках, газета “Пензенские Известия” не подшиваются, на входящих и исходящих бумагах ставится только № общего отдела.

3) По комендантской части: постовые ведомости ведутся в беспорядке, табель постов составлен не по форме, план постов отсутствует, приемо-сдаточных ведомостей нет. Нет инструкции в караульном помещении, дежурные по караулам назначаются не знающие уставов и караулы проверяют не ежедневно¹⁵.

4) По учётно-мобилизационному отделу: благодаря незнанию своего дела заведующим отделом и его сотрудниками, учёта населения, лошадей и повозок фактически не существует. Временное руководство по учёту военнообязанных не применено, подготовительных работ не производилось и делопроизводство в полнейшем беспорядке.

5) По Агитационно-просветительному отделению: небрежное отношение с деловыми бумагами и не правильная их подшивка, денежная отчётность ведётся неправильно. Штат технических работников не соответствует своему назначению. Полученные газеты не подшиваются, получаемые книги и брошюры в отделе не хранятся и их учёт не ведётся, отсутствует агитация и пропаганда в караульной роте.

6) По отделу снабжения: книга казначея ведётся, но денежный журнал не освидетельствован Губвоенкомом, проверка денежных сумм и книг производится с большим опозданием, а за июль 1918 г. совсем не произведена. Выдавались неустановленные законом денежные пособия, покупались у частных лиц патроны, производилась выдача суточных денег членам Совдепа при мобилизации лошадей. Покупался спирт на деньги Комиссариата по несколько вёдер и таковой шёл на угощение красноармейцев караульной роты¹⁶.

7) По караульной роте: строевая подготовка роты слабая, дисциплина отсутствует, в политическом отношении рота не подготовлена, командный состав уставов не знает и занятий с подчинёнными не проводит. Строевая канцелярия роты ведётся по произвольной форме, денежная книга за 1918 г. не подписана ротным командиром. Нет описи ротного инвентаря. Оружие хранится небрежно и чистится очень редко, коллектив коммунистов превратился в комитет “Керенского”¹⁷.

В положительном отношении отмечалось. В Инсарском УВК: в лучшую сторону была отмечена работа Учётно-мобилизационного отдела. «Временное руководство по учёту военнообязанных применено, учёт уволенных в отпуск по болезни красноармейцев и военнослужащих ведётся, учёт

15 РГВА. Ф. 25889. Оп. 1. Д. 14. Л. 158 об.

16 Там же.

17 РГВА. Ф. 25889. Оп. 1. Д. 14. Л. 159.

добровольцев ведёт агитационно-просветительное отделение, его деятельность вполне удовлетворительна». В остальном, недостатки аналогичны в той или иной степени Рузаевскому и другим УВК.

По факту проведенной проверки Уездвоенкоматов Пензенской Губернской Военной инспекцией ею были сделаны следующие выводы: «В виду низкого ценза набранных сотрудников в Рузаевский УВК, отсутствия необходимости организации им охраны железнодорожного узла, так как при станции имеется Комендант станции и батальон железнодорожной охраны, дальнейшее существование Рузаевского Уездвоенкомата не является необходимым и целесообразно его присоединение к Инсарскому Уездвоенкомату»¹⁸.

На основе представленных фактов и выводов, Пензенским Губернским Военным Комиссаром Н. Серовым было оформлено в адрес Приволжского Окружного Комиссариата ходатайство, об упразднении Рузаевского Уездвоенкома и присоединения его к Инсарскому Уездвоенкомату¹⁹.

Заключение

Проведенные реорганизационные мероприятия имели определяющее значение в установлении планомерной работы местных органов военного управления. Удалось объединить усилия наиболее ценных сотрудников по устранению выявленных недостатков, укрепить материально-техническую базу, выстроить учетно-мобилизационную, агитационно-просветительскую деятельность в соответствии требованиями того времени. Уже в период с 20 октября по 20 ноября 1919 г. отчеты Губвоенкома Коровина о деятельности Военкомата в адрес Окружного ГВК содержали более полную, лаконичную информацию о ходе мобилизации профессоров и преподавателей высших учебных заведений, офицеров и унтер-офицеров, вернувшихся из плена до 1 августа 1919 г.; о ходе проведения подготовительных работ по мобилизации студентов и граждан окончивших трудовую школу второй ступени; о производстве поверочных сборов и переосвидетельствования всего населения Пензенской губернии от 18 до 40 лет; о выдаче частям войск лошадей из числа купленных и состоящих в конезапасах; о ходе формирования воинских частей отправляемых на фронт, запасных, пограничных, железнодорожной охраны, вспомогательных, караульных и специальных войск; о состоянии продовольственного и вещевого снабжения формируемых войск и войск местного губернского военного гарнизона; о ходе ведения борьбы с дезертирством; о состоянии артиллерийских, инженерных, ветеринарных и обеспечивающих Губернский Военкомат частях и подразделениях²⁰. Выстроенная структура доклада позволяла Окровоенкомату оценить состояние

18 Там же. Л. 105.

19 Там же. Л. 106.

20 Л. 105.Ф. 25889. Оп. 1. Д. 14. Л. 208.

дел и запросить объяснений от Пензенского Губвоенкома по представленным пунктам отчета. Уже 11 декабря 1919 г. был сделан запрос: «...Предлагаю в самый кратчайший срок предоставить объяснения... по мобилизации пункт 4 освидетельствовано 52501 чел., принято на военную службу 18004 чел., забраковано 28527 чел. и отправлено на сборные пункты 7804 человека. Совершенно непонятно из какого числа отправлено 7804 человека? Пункт 6 – производится принудительная закупка лошадей контрагентами и приёмка от них, что за контрагенты? Откуда они и какая их роль в принудительной закупке лошадей если их деятельность запрещена? ... В докладе совершенно отсутствуют данные о работе санитарного и культпросвет отделов»²¹.

Указанный факт даёт основание полагать, что на каждом уровне работы Военкоматов существовали определённые недостатки, начиная от Волостных и Уездных и заканчивая Губернскими. Военкомы старались о них умалчивать, по разным причинам, в своих отчетных докладах в вышестоящие Военкоматы. Вскрытию истинной картины по эффективности деятельности Военных комиссариатов, способствовала работа окружных и губернских Военных инспекций. Результатом этой кропотливой работы стало создание четко отлаженной системы призывов населения на действительную военную службу, формированию частей и подразделений, укомплектованию их столь необходимыми кадрами, организации военно-технического и др. обеспечения.

Библиографический список:

- [1] Горелик Я.М. Маршал М.Н. Тухачевский. Приволж. кн. изд-во. Пенза: Пенз. отд-ние, 1986. 102 с. С. 55-59.
- [2] Декреты Советской власти: Т. XVIII. М.: Политиздат, 1957. Т. II. 698 с. С. 334-335.
- [3] Инспекция при Реввоенсовете СССР (бывшая Высшая военная инспекция, Военная и морская инспекция при РВСР, Инспекция Красной Армии и Красного флота). [Электронный ресурс]: Библиотека.ру. // URL: <https://libinfo.org/index/index.php?id=104382>. (Дата обращения: 22.01.2023).
- [4] Кураев В.В. Октябрь в Пензе. 2-е изд. Пенза : Кн. изд-во, 1957. 78 с.
- [5] Левенштейн М.Н. Важное звено военного управления. О деятельности Высшей военной инспекции // Военно-Исторический Журнал. 1976. № 8.
- [6] Медведев Е.И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918-1919 гг.). Куйбышев. гос. ун-т. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1974. 352 с. С. 210.
- [7] Российский государственный военный архив (РГВА) Ф. 25889. Оп. 1.

Reference

- [1] Gorelik Ya.M. Marshal M.N. Tukhachevsky. Privolzh. kn. ed. Penza: Penza. publishing house, 1986. 102 p. P. 55-59.
- [2] Decrees of Soviet power: Vol. XVIII. M.: Politizdat, 1957. Vol. II. 698 p. P. 334-335.
- [3] Inspection under the Revolutionary Military Council of the USSR (former Supreme Military Inspection, Military and Naval Inspection under the RVSR, Inspection of the Red Army and Red Fleet). // URL: <https://libinfo.org/index/index.php?id=104382> (22.01.2023).
- [4] Kuraev V.V. October in Penza. 2nd ed. Penza : Publishing house, 1957. 78 p.
- [5] Levenstein M.N. An important link of military administration. On the activities of the Supreme Military Inspectorate // Military History Magazine. 1976. № 8.
- [6] Medvedev E.I. Civil war in the Middle Volga region (1918-1919). Kuibyshev. State University. Saratov: Sarat Publishing House. un-ta, 1974. 352 p. P. 210.
- [7] Russian State Military Archive (RGVA) F. 25889. Op. 1.

Моисеев А.Н.

Кандидат военных наук, доцент,
филиал ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия
имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» в г. Сызрани.

**Организационная и мобилизационная деятельность
Комиссариатов по военным делам Пензенской губернии
в годы Гражданской войны (1918-1920 гг.)**

Аннотация. В статье проводится анализ состояния и деятельности Рузаевского, Инсарского, Наровчатского, Мокшанского, Керенского уездных Военных комиссариатов Пензенской губернии на основании отчетов Пензенской губернской Военной инспекции.

Целью научного исследования является детальное освещение проблемных вопросов в работе местных органов военного управления в самый сложный и критичный для советской власти период Гражданской войны, конец 1918 г. - 1919 г.

Научная составляющая статьи базируется на архивных материалах, ранее не использовавшихся для публикации.

При отборе и анализе фактического материала автор руководствовался основными принципами исторической науки: объективности, научности и историзма, а также использовал общенаучные и специально-исторические методы исследования.

Содержание статьи раскрывает состояние дел уездных военкоматов Пензенской губернии, недостатки и упущения в их работе, существенно повлиявших на эффективность военного строительства. Показан механизм реагирования на поступающую с мест проблемную информацию.

Ценность исследования состоит во введении в научный оборот новых архивных первоисточников, освещающих сложности в деятельности местных органов военного управления по формированию частей и подразделений, материально-техническому и тыловому обеспечению как создаваемых войск так и самих военкоматов.

Материалы статьи позволяют сформировать объективную картину создания учетно-мобилизационной системы молодой Советской республики и могут быть использованы при чтении лекций студентам военных кафедр и курсантам высших учебных заведений, а также в историко-патриотической работе учебных заведений различного профиля.

Ключевые слова: Пензенская Губернская Военная инспекция, Губвоенком, Уездвоенком, военрук, военнообязанные, учётно-мобилизационная работа.

Moiseev A.N.

*Candidate of Military Sciences,
Associate Professor, Branch of the All-Russian Scientific Center
of the Air Force "Air Force Academy
named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin» in Syzran.*

**Organizational and mobilization activities
of the Commissariats for Military Affairs
of the Penza Province during the Civil War (1918-1920)**

Abstract. The article analyzes the status and activities of the Ruzaevsky, In-sarsky, Narovchatsky, Mokshansky, Kerensky district Military commissariats of the Penza province on the basis of reports of the Penza Provincial Military Inspectorate.

The purpose of the research is to provide detailed coverage of problematic issues in the work of local military authorities during the most difficult and critical period of the Civil War for the Soviet government, the end of 1918 - 1919.

The scientific component of the article is based on archival materials not previously used for publication.

When selecting and analyzing factual material, the author was guided by the basic principles of historical science: objectivity, scientific and historicism, and also used general scientific and special historical research methods.

The content of the article reveals the state of affairs of the district military enlistment offices of the Penza province, shortcomings and omissions in their work that significantly affected the effectiveness of military construction. The mechanism of responding to problematic information coming from the field is shown.

The value of the research consists in the introduction of new archival primary sources into scientific circulation, highlighting the difficulties in the activities of local military administration bodies in the formation of units and subdivisions, logistical and logistical support for both the troops being created and the military enlistment offices themselves.

The materials of the article allow us to form an objective picture of the creation of the accounting and mobilization system of the young Soviet republic and can be used when lecturing students of military departments and cadets of higher educational institutions, as well as in the historical and patriotic work of educational institutions of various profiles.

Key words: Penza Provincial Military Inspectorate, Gubvoenkom, Uezdvoenkom, military instructor, military service, registration and mobilization work.

Соколов А.В.

Аспирант, ФГБОУ ВО Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого.

К вопросу об эффективности исповеди как инструмента выявления «раскола»*

Как следует из переписи 1897 года, в Российской империи проживало 69,34% православного населения (в том числе единоверческого) и всего 1,75% «Старообрядцев и уклоняющихся от православия» [11]. Последняя цифра в наше время вызывает сомнение [2; 6; 7; 8; 13]. Эти 69,34 % нам говорят в первую очередь об идентичности людей, а не их религиозных практиках. Так Сенатов В.Г. отмечал, что старообрядцы, как правило, идентифицировали себя просто как «православных» [16, с. 51], наш современник Апанасенок А.В. также на это указывает [1, с. 3-5]. Показательно в этом отношении дело крестьянина-старообрядца Петра Аксенова, который в ходе разбирательства о принадлежности его к «расколу» заявил, что никогда к нему не был склонен [3, Л. 69-72, 91]. Правда потом оказалось, что под «верностью церкви» он имеет ввиду приверженность староверию [3, Л. 91-об], в его понимание фраза «никогда не принадлежал к расколу» означала «никогда не принадлежал к господствующей церкви и «раскольническим» соглашениям».

Государство, декларирующее себя православным, вынужденно было регулировать религиозную жизнь общества, в том числе контролировать приверженность православных церкви. На протяжении всего имперского периода одним из ключевых индикаторов «благонадежности» являлась исповедь. Исповедь на протяжении всего императорского периода оставалась единственным регулярным инструментом фиксации религиозно-состояния православного населения.

Исповедь – это одно из семи таинств православной церкви. С православной точки зрения её осмысливали многие отцы церкви [12]. Без исповеди невозможно спасение – единый нарратив для всего православного сообщества. Неочевидным было другое – кто может исповедовать. С одной стороны существовало четкое требование, что исповедовать может только священник, с другой стороны для части старообрядцев подобный формат был невозможен. Если поповцы, по-видимому, предпочитали ис-

* © Соколов А.В., 2023.

поведь у своего духовенства, то для старообрядцев-беспоповцев – священство в век антихриста недопустимо. Видимо, в зависимости от принадлежности к конкретному согласию они исповедовались тем лицам, которые допускались внутренними предписаниями.

В начале XVIII в. Петром I проводилась серия реформ, которая превращала церковь в очередную коллегия. Именно при первом русском императоре церковь становится де-факто государственным институтом, совмещающая помимо религиозных функций – гражданские. С указа от 8 февраля 1716 г. духовенство было обязано контролировать «повсягодное» исповедание: нарушающих предписание – штрафовали [14]. Этот же указ стал первым, который позволял старообрядцам легально проживать в Российском государстве, но обязывающий платить двойную подать. Иными словами, Петр I сконструировал модель: если ты «православный», но не каждый год исповедаться – ты подозрителен и скорей всего скрытый «раскольник». Именно такое понимание религиозной ситуации во многом было свойственно духовенству и некоторым дореволюционным исследователям.

Возникает вопрос – почему эта модель не позволяла выявить всех «раскольников»? Причин, по-видимому, несколько. Во-первых, это связано с не лучшим положением священства, вынужденного взять на себя пласт делопроизводства, что вкупе с обязанностями непосредственно священника и нехваткой времени для самообеспечения [10, с. 374], привело к поиску альтернативных источников доходов – развивалось взяточничество сельского духовенства.

Во-вторых, как отмечает Пулькин М.В., опираясь на материалы Олонецкой епархии: «Исповедь не являлась популярной составляющей приходской жизни» [15, с. 167]. Во многом это было связано с превращением исповеди в формальный инструмент, а также распространённым представлением – грешат все – исповедаться нужно лишь в серьезных вещах. Сам факт уклонения от исповеди даже в глазах церковников не выглядел однозначным доказательством принадлежности к расколу. Так в 1882 г. в селе Григорьевском Каширского уезда, протоирей Максим Никитин заявлял, что солдат Василий Степанов, 4 года не бывающий на исповеди, не может быть раскольником, т.к. «известен только неисправимым пьянством, наглостью и воровством» [4, л. 133-об].

В-третьих, не все «раскольники» порывали с церковью: так хлысты продолжали её посещать [17, с. 54], а также ходить на исповедь [5, с. 57]. Естественно, это понималось и церковными иерархами и поэтому не воспринимали посещение исповеди и церкви как индикатор абсолютной «верности православию».

Таким образом можно сделать вывод о том, что исповедь, как инди-

катор принадлежности к «расколу», был не в полной мере удачен. Она не была самодостаточна, её могли использовать лишь в совокупности с другими методами и инструментами, которые были крайне скудны и не могли полноценно фиксировать состояние религиозной бытности «в моменте». Проблема заключается в том, что на протяжении долгого времени исповедь оставалась чуть ли не единственным инструментом фиксации трансформации религиозной жизни.

Несмотря на недостатки, изучение исповедальных ведомостей представляет плодотворный материал для изучения религиозной жизни. Она может дать, при ряде оговорок, религиозный срез общества. С помощью неё можно детально изучить одну из сторон государственного управления религиозной жизни.

Библиографический список:

- [1] Апанасенок А.В. Религиозный традиционализм в провинциальной России: история старообрядческих сообществ Центрального Черноземья в XVII - начале XX века Курск: Региональный открытый социальный ин-т, 2014.
- [2] Володина Т.А. Численность Тульских старообрядцев в XVIII-XIX вв.: методологические аспекты // Старообрядчество: история, культура, современность. 2019. № 18. С. 38-42.
- [3] Государственное учреждение Государственный архив Тульской области (ГУ ГАТО) Ф. 3. Оп. 11. Д. 87.
- [4] ГУ ГАТО Ф. 3. Оп.7. Д.1378.
- [5] Дехтевич О.И. Хлыстовское движение в России во второй половине XIX - начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2009.
- [6] Еремеев П.В. И всё же, два миллиона или двадцать? Численность старообрядцев Российской империи в XIX — начале XX вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Том 7. Выпуск 7 (51). // URK: <https://history.jes.su/s207987840001595-3-1> (Дата обращения: 28.11.2022)
- [7] Зеньковский С.А. Русское Старообрядчество В двух томах. \ Сост. Г.М. Прохоров. Общ. ред. В.В. Нехотина. М.: Институт ДИ-ДИК, Квадрига, 2009.
- [8] Кириллов И.А. Статистика старообрядчества М.: журн. «Старообрядч. мысль», 1913.
- [9] Мельников П.И. Счисление раскольников // Мельников П. И. (Андрей Печерский). Полное собрание сочинений. СПб.: 1909. Т. 7. С. 384-409.
- [10] Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014.
- [11] Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по вероисповеданиям и регионам // URK: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_rel_97.php (Дата обращения: 20.11.2022)
- [12] Прот. Мордасов В. Святые отцы об исповеди. Духовник и отношение к нему. М.: Благовест, 2011.
- [13] Пругавин А.С. Старообрядчество во второй половине XIX века. Очерки из новейшей истории раскола. М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1904.
- [14] Полное собрание законов Российской империи Т. 5 (1713-1719). № 2991.
- [15] Пулькин М.В. Православный приход и власть в середине XVIII в. - начале XX в. - Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009.
- [16] Сенатов В.Г. Философия истории старообрядчества Ч. 1 М: Союз старообрядческих начетчиков, 1908.
- [17] Эткинд А. Хлыст: секты, литература и революция. М.: 1998.

Reference

- [1] Apanasенок A.V. Religious traditionalism in provincial Russia: the history of the Old Believer communities of the Central Chernozem region in the 17th - early 20th centuries Kursk: Regional Open Social Institute, 2014.
- [2] Volodina T.A. The number of Tula Old Believers in the XVIII-XIX centuries: methodological aspects // Old Believers: history, culture, modernity. 2019. № 18. P. 38-42.
- [3] State institution State archive of the Tula region (GU GATO) F. 3. Op. 11. D. 87.
- [4] GU GATO F. 3. Op.7. D.1378.

- [5] Dekhtevich O.I. Khlyst movement in Russia in the second half of the 19th - early 20th centuries: dis. ... cand. ist. Sciences. Moscow, 2009.
- [6] Eremeev P.V. And yet, two million or twenty? The number of Old Believers of the Russian Empire in the XIX - early XX centuries. // Electronic scientific and educational journal "History". 2016. Volume 7. Issue 7 (51). // URK: <https://history.jes.su/s207987840001595-3-1> (11.28.2022)
- [7] Zenkovsky S.A. Russian Old Believers in two volumes. \ Comp. G.M. Prokhorov. Tot. ed. V.V. Nekhotin. Moscow: DI-DIK Institute, Quadriga, 2009.
- [8] Kirillov I.A. Statistics of the Old Believers M.: journal. "Old Believer Thought", 1913.
- [9] Melnikov P.I. The number of schismatics // Melnikov P.I. (Andrey Pechersky). Full composition of writings. St. Petersburg: 1909. Vol. 7. P. 384-409.
- [10] Mironov B.N. Russian Empire: from tradition to modernity: in 3 volumes. Vol. 1. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2014.
- [11] The first general census of the population of the Russian Empire in 1897. Distribution of the population by religions and regions // URK: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_rel_97.php (11.20.2022)
- [12] Prot. Mordasov V. Holy Fathers on Confession. Confessor and attitude towards him. Moscow: Blagovest, 2011.
- [13] Prugavin A.S. Old Believers in the second half of the 19th century. Essays from the recent history of the split. M.: Typography T-va I.D. Sytin, 1904.
- [14] Complete collection of laws of the Russian Empire, vol. 5 (1713-1719). № 2991.
- [15] Pulkin M.V. Orthodox parish and power in the middle of the XVIII century. - the beginning of the twentieth century. - Petrozavodsk: Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2009.
- [16] Senatov V.G. Philosophy of the history of the Old Believers, Part 1 M: Union of Old Believers, 1908.
- [17] Etkind A. Khlyst: sects, literature and revolution. M.: 1998.

Соколов А.В.

Аспирант, ФГБОУ ВО Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого.

**К вопросу об эффективности исповеди
как инструмента выявления «раскола»**

Аннотация. Статья посвящена проблеме инструмента фиксации «уклоняющихся в раскол» – исповеди. Автор считает, что накладывание на исповедь функции индикатора «раскола» произошло при Петре I. В работе отмечено, что исповедь была не самодостаточным, но единственным инструментом фиксации трансформации религиозной жизни. Автор считает, что ключевой причиной неэффективности исповеди как индикатора раскола был комплекс не решаемых проблем в организации религиозной жизни: нехватка, чрезмерная административная нагрузка и бедность клира; формализованное отношение к религиозной жизни; не все отпадающие от церкви порывали с ней, а напротив продолжали формально участвовать в приходской жизни; безразличное отношение к исповеданию части населения.

Ключевые слова: старообрядцы, раскольники, исповедь, церковь, государственный контроль, духовенство.

Sokolov A. V.

Postgraduate student,

Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy.

**On the question of the effectiveness
of confession as a tool for identifying «raskol»**

Abstract. The article is devoted to the problem of the instrument of fixation of those prone to «raskol» – confession. The author believes that the imposition of the «raskol» indicator function on confession occurred under Peter I. The work notes that confession was not self-sufficient, but at the same time the only tool for fixing the transformation of religious life. The author believes that the key reason for the ineffectiveness of confession as an indicator of raskol was a complex of unsolvable problems in the organization of religious life: shortage, excessive administrative burden and poverty of the clergy; formalized attitude to religious life; not all those who fell away from the church formally broke with her - continuing to participate in parish life; the indifferent attitude of part of the population to confession.

Key words: Old Believers, schismatics, raskol, confession, church, state control, clergy.

Сулова Р.А.

Кандидат исторических наук, доцент, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казанская православная духовная семинария.

Синайская икона «Богоматерь с пророками» (Киккская): к вопросу о композиционном построении*

Традиционализм называют одной из характерных черт византийской культуры. Действительно, многие формы художественной культуры Византии очень рано определились в своих чертах и на протяжении тысячелетия мало менялись: схема храмового убранства, иконографические схемы большинства икон и др. Этот факт дал возможность ряду исследователей говорить о консерватизме, и даже стагнации византийской культуры, анонимно воспроизводящей одни и те же формы. «Декларирование творчества на грани анонимности становится принципом византийского средневекового метода. В еще большей степени он присущ мастерам фресковой живописи, иконографии и пластических искусств. Поэтому не случайно большинство византинистов видят в традиционализме, консерватизме, континуитете социо-культурных феноменов отличительную черту средневекового византинизма (П. Лемерль, Г. Вейс, М.Я. Сюзюмов, И. Караянопулос и мн. др). ...Модель византийской культуры, отражающей принципы ее дисконтинуитета, предложили... Г.А. Острогорский, А.П. Каждан, Я.Н. Любарский и ряд других» [1, с. 31].

Объяснением традиционализма могут служить слова прот. Иоанна Мейендорфа, который говорит об особой черте византийской культуры - ее литургичности: «Литургия переживалась как «путешествие» в Царство Божие, и это божественное Царство на протяжении многих столетий имело византийский образ и вид. Ни византийские формы богослужения, ни его слова никогда не менялись» [2, с. 169].

О глубоком хозяйственном, политическом, правовом, религиозном и ментальном традиционализме, оборачивающимся консерватизмом и изоляционизмом пишет С.Б. Сорочан, указывая, что традиционализм сковывал саморазвитие византийского художественного творчества, и, возможно, стал одной из причин, не давших искусству Византии подняться до вершин западноевропейского Возрождения [3].

* © Сулова Р.А., 2023.

Вряд ли можно согласиться со столь однозначной оценкой Византийского искусства. Устоявшиеся художественные формы позволили византийским мастерам добиваться глубокой одухотворенности образов. Но были ли эти формы застывшими? Возможно, под «слоем» образной, одухотворенной красоты византийских произведений мог таиться еще один уровень познания мира. Речь идет о математической композиции, заложенной в основу произведения. И здесь могло быть неограниченное пространство для поиска и творческого эксперимента.

Синайская икона Елеуса «Богоматерь с пророками» (Киккская) - знаменитый образ Божией Матери константинопольского письма, принадлежащий комниновской эпохе (Рис.1). Эту икону отличают поразительной красоты лики и сложнейшая иконографическая программа. Блестящая версия высказана в работе О.Е. Этинггоф о том, что перед нами пространство храма с его трехнефной структурой, образом Христа в подкупольном пространстве (в верхнем регистре иконы) и алтарным образом Богоматери в конхе [4, с. 177-205].

Геометрия иконы тоже может быть предметом исследования. Если посмотреть на Богомладенца, то мы видим на Нем два слоя одежд - полупрозрачная и полотняная короткие рубашки. Но одна особенность привлекает

внимание - поверх одежд явно обозначен пупок (или точка на месте пупка) (Рис.2). Более того, справа и слева на капителях колонн есть похожие точки: они расположены на одной линии и на равном расстоя-

Рис. 1. «Богоматерь с пророками». XII век Синай. // https://www.icon-art.info/masterpiece.php?mst_id=3656

Рис. 2. «Богоматерь с пророками». XII век Синай. Фрагмент. // https://www.ruicon.ru/arts-new/icons/1x1-dtl/monastir_sv_ekaterini/bogomater_eleusa_s_prorokami

Рис. 3. «Богоматерь с про- роками». XII век Синай. Схема построения композиции. Наложение окружностей.

проходящая по верхней грани табличек лабарумов, пересекает центральную вертикаль иконы в точке на животе Спасителя (Рис. 5).

Из этой точки мы можем очертить круг, касающийся верхнего края иконной доски: он красиво очерчивает крайние точки фигур - символов евангелистов. Диаметр круга равен ширине квадрата из предыдущего построения в центре иконы (рис. 5). При этом, если начертить квадрат по шести лабарумов и верхнему краю иконы, его площадь будет равна площади найденного круга, очерчивающего символы евангелистов. Перед нами еще один пример квадратуры круга (рис. 5).

Найденная окружность является еще и началом построения спирали Золотого сечения: из центра одинарным, двойным и тройным радиусом выстраивается спираль, которая приходит к носку левой ножки Богородицы на центральной оси иконы (рис. 6).

Справа полученная линия спирали выходит за пределы иконы, но учитывая, что доска сильно изогнута, можно предположить, что в ее «разверну-

нии от центральной. Если точку на животе сделать центром и описать круг, проходящий по боковым точкам, то он совпадет с точечным пунктиром в арке (Рис. 3).

Из нижней точки окружности выстраивается такой же круг, и он в своей нижней точке совпадает с линией подножия (Рис. 3).

Если прочертить прямоугольник по внутренним крайним точкам капителей и баз колонн, пунктирным линиям сверху над аркой и снизу под текстом и разделить его пополам, получатся два равных квадрата. Линия деления проходит точно по уголкам подушки, лежащей на сидении (престоле). Каждый из получившихся квадратов равен по площади кругу, заданному пунктирной аркой. Таким образом, в центральной части представлено двойное решение задачи о квадратуре круга (Рис. 4).

В верхней части иконы мы видим образ Христа, восседающего на радуге, окруженного символами евангелистов. С четырех сторон композицию дополняют херувимы, у двух нижних в руках лабарумы. Центральный образ Спасителя окружен круглой сияющей сферой. Линия,

том», выпрямленном состоянии это будет правой границей иконной доски. И эта граница, вероятно, определялась данным геометрическим построением.

Предполагаемая ширина иконы позволяет реконструировать нижнюю линию иконной доски (Рис. 7). Ее ширина может быть положена в основание равностороннего (Правильного) треугольника. Его вершина оказывается в верхней точке головы Богородицы.

Данное построение показывает, как органично вписана фигура Богомладенца в получившийся треугольник, грани которого проходят по крайним линиям ручек, а подогнутая «на себя» левая пяточка образует угол между линиями треугольника и окружности (Рис. 8.)

Многочисленные наложения разнообразных геометрических фигур, которые связаны между собой размерами и взаимоположением в итоге оказываются звеньями единого построения, которое проявлено в линиях рисунка, в расположении фигур и даже их жестах. В результате мы можем предположить, что все элементы иконы могли быть подчинены единому принципу, структурирующему композицию (вероятно, в иконе присутствуют и другие закономерности, не выявленные в данном исследовании). В основе этого принципа лежит спираль Золотого сечения, круг и квадратура этого круга, правильный треугольник. Геометрический принцип оказывается проявлен через взаиморасположение предметов, деталей и линий рисунка.

Рис. 4. «Богоматерь с пророками». XII век, Синай. Схема построения композиции. Квадратура круга.

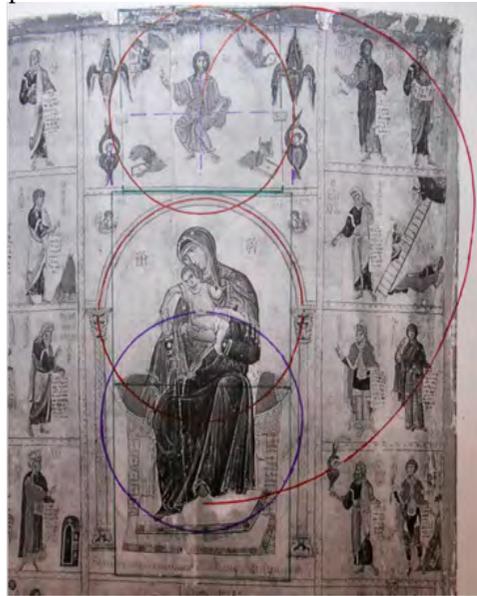

Рис. 5. «Богоматерь с пророками». XII век, Синай. Схема построения композиции. Верхний регистр. Квадратура круга.

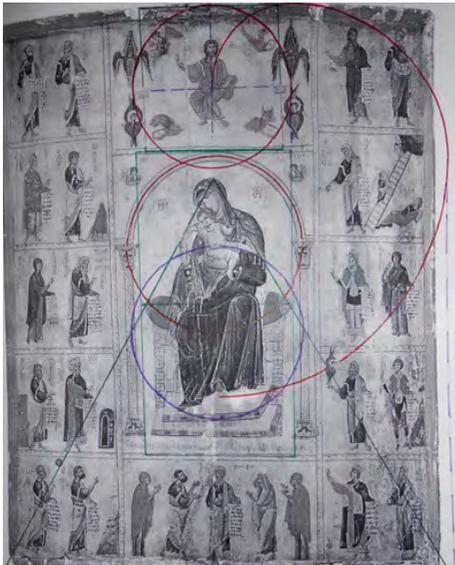

Рис. 6. «Богоматерь с пророками». XII век Синай. Схема построения композиции. Спираль Золотого сечения.

Рис. 7. «Богоматерь с пророками». XII век Синай. Схема построения композиции. Правильный треугольник.

Для христианского миропонимания троичная символика чисел при построении спирали Золотого сечения (спирали Фибоначчи) могла быть символическим доказательством Божественного замысла мироустройства и отражением догмата о Троице. Правильный треугольник мог быть символом Троиства Бога. Символика квадрата и круга могла прочитываться как земное (квадрат) и небесное (круг), а стремление обозначить квадратуру круга могло быть указанием на равенство Божественной и человеческой природы Спасителя.

Слово и Образ в культуре Византии и всей православной культуре после VII Вселенского Собора были признаны двумя путями Богопознания. Математика же, не относясь ни к тому, ни к другому, несет в себе таинственную гармонию. Возможно, византийские ученые и богословы почувствовали, что только с приходом христианства открылся подлинный смысл и предназначение математики - проявленное в земном бытии доказательство истинности божественного мироустройства и христианского учения. Математика (геометрия) закладывалась в основание композиции: эта художественная традиция была воспринята от Античности, но переосмыслена в христианском духе [5].

При этом мы можем предположить, что существовало не застывшее повторение одних и тех же геометрических схем, а индивидуальный, твор-

ческий подход для выражения при их помощи догматов богословия. Как пишет Х.Бек: «Как нельзя заниматься византистикой при исключении византийского богословия, так и богословской византистикой нельзя заниматься при исключении остальных разделов византистики» [6, с. 1].

О необходимости учитывать синтез богословского и художественного опыта Византии пишет современный исследователь Г.В.Сотникова, которая отмечает, что художественное наследие Византии, став предметом искусствоведения, оказалось выведенным из духовного пространства в пространство эстетическое: «Художественное начало играло в средневековой восточнохристианской культуре жизненно значимую роль. Византия не создавала искусства в новоевропейском понимании. Ее образность была образностью «до эпохи искусства» (Х.Бельтинг), образностью, выражавшей высшую Красоту на основе молитвенно аскетического, литургического опыта. Художественное начало возводило личность к познанию Логоса, было важнейшим элементом, возводящим к Небесам, помогающим преображению, то есть являлось Богохвалением, Бого-постижением» [7, с. 9].

Синайская икона «Богоматерь с пророками» (Киккская) являет собой совершенный образ духовной и физической красоты в христианском понимании, раскрывает Церковное учение о Боговоплощении и предстоящей жертве Спасителя, и представляет пример синтеза богословской, художественной и научной мысли Византии.

Библиографический список:

- [1] Бибигов М. Пространство византийской культуры // Азе Алибековне Тахо-Годи. Сборник статей в честь юбилея А. А. Тахо-Годи. М.: 2012. С. 26-31.
- [2] Прот. Иоанн Мейендорф. Византийское наследие в Православной Церкви / Протопресвитер Иоанн Мейендорф; пер. с англ. под общ. ред. Ю.А. Вестеля. Киев, 2007. 352 с.
- [3] Сорочан С.Б. Византия: парадигмы быта, сознания и культуры. Харьков, 2011. 952 с.
- [4] Этингоф О.Е. Образ Богоматери: Очерки византийской иконографии XI-XIII вв. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 312 с.
- [5] Сулова Р.А. Изображение арки в ранневизантийских иллюминированных Евангелиях: символика, геометрия, генезис // Манускрипт. 2021. Т. 14. Вып. 8. С. 1745-1756.
- [6] Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. Munchen, 1959. 807 p.
- [7] Skotnikova G.V. «Симфония концептов» византийской культуры: к проблеме поиска новой научной парадигмы // Международный журнал исследований культуры. 2015. № 3 (20). С. 6-13.

Reference

- [1] Bibikov M. The space of Byzantine culture // Aze Alibekovna Takho-Godi. Collection of articles in honor of the anniversary of A.A. Takho-Godi. M.: 2012. P. 26-31.
- [2] Prot. John Meyendorff. Byzantine Heritage in the Orthodox Church / Protopresbyter John Meyendorff; per. from English. under total ed. Yu.A. Vestel. Kyiv, 2007. 352 p.
- [3] Sorochan S.B. Byzantium: paradigms of everyday life, consciousness and culture. Kharkov, 2011. 952 p.
- [4] Etingof O.E. Image of the Mother of God: Essays on Byzantine iconography of the 11th-13th centuries. M.: Progress-Tradition, 2000. 312 p.
- [5] Suslova R.A. The image of the arch in the early Byzantine illuminated Gospels: symbolism, geometry, genesis // Manuscript. 2021. Vol. 14. Issue 8. P. 1745-1756.
- [6] Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. Munchen, 1959. 807 p.
- [7] Skotnikova G.V. "Symphony of concepts" of Byzantine culture: to the problem of searching for a new scientific paradigm // International Journal of Cultural Studies. 2015. № 3 (20). P. 6-13.

Суслова Р.А.

*Кандидат исторических наук, доцент,
Казанский национальный исследовательский
технологический университет,
Казанская православная духовная семинария.*

**Синайская икона
«Богоматерь с пророками» (Киккская):
к вопросу о композиционном построении**

Аннотация. Работа посвящена Синайской иконе XII в. «Богоматерь с пророками» (Киккская). Цель работы - анализ архитектоники произведения на основе предположения, что композиция основывается на строгом применении математических методов (построение спирали Золотого сечения или спирали Фибоначчи, квадратуры круга и др.). В результате анализа композиционного построения иконы, делается вывод о преемственности некоторых математических и художественных приемов, которые христианское искусство перенимает от Античности, но переосмысляет и делает свидетельством христианской догматики. Технология математического построения композиции становится общеупотребительной в Византии и странах Византийского круга, свидетельством чего является Синайская икона «Богоматерь с пророками». Актуальность исследования обусловлена междисциплинарным подходом к анализу произведения. Делается вывод о необходимости учитывать синтез богословского и художественного опыта Византии.

Ключевые слова: искусство Византии, иконопись, Синайская икона «Богоматерь с пророками» (Киккская), математические методы в искусстве, спираль Золотого сечения, квадратура круга.

Suslova R.A.

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Kazan National Research Technological University,
Kazan Orthodox Theological Seminary.*

**The Sinai Icon of the Mother
of God with the Prophets (Kykk):
on the issue of compositional construction**

Abstract. The work is dedicated to the Sinai icon of the XII century The Mother of God of Eleusa with the prophets (Kikk). The purpose of the work is to analyze the architectonics of the work based on the assumption that the composition is based on the strict application of mathematical methods (construction of the Golden Section spiral or Fibonacci spiral, quadrature of the circle, etc.). As a result of the analysis of the icon's compositional construction, a conclusion is drawn about the continuity of some mathematical and artistic techniques that Christian art adopts from Antiquity, but rethinks and makes evidence of Christian dogmatics. The technology of mathematical composition construction is becoming common in Byzantium and the countries of the Byzantine Circle, as evidenced by the Sinai icon of the Mother of God with the Prophets. The relevance of the research is due to the interdisciplinary approach to the analysis of the work. It is concluded that it is necessary to take into account the synthesis of the theological and artistic experience of Byzantium.

Key words: Byzantine art, icon painting, Sinai icon of the Mother of God with the Prophets (Kikk), mathematical methods in art, spiral of the Golden Section, quadrature of the circle.

Тянь Фаньюй

Бакирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы.

**Инновационные технологии
обучения китайских студентов
в российских вузах***

Приоритетным направлением современного высшего образования является поиск и внедрение образовательных инноваций, направленных на удовлетворение социального запроса и потребностей субъектов образовательного процесса. Открытость образовательного пространства привела к росту образовательной миграции в вузы ведущих стран мира. В настоящее время между Россией и Китаем укрепляются внешнеполитические и социально-экономические связи, получило развитие сотрудничество в социально-культурной и образовательной сферах, что привело к повышению числа китайских студентов, обучающихся в российских вузах. В связи с этим актуализировались проблемы поиска и внедрения инновационных технологий обучения китайских студентов в российских вузах.

Для выявления специфики педагогических инноваций обучения китайских студентов в российских вузах необходимым является определение сути понятий «инновация» и «педагогические инновации». С позиции системно-деятельностного подхода инновационный процесс имеет полифункциональный, субъект-объектный и системный характер и осуществляется в различных формах, к которым относятся «модернизация, означающая осовременивание посредством тех или иных улучшений, усовершенствований; модификация, подразумевающая определенные видоизменения, появление новых признаков; рационализация, предполагающая усовершенствование на рационально-прагматической основе» [5, с. 262-263].

Инновации в образовании имеют свою специфику. В сфере образования выделяют инновации, происходящие стихийно, без полноты осознания системы условий и средств осуществления инновационного процесса. Ко второму типу образовательных инноваций относится це-

* © Тянь Фаньюй, 2023.

ленаправленная, научно обоснованная инновационная деятельность [4]. Ведущим в образовательных инновациях является инновационная педагогическая деятельность, предполагающая творческий подход и высокий уровень развития профессиональных компетенций, обеспечивающих высокий уровень качества обучения, в том числе и в китайской аудитории в условиях обучения в российских вузах [4].

Обучение китайских студентов в российских вузах происходит в пространстве культуры принимающей страны, отличной от ценностей и норм родной культуры. Россия принадлежит к странам, в которых имеется значительное влияние европейской культуры, в то время, как Китай относится к странам с азиатским типом культуры, что обуславливает различия в культурно-языковых и коммуникативных образцах поведения представителей этих стран. Менталитет китайского студента имеет культурные отличия, которые проявляются в характере, в поведении, в отношении к преподавателю, в характере межкультурной коммуникации и в нормах межкультурного взаимодействия. В отличие от российских студентов, китайские студенты обладают «строгой системой норм и моральных ценностей, приоритетными из которых являются семья, уважение к старшим» [1, с. 32]. Поэтому в процессе обучения в российском вузе, в учебном взаимодействии в системе преподаватель-студент, студент-студент у китайских студентов как представителей китайской культуры могут возникнуть проблемы взаимопонимания и культурной совместимости [2].

В связи с этим внедрение инновационных технологий обучения китайских студентов в российских вузах предполагает реализацию принципов социокультурного подхода, поликультурности образовательного процесса, которые являются ведущими характеристиками современного образования в высшей школе. Содержание поликультурного образования включает как усвоение знаний о культурном многообразии современного мира, особенностях установления межличностных отношений с носителями разных культур, так и овладение приемами межкультурного взаимодействия, что предполагает «овладение вербальными и невербальными способами общения, умением анализировать культурную ситуацию и выбирать адекватное решение возникающей проблемы» [3, с. 41].

Внимания заслуживают вопросы педагогических технологий обучения, обеспечивающих высокий уровень качества обучения китайских студентов и обладающих признаками инноваций. Опишем педагогические технологии, которые в настоящее время нашли широкое применение в практике обучения китайских студентов в условиях российской

высшей школы:

- традиционные технологии, предполагающие трансляцию знаний от преподавателя к студенту на основе объяснительно-иллюстративных методов обучения, что является наиболее доступным для китайских студентов, поскольку в наибольшей степени соответствует китайской модели обучения. Однако и традиционные технологии можно проводить в инновационном формате в форме семинара-беседы и эвристической беседы;

- технологии проблемного обучения, предполагающие создание учебных проблемных ситуаций, которые, как правило, проводятся на основе диалогического общения субъектов обучения, что зачастую вызывает затруднения в китайской аудитории;

- игровые технологии в форме деловых и ролевых игр, что предполагает активно-действенный и интерактивный характер учебного взаимодействия, способного вызвать барьеры межкультурной коммуникации в китайской аудитории;

- технологии проектного обучения – организация образовательного процесса на основе поэтапного решения проблемной задачи, предполагающей совместную деятельность группы студентов;

- интерактивные технологии на основе активного и нелинейного взаимодействия субъектов обучения по достижению лично значимого образовательного результата, например, в форме лекции-провокации, когда учебная информация подается с заранее запланированными ошибками, семинары-дискуссии, семинары-дебаты, которые также отличаются активным взаимодействием субъектов обучения и могут вызвать затруднения у китайских студентов;

- информационно-коммуникационные технологии, основанные на использовании специализированных электронно-цифровых средств обучения.

Инновационные педагогические технологии, как правило, характеризуются вариативностью, интерактивностью и коммуникативной направленностью образовательного процесса. Их успешное внедрение в образовательный процесс при обучении китайских студентов в российских вузах, как отмечалось выше, требует реализации социокультурного подхода, позволяющего преодолеть барьеры межкультурной коммуникации в китайской аудитории.

Таким образом, использование современных инновационных технологий обучения китайских студентов в российских вузах будет эффективным при соблюдении ряда педагогических условий, к которым относятся педагогические методы коммуникативного и социокультурного подхо-

дов, предполагающих поликультурный характер образовательного процесса и учет специфики китайской аудитории.

Библиографический список:

- [1] Варламова Н.В. Особенности менталитета китайских студентов // Омский научный вестник. 2012. № 1. С. 31-34.
- [2] Гребенникова И.А. Педагогическое сопровождение адаптации иностранных студентов в российском вузе (на примере китайских студентов): автореферат дис. ... кандидата педагогических наук. – Комсомольск-на-Амуре, 2010. 21 с.
- [3] Гридин С.В. Поликультурное образование старшеклассников в электронной информационно-образовательной среде: дис. ... кандидата педагогических наук. – Пенза, 2014. 200 с.
- [4] Истрофилова О.И. Инновационные процессы в образовании: учебно-методическое пособие. – Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского государственного университета, 2014. 133 с.
- [5] Цырельчук Н.А. Рефлексивное управление: монография / Н.А. Цырельчук, И.Н. Цырельчук, Н.Н. Цырельчук. – Мн.: МГВРК, 2008. 512 с.

Reference

- [1] Varlamova N.V. Features of the mentality of Chinese students // Omsk Scientific Bulletin. 2012. № 1. P. 31-34.
- [2] Grebennikova I.A. Pedagogical support for the adaptation of foreign students in a Russian university (on the example of Chinese students): Abstract of the thesis. ... candidate of pedagogical sciences. - Komsomolsk-on-Amur, 2010. 21 p.
- [3] Gridin S.V. Polycultural education of high school students in the electronic information and educational environment: dis. ... candidate of pedagogical sciences. - Penza, 2014. 200 p.
- [4] Istrofilova O.I. Innovative processes in education: teaching aid. - Nizhnevartovsk: Publishing House of Nizhnevartovsk State University, 2014. 133 p.
- [5] Tsyrelchuk N.A. Reflexive control: monograph / N.A. Tsyrelchuk, I.N. Tsyrelchuk, N.N. Tsyrelchuk. - Minsk: MGVRK, 2008. 512 p.

Тянь Фаньюй

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы.

**Инновационные технологии обучения
китайских студентов в российских вузах**

Аннотация. В статье представлена проблема использования инновационных технологий обучения китайских студентов в российских вузах. Показано, что современные педагогические технологии обучения китайских студентов в российских вузах должны опираться на социокультурный подход и создание поликультурного образовательного пространства вуза. Раскрыты сущность понятия «педагогические инновации», которая определяется как целенаправленное введение новшеств в педагогическую систему с целью повышения качества образования. Описана специфика инновационных педагогических технологий в поликультурном образовательном пространстве вуза. Показана их интерактивная и коммуникативная направленность, которая может вызывать барьеры межкультурной коммуникации в китайской аудитории.

Ключевые слова: китайские студенты, инновация, педагогические инновации, педагогические технологии, социокультурный подход, поликультурное образование.

Tian Fanyu

Bashkir National Normal University.

**Innovative technologies
for teaching Chinese students in Russian universities**

Abstract. The article presents the problem of using innovative technologies for teaching Chinese students in Russian universities. It is shown that modern pedagogical technologies of teaching Chinese students in Russian universities should be based on a socio-cultural approach and the creation of a multicultural educational space of the university. The essence of the concept of «pedagogical innovations» is revealed, which is defined as the purposeful introduction of innovations into the pedagogical system in order to improve the quality of education. The specifics of innovative pedagogical technologies in the multicultural educational space of the university are described. Their interactive and communicative orientation, which can cause barriers of intercultural communication in the Chinese audience, is shown.

Key words: Chinese students, innovation, pedagogical innovations, pedagogical technologies, socio-cultural approach, multicultural education.

Цуй Линь

Магистр, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Особенности преподавания учебных дисциплин китайским студентам в российских вузах*

В настоящее время образовательная политика ведущих российских вузов направлена на развитие партнерских связей с китайскими университетами. Сотрудничество России и Китая в сфере высшего образования привело к росту совместных научно-исследовательских проектов, программ по академическому обмену студентов и преподавателей, к повышению образовательной миграции китайских студентов в российские вузы. Данные тенденции определяют проблемы реализации педагогических форм, методов и технологий образовательной деятельности высшей школы, обеспечивающих высокое качество обучения китайских студентов в условиях российских вузов. Актуальными становятся вопросы об особенностях преподавания учебных дисциплин китайским студентам в российских вузах.

Обучение китайских студентов вузах России связано с «получением нового опыта взаимодействия с другой, чужой, незнакомой культурой» [4, с. 407]. Китайские студенты попадают в поликультурную образовательную среду российского вуза, где, в отличие от Китая, «сочетаются различные традиции, культурные нормы и ценности, обусловленные полиэтническим составом населения страны» [2, с. 33]. Имеют место межкультурные различия и в паттернах поведения и общения китайских и российских студентов, которые оказывают влияние на процесс обучения. Например, сравнивая межкультурные различия в моделях коммуникативного поведения, следует отметить, что, если у китайских студентов «уход от конфликта и сохранение гармонии в межличностных отношениях являются обязательными, то в российской культуре нормой является проявление прямоты и недостаточной вежливости при взаимодействии» [2, с. 33]. В связи с этим, повышение качества преподавания учебных дисциплин китайским студентам в российских вузах, в первую очередь, предполагает «учет наличия социально-культурных различий между представителями разных стран, участников образовательного процесса..., что, соответственно, будет влиять на качество получаемого образования» [4, с. 407].

* © Цуй Линь, 2023.

Преподавание учебных дисциплин китайским студентам в российских вузах связано с необходимостью учитывать предыдущий опыт учебной деятельности у китайских студентов, который они получили в средних учебных заведениях Китая. Прежде всего, необходимо выделить роль и статус педагога, поскольку в Китае школьные учителя и университетские преподаватели «традиционно обладают высоким социальным статусом в обществе, в связи с чем китайские учащиеся нередко испытывают потребность в большем руководстве своей образовательной деятельностью и одобрении ее результатов со стороны преподавателя, чем российские» [3, с. 104]. Важно отметить, что образовательная среда китайской педагогической модели носит конкурентный характер, поэтому в процессе обучения необходимо «создавать условия для проявления китайскими студентами результатов образовательной деятельности в форме различных учебных и профессиональных конкурсов» [3, с. 104].

Существуют ряд методических и организационно-педагогических различий в педагогических моделях России и Китая, которые, в свою очередь, могут влиять на процесс обучения китайских студентов в российских вузах. Преподаватель в китайской модели обучения, как отмечалось выше, обладает непререкаемым авторитетом. Целью обучения для китайского студента является запоминание большого объема информации и его последующее воспроизведение, а не критическое осмысление материала и высказывание собственной точки зрения. Поэтому китайские студенты чаще выступают в роли объекта педагогического воздействия, а не активного субъекта обучения в условиях равноправного личностно-ориентированного взаимодействия с преподавателем, проявляющего самостоятельность и инициативность, что характерно для российской модели обучения. Процесс обучения китайские студенты воспринимают скорее, как передачу готовых знаний, «поэтому китайцы больше склонны слушать преподавателя, чем возражать ему или вступать в дискуссию» [1, с. 163]. Такая учебная установка затрудняет усвоение учебного материала при активном использовании педагогом коммуникативных и интерактивных методов обучения. Для китайских студентов характерны учебные навыки выполнения заданий с образцами, письменными заданиями, когнитивная установка на получение единственно правильного ответа. В процессе преподавания учебных дисциплин китайским студентам важным является четкая формулировка вопросов, инструкций и указаний, тезисное изложение лекционного материала, не допущение двоякой трактовки излагаемого. Преподавателю вуза необходимо давать письменные задания китайским студентам, что облегчает им процесс усвоения учебного материала, а коммуникативные и проблемные методы обучения вводить в образовательный процесс постепенно [1].

Другой важной особенностью преподавания учебных дисциплин ки-

тайским студентам в условиях обучения в российских вузах является необходимость учитывать процесс адаптации к новым социокультурным условиям обучения, который проходят китайские студенты. Исследуя особенности адаптации китайских студентов, Н.Н. Ширкова выделила ряд педагогических условий, затрудняющих процесс обучения китайских студентов в российских вузах. К ним относятся «недостаточность знания сотрудниками вуза особенностей конкретной этнокультуры, специфики проблем адаптации иностранных студентов, наличие лингвистических трудностей и языковой барьер» [5, с. 6]. Поэтому необходимо в настоящее время внедрять в образовательный процесс российского вуза новые образовательные технологии, соответствующие уровню социокультурной адаптированности китайских студентов, которые направлены на снижение барьеров обучения и повышение качества учебного процесса.

Таким образом, преподавание учебных дисциплин китайским студентам в российских вузах, обеспечивающее высокое качество обучения, должно учитывать следующие организационно-педагогические и социокультурные условия: опыт обучения в китайской системе образования, знание межкультурных различий в моделях поведения, коммуникации и процесса обучения у китайских студентов, реализацию педагогических технологий, соответствующих уровню социокультурной адаптированности и языковой подготовки китайских студентов.

Библиографический список:

- [1] Антонова Ю.А. Национально-психологический портрет китайского студента, изучающего русский язык // *Филологический класс*. 2022. Том 27. № 2. С. 161-171.
- [2] Варламова Н.В. Особенности менталитета китайских студентов // *Омский научный вестник*. 2012. № 1. С. 31-34.
- [3] Поздняков И.А. Специфика системы школьного образования КНР в контексте педагогической поддержки иностранных студентов в университетах России // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2017. № 184. С. 98-105.
- [4] Рыкова С.А., Киришева И.Е. Социально-культурные и личностные особенности социализации иностранных студентов (на примере китайских студентов Владивостокского государственного университета экономики и сервиса) // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. № 1. С. 402-410.
- [5] Ширкова Н.Н. Педагогическое обеспечение социокультурной адаптации иностранных студентов: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук. – Москва. 2017. 23 с.

Reference

- [1] Antonova Yu.A. National-psychological portrait of a Chinese student studying Russian // *Philological class*. 2022. Volume 27. № 2. P. 161-171.
- [2] Varlamova N.V. Features of the mentality of Chinese students // *Omsk Scientific Bulletin*. 2012. № 1. P. 31-34.
- [3] Pozdnyakov I.A. Specifics of the PRC School Education System in the Context of Pedagogical Support for Foreign Students at Russian Universities // *Proceedings of the Russian State Pedagogical University*. A.I. Herzen. 2017. № 184. P. 98-105.
- [4] Rykova S.A., Kirisheva I.E. Socio-cultural and personal features of the socialization of foreign students (on the example of Chinese students of the Vladivostok State University of Economics and Service) // *Modern Problems of Science and Education*. 2013. № 1. P. 402-410.
- [5] Shirikova N.N. Pedagogical support of socio-cultural adaptation of foreign students: Abstract of the thesis. ... candidate of pedagogical sciences. - Moscow. 2017. 23 p.

Цуй Линь

Магистр,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

**Особенности преподавания учебных дисциплин
китайским студентам в российских вузах**

Аннотация. В статье раскрыта специфика преподавания учебных дисциплин китайским студентам в российских вузах. Показано, что рост образовательной миграции китайских студентов актуализировало вопросы преподавания учебных дисциплин китайским студентам в российских вузах. Описаны межкультурные различия в моделях поведения и общения китайских и российских студентов, которые оказывают влияние на процесс обучения. Раскрыты особенности учебной деятельности и когнитивных установок китайских студентов в процессе обучения, которые необходимо учитывать преподавателю российского вуза. Показано, что учет опыта обучения в китайской системе образования, межкультурных различий в моделях поведения, общения, познавательной деятельности, уровня языковой подготовки и межкультурной адаптации у китайских студентов, обеспечивает высокое качество преподавания учебных дисциплин в китайской аудитории.

Ключевые слова: китайские студенты, российские вузы, педагогическая деятельность, межкультурное взаимодействие, межкультурная адаптация, поликультурная среда учебного заведения.

Cui Lin

Lomonosov Moscow State University.

**Features of teaching academic disciplines
to Chinese students in Russian universities**

Abstract. The article reveals the specifics of teaching academic disciplines to Chinese students in Russian universities. It is shown that the growth of educational migration of Chinese students actualized the issues of teaching academic disciplines to Chinese students in Russian universities. Intercultural differences in the behavior and communication patterns of Chinese and Russian students, which influence the learning process, are described. The features of educational activity and cognitive attitudes of Chinese students in the learning process, which must be taken into account by a teacher of a Russian university, are revealed. It is shown that taking into account the experience of learning in the Chinese education system, intercultural differences in behavioral patterns, communication, cognitive activity and the level of language training and intercultural adaptation among Chinese students ensures high quality teaching of academic disciplines in the Chinese audience.

Key words: Chinese students, Russian universities, pedagogical activity, intercultural interaction, intercultural adaptation, multicultural environment of an educational institution.

Чжан Юньси

Бакалавр, Евразийская международная академия, Хэнаньский университет.

**Эволюция журналистики Китая
в исторической ретроспективе***

В последнем национальном учебнике Китая «Введение в журналистику» новости по-прежнему определяются как «информация о недавних реальных событиях», в которой информация не используется в ее разговорном употреблении, а конкретно означает «то, что уменьшает неуверенность получателя» [5]. Ссылка на объективную реальность, которая исчезла с распространением системной журналистики, по-прежнему отсутствует в нынешнем определении

За последние несколько лет становится все более очевидным, что большая часть опыта, накопленного журналистской профессией в Китае с 1990-х годов, выхолащивается более глубокими экономическими, политическими и технологическими сдвигами в медиа-индустрии.

Многие факторы привели к исходу пожилых талантов из китайских СМИ, от низкой заработной платы и цифровой трансформации отрасли, которая теперь поражает традиционные китайские СМИ, которые в течение многих лет казались защищенными от «штормов», обрушившихся на СМИ в других странах мира, до капризов цензуры, которая может подорвать профессиональный дух. Но конечным результатом этого сдвига является прогрессирующая потеря профессионального журналистского потенциала в китайских СМИ.

Восстановление этого потенциала может занять много долгих лет, особенно если строгий контроль, который наблюдается при президенте Си Цзиньпине, сохранится в следующем десятилетии, оставив мало историй, на которые журналисты могут «резать зубы».

Падение заработной платы (по отношению к стоимости жизни) и растущее давление означают, что вся журналистская профессия в Китае становится моложе, - она трансформируется и приобретает совершенно новые черты. Опрос, проведенный «PR Newswire» в 2021 году, показал, что более 80 процентов «полевых журналистов», освещающих новости в Китае, родились после 1985 года, то есть им 30 лет или младше. Напротив, опрос журналистов в США, проведенный в 2018 году Школой журналистики

* © Чжан Юньси, 2023.

Университета Индианы, показал, что средний возраст вырос с 41 до 47 лет с 2007 года [1].

Чуть более 80% китайских журналистов, опрошенных для исследования «PR Newswire» (всего опрошенных 1 477) сообщили о ежемесячном доходе ниже 10 000 юаней, или 1 450 долларов [1]. Чтобы представить эти цифры в перспективе, это означает, что доходы китайских журналистов не изменились по сравнению с десятилетием назад, когда китайские СМИ приближались к концу того, что было «золотым десятилетием» развития журналистики, и когда цены на жилье и другие расходы в крупных городах были частью того, чем они являются сегодня.

В начале 2023 года молодость китайских журналистов стала темой возобновления дебатов в социальных сетях в Китае после того, как бывший главный редактор «FT China» Чжан Лифень заявил на ежегодной конференции «Bo'ao Forum for Asia», что, хотя профессия журналиста в любой точке мира должна полагаться на накопленный опыт, журналисты в Китае относятся к работе как к профессии «молодой рисовой чаши» [2] — другими словами, как что-то, что нужно терпеть только в течение нескольких лет в начале карьеры, прежде чем человек перейдет на работу с реальной оплатой и реальным будущим.

Чжан отметил, что во время освещения ежегодного Всекитайского собрания народных представителей в том же месяце многие молодые китайские журналисты отвлеклись от этой истории, оттащив делегатов (некоторые из которых являются знаменитостями) в сторону, чтобы позировать для селфи. «Наблюдая за ними, старые журналисты, такие как мы, думали, с одной стороны, что они просто веселятся, — сказал Чжан, — однако это не то, как журналисты должны себя вести» [2].

Вопросы о журналистике в Китае как о профессии «молодой рисовой миски» обсуждаются уже несколько лет. После исчезновения в марте 2014 года рейса 370 Malaysia Airlines, история, которая вызвала большой интерес в Китае, многие интернет-пользователи были потрясены неспособностью китайских журналистов получить ценные совки, подобные тем, о которых сообщают CNN, New York Times и Wall Street Journal. Обозреватель Сунь Летао, пишущий для гуанчжоуского еженедельника Time Weekly, отметил, что молодость и неопытность в средствах массовой информации стали очевидными в ряде историй той весной [3].

Инцидент с МН370 совпал с двумя заседаниями Всекитайского собрания народных представителей и НПКСК, как правило, ежегодным событием для серьезных традиционных СМИ. И то, что наблюдали зрители, было большим количеством молодых репортеров, выглядящих так, как будто они только что вышли из колледжа - они задавали одни и те же стереотипные вопросы, и писали те же стереотипные отчеты.

Для Сунь и многих других молодых журналистов неспособность китайских СМИ конкурировать в освещении инцидента МН370, истории, представляющей основной интерес для внутренней аудитории, обнажила наглость и некомпетентность журналистов страны. Это были не просто дни катастрофы для авиационного мира — это были «дни катастрофы для китайских СМИ».

Эти «дни катастрофы» продолжаются с 2014 года, поскольку китайские СМИ практически молчат о крупных сенсационных историях такого рода, которые могли бы привлечь более оживленное освещение. В течение этого периода только взрывы в Тяньцзине в августе 2015 года стали действительно заметным исключением из затишья в качественном освещении отечественными СМИ Китая. Взрывы были историей такого огромного масштаба, разворачивающейся в густонаселенном городском районе, что охват было невозможно полностью подавить.

В то время как более широкие политические и отраслевые тенденции, несомненно, влияют на стойкость пожилых профессионалов в средствах массовой информации, некоторые отмечают, что существует также ранее существовавший уклон в сторону молодых специалистов при найме на работу в СМИ. Многие СМИ в Китае, старые и новые, регулярно рекламируют журналистские вакансии, отдавая приоритет кандидатам «в возрасте до 35 лет» [3].

После комментариев бывшего главного редактора «FT China» Чжана Лифена в статье в публичном аккаунте WeChat были опубликованы скриншоты недавнего трудоустройства в Chengdu Evening News, крупной коммерческой газете в провинции Сычуань, которая хотела нанять 23 репортера, все «в возрасте до 35 лет», а также шесть авторов комментариев «в возрасте до 40 лет» [3].

Использование возраста в качестве стандарта найма, говорится в статье WeChat, может показаться понятным, учитывая жестко конкурентный характер новостной профессии, которая иногда требует поздних или непредсказуемых сдвигов для освещения последних историй или для выхода печатных изданий. Давление на рабочем месте СМИ может потребовать большого количества журналистов, и молодые сотрудники лучше подготовлены, чтобы справиться с этим давлением.

Даже если бы все вышесказанное было правдой, энергия не может заменить опыт. Если желаемым результатом являются лучшие, более профессиональные репортажи, молодым журналистам нужна выгода от работы со старшими и более опытными коллегами.

Дискуссия внутри Китая о причинах слабеющей привлекательности журналистики среди пожилых профессионалов, как правило, не останавливается на цензуре. Но дело в том, что контроль над СМИ, теперь более

строгий и более эффективный, чем когда-либо за последние два десятилетия, оказывает сдерживающее воздействие на все аспекты профессии [4].

Коммунистическая партия Китая, в конечном счете, не заинтересована в более профессиональной журналистике. Как подчеркнул президент Си Цзиньпин в своем выступлении о политике СМИ в феврале 2016 года, СМИ должны «петь главную тему и передавать положительную энергию» [4]. Иными словами, они должны быть послушными слугами партии и ее целей.

Все три причины, приведенные в статье WeChat, для того, чтобы журналистика стала профессией «молодой рисовой миски» в Китае — низкая заработная плата, здоровье и благополучие, а также туманные будущие перспективы — могут быть решены, если отрасли будет разрешено развиваться с чувством профессиональной цели.

Библиографический список:

- [1] Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII-XXI веках. М.: Восток-Запад: АСТ, 2022. С. 36.
- [2] Кычанов Е.И. Образ Китая в России // Вестник Восточного института. СПб.: 2022. № 2 (6). Т. 3. С. 78.
- [3] Годунов П.И. Китайская информационная политика // Вестник РУДН. 2021. № 3. 180 с.
- [4] Ивлиев П.В., Кошеляк Б.Е. Правовое регулирование коммерческой и финансовой деятельности СМИ, сделки со СМИ // Евразийский юридический журнал. 2021. № 1 (152). С. 200-201.
- [5] Maggs Barbara W. Russia and «Le Rêve Chinois»: China in eighteenth-century Russian Literature. Oxford University Studies in the Enlightenment, - 2020. P. 75.

Reference

- [1] Lukin A.V. The bear is watching the dragon. The image of China in Russia in the XVII-XXI centuries. M.: East-West: AST, 2022. P. 36.
- [2] Kychanov E.I. Image of China in Russia // Bulletin of the Oriental Institute. St. Petersburg: 2022. № 2 (6). Vol. 3. P. 78.
- [3] Godunov P.I. Chinese information policy // Vestnik RUDN University. 2021. № 3. P. 180.
- [4] Ivliev P.V., Koshelyuk B.E. Legal regulation of commercial and financial activities of the media, transactions with the media // Eurasian legal journal. 2021. № 1 (152). P. 200-201.
- [5] Maggs Barbara W. Russia and «Le Rêve Chinois»: China in eighteenth-century Russian Literature. Oxford University Studies in the Enlightenment, - 2020. P. 75.

Чжан Юньси

*Бакалавр, Евразийская международная академия,
Хэнаньский университет.*

**Эволюция журналистики Китая
в исторической ретроспективе**

Аннотация. За последние несколько лет большая часть опыта, накопленного журналистской профессией выхолащивается сдвигами в медиа-индустрии. Многие факторы привели к исходу опытных журналистов из китайских СМИ. Конечным результатом этого сдвига является прогрессирующая потеря профессионального журналистского потенциала в китайских СМИ.

Ключевые слова: СМИ, Китай, журналисты, пресса, электронные медиа.

Zhang YunXi

Eurasian International College, Henan University.

**The evolution of Chinese journalism
in historical retrospective**

Abstract. Over the past few years, much of the experience gained by the journalistic profession has been eroded by shifts in the media industry. Many factors led to the exodus of experienced journalists from the Chinese media. The end result of this shift is a progressive loss of professional journalistic capacity in the Chinese media.

Key words: mass media, China, journalists, press, electronic media.

Южакова Т.Л.

Кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доцент кафедры истории, обществознания и педагогических технологий филиала ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» в г. Славянске-на-Кубани.

**Организация деятельности завода № 222
в Кустанайской области
в период Великой Отечественной войны***

*Труженикам тыла времен Великой
Отечественной войны посвящаю.*

В годы Великой Отечественной войны довольно значительная часть эвакуированных промышленных предприятий была размещена на территории Казахстана. Были такие предприятия и в Кустанайской (ныне – Костанайской) области. Среди них можно назвать завод «Комсомолец», прибывший из г. Егорьевска Московской области. Данное предприятие выпускало в мирное время станки, сотрудничая с таким же, по специализации, Люберецким заводом. Это обстоятельство послужило основой для слияния двух заводов в один. Заводы изначально относились к Наркомату станкостроения СССР, но с началом войны, когда был образован единый завод из двух предприятий, он был передан в ведение Наркомата танковой промышленности СССР и зарегистрирован под № 222. Для эвакуации этого крупного предприятия было использовано 272 вагона [1]. Предприятие имело важнейшее оборонное значение.

В исторических исследованиях вопросы эвакуации промышленных предприятий на территорию Казахстана в годы Великой Отечественной войны рассматриваются как в обзорном, так и в более подробном порядке. Что касается данной конкретной темы, связанной с историей завода № 222, то она исследована недостаточно. Среди работ историков, в которых упоминается данное предприятие, нужно назвать труды Ж.А. Ермекбая [2], В. Павленко [3], В. Шепеля [4]. Если в статьях первых двух авторов информация о заводе № 222 представлена крайне лаконично, то в работе В. Шепеля приведена более подробная информация, сохранившаяся в архивных документах, что привлекает к ней особое внимание.

* © Южакова Т.Л., 2023.

Необходимо заметить, что обращение к истории отдельных трудовых производственных коллективов (в том числе завода «Комсомолец») в годы войны важно не только для того, чтобы показать их незабываемый трудовой героизм, что, безусловно, необходимо, но и по другой причине. В настоящее время, когда многие архивные фонды периода Великой Отечественной войны рассекречены, появилась возможность шире проследить деятельность отдельных предприятий, обратив внимание на сложности их становления и организации деятельности в абсолютно новых для них условиях.

При работе над темой настоящего исследования были использованы документы, отложившиеся в фондах государственного архива Костанайской области (далее – ГАКО) и носившие до сравнительно недавнего времени секретный характер. Большая часть из них не была ранее вовлечена в научный оборот. Это, главным образом, материалы официального происхождения, что обуславливает высокую степень их достоверности. Среди них можно выделить отдельные группы: 1) правительственные документы (постановления и распоряжения СНК СССР и СНК Каз.ССР), регламентирующие виды и сроки производственной деятельности завода № 222; 2) документы регионального значения (постановления исполкома Кустанайского областного Совета депутатов трудящихся и бюро областного комитета КП(б) Казахстана, протоколы заседаний и постановления бюро Карабалыкского райкома КП(б) Казахстана), где нашли отражение вопросы организации размещения завода, его снабжения горючим, продовольствием, транспортом и другим, показаны контакты предприятия с окрестными колхозами, совхозами и МТС; 3) документы, исходящие от руководства завода № 222 (отчеты и докладные записки администрации предприятия, протоколы партийных собраний), содержащие сведения о монтаже оборудования и организации производственной деятельности, о трудовых достижениях и проблемах коллектива.

Кроме того, представляют интерес источники личного происхождения (в основном, воспоминания участников рассматриваемых событий, связанных с организацией работы завода № 222 и размещенных в сети Интернет [5]). Это воспоминания ветеранов завода, парторга предприятия В.А. Сибищука и других. Это яркие, образные повествования о трудностях становления завода, их преодолении, о примерах трудового и боевого героизма трудящихся предприятия, среди которых было очень много молодежи. Источники личного происхождения дают возможность почувствовать дух военного времени, ярче его представить и понять поступки людей той поры.

Что касается архивных материалов, то необходимо отметить, что разные периоды деятельности завода представлены в фондах ГАКО далеко не

равнозначно. В многочисленных документах 1941 и начала 1942 г. нашли отражение, в основном, вопросы размещения и обустройства предприятия. Что касается результатов работы коллектива, характеристики выпускаемой продукции и приоритетных направлений деятельности завода № 222, то они полнее представлены в документах 1943 и 1944 гг., времени наибольшей производственной активности предприятия. Среди последних особой ценностью обладают отчеты директора завода, отличающиеся обстоятельным анализом основных видов работы, проблем, имеющихся в деятельности предприятия. Особенно примечателен с точки зрения информативной значимости отчет о производственно-хозяйственной деятельности завода за 11 месяцев 1945 г. [6], включающий фотодокументы с изображением отдельных экземпляров готовой военной продукции, графики, схемы, статистику, позволяющие видеть работу коллектива в динамике.

Время деятельности завода № 222 в Кустанайской области в годы Великой Отечественной войны можно условно разделить на периоды: 1) ноябрь 1941 г. – июнь 1942 г. (становление); 2) июнь 1942 г. – январь 1945 г. (активная производственная деятельность).

Размещение завода № 222 в Кустанайской области определялось Постановлением Совета эвакуации при СНК СССР № 168 от 15 октября 1941 г. Местом дислокации завода был назначен зерносовхоз Кустанайский Карабалыкского района, находившийся в 12 км. от железнодорожной станции Тогузак. Завод насчитывал 403 станочных единицы оборудования. Его подвоз осуществлялся постепенно, начиная с 14 ноября 1941 г. На 13 декабря 1941 г. было доставлено 52 вагона с оборудованием (250 станков, инструментальный и материальный склады), прибыло 299 рабочих, 105 инженерно-технических работников, 54 служащих, 406 иждивенцев. В целом коллектив завода вместе с иждивенцами насчитывал 2650 человек [7]. На месте готовились к принятию завода заранее. Хотя, надо указать, что размещение такого крупного предприятия в небольшом степном поселке, объективно предполагало немалые трудности, особенно в холодное время года. Тем не менее, был утвержден план размещения предприятия, согласно которому выделялось 7261 кв. м под заводские цеха (механическая мастерская совхоза, автогараж, материальный склад, контора и др. помещения). Обращалось внимание на подготовку жилой площади для рабочих и сотрудников завода (общежитие школы механизации сельского хозяйства, здание селекционной станции, гостиница совхоза и др.). Осознавалась настоятельная необходимость оказания помощи в перевозке и монтаже оборудования. С этой целью на первых порах руководству окрестных колхозов предписывалось выделить 30 плотников, 10 каменщиков, 6 штукатуров, 5 столяров, 80 чернорабочих, предоставить 16 тракторов и 3 автомашины [8]. Однако этой помощи было явно недостаточно. Предоставленной жилой площади

не хватало. Ощущался дефицит стройматериалов, не хватало электроэнергии. Отсутствие достаточного количества транспортных средств затрудняло доставку оборудования со ст. Тогузак. Бюро Карабалыкского райкома КП(б) Казахстана отмечало на заседании 4 января 1942 г.: «Ход строительства завода № 222 идет неудовлетворительно... , до сих пор не закончена переброска оборудования, около 200 станков стоит на снегу на ст. Тогузак. Имеют место случаи хищения ценного груза» [9].

На заводе не хватало квалифицированных рабочих, а наличными силами реализовать намеченный график монтажа и пуска предприятия в декабре 1941 г. – начале января 1942 г. было невозможно. Работник завода М.И. Карасев вспоминал: «День и ночь не покидали своих рабочих мест, спешили под открытым небом установить станки. И уже через неделю после прибытия начался выпуск военной продукции. Работали по 16 часов в сутки, трудились самоотверженно» [5].

На заводе работали не только эвакуированные, но и местное население, среди которого было много молодежи, подростков, женщин. Преодолевая трудности, холод, голод, нехватку теплой одежды, люди работали, не щадя себя, не покладая рук. Прочный трудоспособный тыл был важен для грядущей победы над врагом.

Для стабилизации положения был разработан план мероприятий, которым предусматривалось передать заводу электростанцию совхоза, водокачку, котельную, оборудование литейного цеха, выделить дополнительное количество строительных рабочих, организовать вербовку рабочей силы, выделить дополнительно технику и гужевой транспорт, построить железнодорожную ветку от предприятия до ст. Тогузак и др. [10]. Реализация многих из перечисленных мероприятий позволила изменить состояние дел.

Начиная со второго полугодия 1942 г., на заводе наблюдается перевыполнение плана производства готовой продукции, идет активная работа над повышением ее качественных параметров.

Уже после открытия первых цехов предприятие приступило к выпуску основной продукции, автоматического танкового огнемета АТО-41, хотя и в ограниченном количестве. В 1943 и 1944 гг. завод № 222 работал на полную мощность. Это было единственное в стране оборонное предприятие, выпускающее танковые огнеметы.

Следует заметить, что конструкция АТО-41 была далеко не совершенна, она имела ряд недостатков технологического и эксплуатационного порядка. 23 июля 1942 г. завод получил правительственное задание устранить имеющиеся недостатки этого вида оружия. В результате проведенных конструктивных изменений уже в августе 1942 г. завод № 222 стал поставлять армии модернизированные огнеметы АТО-41. В конце 1942 г. была раз-

работана новая модель огнемета АТО-42, отличающаяся автоматической перезарядкой патронов, новой системой выхлопа и др. АТО-42 был принят на вооружение с начала 1943 г. С этого времени он стал внедряться в производство. При этом число рекламаций резко снизилось с 170 в 1942 г. до 1 в 1943 г. [11]. На базе нового огнемета в марте 1943 г. был разработан новый вид огнеметного вооружения – траншейный пороховой огнемет ТПО-1, который тоже был внедрен в производство.

Для консультаций представители завода выезжали на места, где огнеметы устанавливались на танки. Их можно было встретить в воинских частях, имеющих танковые батальоны, здесь велась подготовка огнеметных команд, осуществлялось техническое руководство. Как правило, они принимали участие в военных действиях. Директор завода Н.К. Пышкин отмечал: «Ст. конструктор тов. Килессо за участие в боях под Сталинградом получил орден Красной Звезды, конструктор тов. Титов за участие в боях под Барвенковым и Запорожьем представлен к правительственной награде» [12]. Только за 11 месяцев 1943 г. по группе огнеметов годовое задание было выполнено на 104,9 % (2045 шт.) [13].

На заводе активно велась борьба за качество продукции. В 1943 г. был достигнут стопроцентный охват технологическим процессом всех видов производства, введено обязательное согласование технологического процесса с рабочими перед запуском детали в производство. Важное место занимал вопрос трудовой дисциплины, т.к. имели место случаи прогулов и оставления работы на длительный срок (дезертирства), которые заметно снизились численно с 1943 г.

Значимой представлялась проблема повышения производительности труда. Освоение новых видов продукции, включение в коллектив молодых неопытных рабочих (в марте-апреле 1943 г. их было принято 298 человек) побуждали к поиску путей ее решения. Была организована дополнительная учеба молодых рабочих, введено наставничество, созданы комсомольско-молодежные бригады, между ними началось соревнование, развернулось стахановское движение. Перевыполнение производственного плана стали постоянно демонстрировать именно молодёжные бригады.

В конце 1944 г. завод № 222, согласно Постановлению ГКО СССР от 23 ноября 1944 г., был отправлен к прежнему месту расположения. Оставшаяся часть завода была передана Наркомату земледелия Каз.ССР. В итоге предприятие стало заниматься ремонтом сельскохозяйственной техники.

Таким образом, в сложных условиях войны был создан трудоспособный творческий производственный коллектив, имеющий свои достижения и традиции. Труженики тыла в годы войны показали чудеса трудового героизма. Работники завода № 222 внесли свою весомую лепту в достижение победы над врагом. На карте Кустанайской области появился поселок Ком-

сомолец, жители которого сделали немало свершений в различных областях трудовой деятельности.

Библиографический список:

- [1] Косенов А. Советские солдаты воевали против немцев кустанайскими огнемётами // Tengrinews, 2012. 08 мая. // URL: https://tengrinews.kz/vov_facts/sovetskie-soldaty-voevali-protiv-nemtsev-kustanayskimi-213630/ (Дата обращения: 02.12.2022).
- [2] Ермакбай Ж.А. Эвакуированные предприятия в Казахстане в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2020. Т. 33. С. 55–62. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evakuirovannye-predpriyatiya-v-kazahstane-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945-gg/viewer> (Дата обращения: 04.12.2022).
- [3] Павленко В. Промышленность Казахстана в дни войны 1941–1945 годов // Вестник Челябинского государственного университета. 2003. № 2. С. 205–219. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/promyshlennost-kazahstana-v-dni-voyny-1941-1945-godov/viewer> (Дата обращения: 04.12.2022).
- [4] Шепель В. Малоизвестные факты о казахстанском тыле во время Великой Отечественной войны // Казахстанский военный сайт // URL: https://military-kz.ucoz.org/publ/sovetskij_kazahstan/ww2/maloizvestnye_fakty_o_kazahstanskom_tyle_vo_vremja_vov/6-1-0-171 (Дата обращения: 04.12.2022).
- [5] Максименко В. «Каждый день требовал мужества и стойкости». Документальная сага о заводе № 222 // Статус – Карабалык : Интернет-газета, 2014. 29 октября. // URL: http://www.status-karabalyk.ru/view_post.php?id=1400 (Дата обращения: 01.12.2022).
- [6] ГАКО. – Ф. 268. – Оп. 11. – Д. 44.
- [7] ГАКО. – Ф. 268. – Оп. 11. – Д. 26. – Л. 5.
- [8] ГАКО. – Ф. 268. – Оп. 11. – Д. 24. – Л. 64; Д. 26. – Л. 2.
- [9] ГАКО. – Ф. 268. – Оп. 1. – Д. 438. – Л. 2.
- [10] ГАКО. – Ф. 268. – Оп. 11. – Д. 24. – Лл. 96–98; Д. 32. – Лл. 12–14.
- [11] ГАКО. – Ф. 268. – Оп. 11. – Д. 44. – Л. 60.
- [12] ГАКО. – Ф. 268. – Оп. 11. – Д. 44. – Л. 45.
- [13] ГАКО. – Ф. 268. – Оп. 11. – Д. 44. – Л. 17.

Reference

- [1] Kosenov A. Soviet soldiers fought against the Germans with Kustanai flamethrowers // Tengrinews, 2012. May 08. // URL: https://tengrinews.kz/vov_facts/sovetskie-soldaty-voevali-protiv-nemtsev-kustanayskimi-213630/ (02.12.2022).
- [2] Ermekbai Zh.A. Evacuated enterprises in Kazakhstan during the Great Patriotic War of 1941–1945 // Proceedings of the Irkutsk State University. Series “History”. 2020. V. 33. P. 55–62. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evakuirovannye-predpriyatiya-v-kazahstane-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945-gg/viewer> (12.04.2022).
- [3] Pavlenko V. Industry of Kazakhstan during the war of 1941–1945 // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2003. № 2. P. 205–219. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/promyshlennost-kazahstana-v-dni-voyny-1941-1945-godov/viewer> (12.04.2022).
- [4] Shepel V. Little-known facts about the Kazakh rear during the Great Patriotic War // Kazakhstan military website // URL: https://military-kz.ucoz.org/publ/sovetskij_kazahstan/ww2/maloizvestnye_fakty_o_kazahstanskom_tyle_vo_vremja_vov/6-1-0-171 (04.12.2022).
- [5] Maksimenko V. “Every day required courage and perseverance.” Documentary saga about the plant № 222 // Status - Karabalyk: Internet newspaper, 2014. October 29. // URL: http://www.status-karabalyk.ru/view_post.php?id=1400 (12.01.2022).
- [6] ГАКО. – Ф. 268. – Оп. 11. – Д. 44.
- [7] ГАКО. – Ф. 268. – Оп. 11. – Д. 26. – Л. 5.
- [8] ГАКО. – Ф. 268. – Оп. 11. – Д. 24. – Л. 64; Д. 26. – Л. 2.
- [9] ГАКО. – Ф. 268. – Оп. 1. – Д. 438. – Л. 2.
- [10] ГАКО. – Ф. 268. – Оп. 11. – Д. 24. – Лл. 96–98; Д. 32. – Лл. 12–14.
- [11] ГАКО. – Ф. 268. – Оп. 11. – Д. 44. – Л. 60.
- [12] ГАКО. – Ф. 268. – Оп. 11. – Д. 44. – Л. 45.
- [13] ГАКО. – Ф. 268. – Оп. 11. – Д. 44. – Л. 17.

Южакова Т.Л.

*Кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук, доцент кафедры истории,
обществознания и педагогических технологий филиала ФГБОУ ВО
«Кубанский государственный университет» в г. Славянске-на-Кубани.*

Организация деятельности завода № 222

в Кустанайской области в период Великой Отечественной войны

Аннотация. В статье рассматривается организация деятельности завода № 222, эвакуированного в Кустанайскую область в годы Великой Отечественной войны и наладившего производство танковых огнеметов для фронта. Это был единственный завод, который выпускал для фронта такое оружие. В настоящей работе дана периодизация деятельности завода в годы войны. Показаны сложности в организации работы предприятия. Привлечены источники официального и личного происхождения, ряд из которых не введен в научный оборот. Делается вывод о том, что создание важнейшего оборонного предприятия в объективно сложных условиях стало возможным благодаря самоотверженному труду работников завода и умелому руководству.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, оборонная промышленность, завод, труженики тыла, производство танковых огнеметов, труд.

Yuzhakova T.L.

PhD. in History, PhD. in Law,

*Associate Professor at the Department of History, Social Studies
and Pedagogical Technologies in branch of FSBEI HE
«Kuban State University» in Slavyansk-on-Kuban.*

**Organization of the activities of plant No. 222
in the Kostanay region during the Great Patriotic War**

Abstract. The article discusses the organization of the activities of plant № 222, evacuated to the Kostanay region during the Great Patriotic War and established the production of tank flamethrowers for the front. It was the only factory that produced such weapons for the front. In this paper, the periodization of the plant's activities during the war years is given. The difficulties in organizing the work of the enterprise are shown. The sources of official and personal origin are involved, a number of which have not been introduced into scientific circulation. It is concluded that the creation of the most important defense enterprise in objectively difficult conditions became possible thanks to the selfless work of the plant's employees and skillful management.

Key words: Great Patriotic War, evacuation, defense industry, factory, home front workers, production of tank flamethrowers, labor.

История геополитики, международных отношений и всеобщей истории

History of geopolitics, international relations and world history

Золхоев Б.В.

*Кандидат исторических наук, доцент кафедры туризма и сервиса ФГБОУ
ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова».*

Происхождение и официальные имена (апеллятивы) шаньюев южных Хунну периода Восточная Хань (по материалам китайских летописных источников и исследованиям зарубежных авторов)*

Основная цель настоящей статьи заключается в попытке восстановить первоначальные особенности и характерные черты официальных тронных имен хуннских шаньюев периода правления китайской династии Восточная Хань. С этой целью мы рассмотрим фигуру Хуханье шаньюя, при этом отдельное внимание уделим вопросу об официальных именах шаньюев Хунну на протяжении Восточной Хань на фоне серьезных изменений хуннских политических устоев, вызванных сильнейшим влиянием культуры китайской династии Хань.

Перед тем, как рассмотреть проблему апеллятивов титулов шаньюев южных хунну, было бы интересным в целом взглянуть на эпоху правления Хуханье шаньюя и его потомков, после того, как держава Хунну превратилась в вассала Западной Хань, и китайская культура стала оказывать влияние на титулование её шаньюев.

Обратимся к *Хань Шу*: «Сюнну, почтительного к родителям, называют жоти 若鞮. Начиная с Хуханье, находились в дружественных отношениях с Хань и, видя, что в Хань в качестве посмертного титула императора ис-

* © Золхоев Б.В., 2023.

пользуется сяо 孝 ‘почтительный к родителям’, восхитились этим, поэтому все [шаньюи] стали [именоваться] жоти» [1, цз. 94, с. 3828]. Сиратори Куракити пришел к выводу, что слово “ruodi” в период династии Хань читалось как “zak-tai”, а тунгусское слово “säksäti” и монгольское “šuktai” означают «распространяться с кровью» или, в более широком смысле, – «кровное родство». По его мнению, эти слова морфологически связаны с “ruodi”, которое является эквивалентом киданьских слов “chishideben” или “deshideben” [8, с. 219-222]. Безусловно, крайне необходимы дальнейшие исследования языка хуннов и других алтайских языков. Тем не менее, древние тексты подтверждают, что “ruodi” является хуннским переводом китайского слова «сыновний» и, вместе с результатами сравнительного историко-лингвистического исследования Сиратори, этот вывод представляется вполне аргументированным.

После кончины Хуханье, шестеро его сыновей последовательно становились шаньюями [3, цз. 89]. В *Хань Шу* содержатся следующие апеллятивы к их титулам шаньюев: Фучжулэй Жоди шаньюй (личное имя Дяотаомогао), Сэусе Жоди шаньюй (личное имя Цзюймисюй), Гийя Жоди шаньюй (личное имя Цзюймогой), Учжулю Жоди шаньюй (личное имя Наньчжияс), Улэй Жоди шаньюй (личное имя Хянь), Худуршидаогао Жоди шаньюй (личное имя Юй). Все эти шесть апеллятивов титулов шаньюя имеют на конце слово «жоди», так же как и посмертные титулы Ханьских императоров включали в себя слово «сыновний» (или *отцепочтительный*).

Тезука Такаёши рассматривает их, как прямое подражание китайской системе [9, с. 17-27]. Сложность заключается в том, что императорам Хань титул «сыновний» присваивался после смерти, а не во время их правления. В противоположность этому, шести перечисленным шаньюям хунну подобный титул был присвоен, по-видимому, сразу после восшествия на престол. Если бы это было не так, то было бы сложно понять, почему после того, как Худуршидаогао Жоди шаньюй нарушил порядок наследования шаньюев, вызвав, в конечном итоге, раскол хунну на северных и южных [10, с. 211-217], он по-прежнему был удостоен посмертного титула «жоди» у южных хунну, которые позволили китайцам получить контроль над легитимностью их шаньюев. В *Хоу Ханьшу* имеется следующее упоминание по этому поводу: «Приходящийся Би шаньюю, Сыновний (сяо) шаньюй Юй» [3, цз.89, с. 2939]; здесь «Сыновний шаньюй» относится к Худуршидаогао Жоди шаньюю.

Конечно, невозможно определить – кто впервые принял решение использовать «жоди» в целях подражания китайской системе. Принцип преемства, начиная с Хуханье, был определен им самим. Возможно, поэтому, что и использование «жоди» также начал он. Учитывая, что «жоди» является частью его апеллятива титула шаньюя, а также продолжение за-

тем этой традиции южными хуннами (которые сократили «жоди» до «ди», вероятно, для упрощения транслитерации), представляется допустимым, что Хуханье положил начало этой традиции.

Также можно предположить, что Хуханье «изобрел» слово «жоди» для включения его в титулы шаньюев своих потомков, не используя его в собственном титуле, не только для сближения с китайской системой, но и в целях продолжения своей государственной политики потомками, помнящими его нетривиальное место в происхождении хунну. Опираясь на данное предположение, легче понять выдающееся значение Хуханье в дальнейшей эволюции хуннского общества, особенно исторических традиций южных хунну.

Другим, не менее важным, проявлением влияния правительства Западной Хань на хунну стало принуждение их шаньюев принять китайскую односложную систему имен и не использовать многосложные имена. Обратимся к *Хань шу*: «В то время Ван Ман постановил, что Китай более не использует двусложные имена и направил посланников к хунну, чтобы последние подтвердили Двору Хань принятие китайских порядков и освоен переходе на использование односложной именной системы. Шаньюй последовал этому приказу и в письме сообщил: “Имея счастье служить вассалом, я восхищаюсь глубоким миром и мудрым правлением. Прежнее мое имя было Нан-чжи-я-сы, отныне буду называться Чжи”. Ван Ман был чрезвычайно доволен; почему доложил вдовствующей императрице, чтоб отправить посланника с ответною грамотою и богатою наградою» [2, цз. 94, с. 3819].

Так называемое, «китайское порицание двусложных имен» заставило некоторых людей избавиться от таковых [2, цз. 99, с. 4051] и являлось частью культурной реформы, проводимой единственным императором династии Синь Ван Маном (45 г. до н. э. - 23 г. н. э.). Трудно представить, чтобы хунны отказались от своей традиционной системы именовании и восприняли общекайское использование односложных имен. Даже с точки зрения языковых традиций это было бы невозможным. Поэтому, по всей видимости, Учжулю Жоди шаньюй упростил Наньчжиясы до Чжи лишь в своем письме в адрес Ханьского Двора, и это сокращенное имя фигурировало лишь в официальных письменных сношениях между ними и в беседах с ханьскими посланниками, которые, по-видимому, велись на китайском языке [2, цз. 99, с. 4121].

Эта временная мера стало новой традицией и, после того, как Наньчжиясы шаньюй поменял свое имя на Чжи, большинство шаньюев использовали лишь свои упрощенные имена, что отражено в китайских исторических материалах.

Так, например, Хилоши Жоди шаньюй, который позже положил начало династии южных хуннов, в *Хоу Ханьшу* упоминается только под своим упрощенным именем «Би». В *Хань шу* указывается, что «сын Учжулю Ша-

ньюя – Сутуху носил титул Левого достойного князя [2, цз. 94, с. 3827]. В «Дополнительном глоссарии к истории поздней Хань» автора Хуэй Донг, отмечается, что Сутуху и Би, вероятно, являются одним лицом, а в *Хоу Ханьши* также фигурирует имя Би или, как указано там, «этому могут быть другие доказательства» [6], [11, с. 1035]. Указанная цитата апеллирует к официальным документам Восточной Хань.

После упрощения Наньчжиясы своего имени, в дальнейшем, где бы ни фигурировали имена шаньюев хунну в официальных документах, они уже были упрощены до односложных. Факт того, что следующий шаньюй – Улэй Жоди – упростил свое имя до Хянь, а затем Худуршидаогао Жоди шаньюй упростил свое имя до Юй, отражает произошедшие перемены.

Затем в результате борьбы за лидерство между Удадихэу и Пуну, последний из которых наследовал Юй шаньюю, и потере официальных контактов с Ханьским Двором, они продолжали сохранять свои многосложные имена.

Хянь шаньюй, в бытность его Левым достойным князем, отправил ко Двору Ван Мана двух своих сыновей, где они именовались Дын и Чжу [2, цз. 94, с. 3823]. Также Хянь имел другого сына Цзяо [2, цз. 94, с. 3826], т.е. все его сыновья носили односложные имена.

Десять из двенадцати шаньюев южных хунну до периода правления императора Шунь-ди (125-144 гг.) династии Восточная Хань имели односложные имена. Таким образом, можно сделать вывод о том, что подобные китаизированные односложные имена, встречающиеся в официальных письменных документах и переписке с Императорским Двором, стали традицией, характерной для южных хунну.

Описываемые события, имевшие место на протяжении поздней Западной Хань и династии Синь императора Ван Мана, на фоне чрезвычайно тесных отношений хунну с династиями оседлого юга, без сомнения, сказались на системе официальных апеллятивов. Эти изменения были вызваны, в первую очередь, мощным политическим и культурным влиянием на хунну со стороны Императорских Дворов Китая. После раскола хунну, южные хунны, откочовав на юг, обрели там военную защиту и политическую поддержку со стороны Восточной Хань, влияние которой на их общественную жизнь лишь усиливалось.

Теперь мы возвратимся непосредственно к проблеме апеллятивов титулов шаньюев южных хунну.

Всего насчитывается двадцать шаньюев южных хунну. Среди них, девятый шаньюй Аньго поднял вооруженное восстание против Хань и был убит своим окружением; семнадцатый шаньюй Хучжен был казнен Ханьским чиновником, действовавшим самовольно; восемнадцатый шаньюй Кянкюй был убит во время восстания. Никто из трех перечисленных шаньюев, погибших насильственной смертью, не оставил какого-либо официального

имени (апеллятива) к своему титулу шаньюя. Последний шаньюй, Хэцзунь, был задержан при Императорском Дворе в 216 г. и более не возвратился на территорию южных хунну, он также не оставил никакого апеллятива к своему титулу шаньюя. Из оставшихся же шестнадцати шаньюев, все имели полные апеллятивы своих титулов.

Семейные и родственные отношения между шаньюями, по большей части, хорошо отражены в письменных источниках. Единственным исключением являются четырнадцатый шаньюй Дэулэчу, пятнадцатый шаньюй Гюйгюйр и восемнадцатый шаньюй Кянкюй, происхождение которых не выяснено.

Вместе с тем, мы располагаем некоторыми общими сведениями о них. Например, четырнадцатый шаньюй Дэулэчу, после того, как шаньюй Хюли Кюйдэжоши Жоди и его младший брат Восточный чжуки-князь были вынуждены покончить с собой, возвратился к южным хунну из Ханьской столицы Лоян, получив титул шаньюя. До того времени Дэулэчу «привык жить в столице» [3, цз. 89, с. 2962] и назывался «Князем, стерегущим добродетельность» [4, с. 373]. Весьма вероятно, в связи с этим, что он содержался в Лояне в качестве заложника. Шаньюи южных хуннов были вынуждены отправлять к Императорскому Двору своих сыновей в таком качестве. Поэтому очевидно, что Дэулэчу являлся либо сыном Хюли шаньюя, либо его племянником и сыном шаньюя Тхань или Ба.

Пятнадцатый шаньюй, Гюйгюйр, был либо сыном, либо младшим братом Дэулэчу. Восемнадцатый шаньюй, Кянкюй, мог приходиться дядей или младшим братом предыдущему шаньюю Хучжену.

Среди двадцати шаньюев южных хунну первые трое были – основатель их династии Би и двое его младших братьев Мо и Хань. Остальные семнадцать являлись потомками трех этих братьев. В процессе отделения северных хуннов и сближения южных с Хань, поддержка братьев для Би была крайне необходима. Поэтому, порядок дальнейшего наследования титула шаньюя у южных хунну не выходил за рамки наследников этих трех братьев и представлял собой постепенный переход власти от старшего брата к младшему. Би выбрал себе то же официальное имя, что было у его деда – Хуханье. Этим он демонстрировал соседям свое намерение продолжать внешнюю политику Хуханье, основанную на тесном взаимодействии с Хань, а своему народу – преемственность родословным принципам, заложенным его дедом Хуханье. Безусловно, практика наследования младшего брата старшему не могла в полной мере соблюдаться длительное время. В действительности, наследование престола от Би к Мо, затем к Хань и следующим поколениям, достигло лишь второго поколения перед тем, как Аньго шаньюй был убит. Затем, начиная с третьего поколения и вплоть до последнего, все шаньюи принадлежали к ветви Би. Сын Би – Чжан и сын последнего Тхань правили 23 и 27 лет соответственно, и это, конечно, суще-

ственно повлияло на закрепление монополии наследования исключительно за семьями ветви Би.

Все шестнадцать из сохранившихся апеллятивов шаньюев южных хунну являются китайскими транслитерациями с языка хунну, и их первоначальное значение невозможно установить. Однако, этот метод транслитерации сохранил некоторую информацию, пусть и не вполне определенную. На наш взгляд, если сопоставить сохранившиеся апеллятивы, то можно предположить, что существует определенная взаимосвязь между первым поколением шаньюев – тех трех, что основали державу южных хуннов, – и последующими поколениями. Ниже мы приведем последовательный перечень шаньюев южных хуннов, включающий их апеллятивы, происхождение, период правления, а также коротко их прокомментируем.

1. Би (Xiluoshizhudi шаньюй), сын Учжюлю шаньюя, 48-56 гг.
2. Мо (Qiufuyoudi шаньюй), младший брат Би, 56-57 гг.
3. Хань (Yifayulüdi шаньюй), младший брат Мо, 57-59 гг.
4. Ди (Xitongshizhuhoudi шаньюй) сын Би, 59-63 гг.
5. Су (Qiuchuchelindi шаньюй) сын Мо, 63 г.
6. Чжан (Huxieshizhuhoudi шаньюй), младший брат Ди 63-85 гг.
7. Сюань (Yituyulüdi шаньюй) сын Хань, 85-88 гг.
8. Туньтүхэ (Xiulanshizhuhoudi шаньюй), младший брат Чжан 88-93 гг.
9. Аньго (нет апеллятива титула шаньюя), младший брат Сюань 93-94 гг.
10. Шицзы (Tingdushuzhuhoudi шаньюй), сын Ди, 94-98 гг.
11. Тхань (Wanshishizhudi шаньюй), сын Чжан, 98-124 гг.
12. Ба (Wujihoushizhudi шаньюй), младший брат Тхань, 124-128 гг.
13. Хюли (Quteruoshizhujiu шаньюй), младший брат Ба, 128-140 гг.
14. Дэулэучу (Hulanruoshizhujiu шаньюй), сын или племянник Хюли, 143-147 гг.
15. Гюйгюйр (Yilingshizhujiu шаньюй), младший брат Дэулэучу, 147-172 гг.
16. имя не известно (Tuteruoshizhujiu шаньюй), сын Гюйгюйр, 172-178 гг.
17. Хучжен (нет апеллятива титула шаньюя), сын Tuteruoshizhujiu шаньюя, 178-179 гг.
18. Кянкюй (нет апеллятива титула шаньюя), дядя или брат Хучжен, 179-188 гг.
19. Юйфуло (Chizhishizhuhou шаньюй), сын Кянкюй, 188-195 гг.
20. Хучуцунь (нет апеллятива титула шаньюя), младший брат Юйфуло, 195-215(?) гг.

Какую информацию мы можем извлечь из этого перечня? Первый шаньюй, Би, имел апеллятив Xiluoshizhudi; его сын Ди, четвертый шаньюй, имел апеллятив Xitongshizhuhoudi; его младший брат Чжан, шестой шаньюй, имел апеллятив Huxieshizhuhoudi; его младший брат, Туньтүхэ, восьмой шаньюй, имел апеллятив Xiulanshizhuhoudi. Апеллятивы этих отцов

и сыновей, помимо слова “di”, означающего «сыновний» или «отцепочти-тельный» (т.е. вышеупомянутое слово “guodi” – «жоди»), все содержат слово “shizhuhou”. Мо, второй шаньюй, имел апеллатив Qiufuyoudi; его сын Су, пятый шаньюй, имел апеллатив Qiuchuchelindi. Слова “qiufu” 丘浮 и “qiuchu” 丘除 лингвистически близки [7, с. 59, с. 96, с. 257]. Хань, третий шаньюй, имел апеллатив Yifayulúdi; его сын Сюань, 7-й шаньюй, имел апеллатив Yituyulúdi. Слово “yulú” в этих двух апеллативах отца и сына производилось одинаково и, вероятно, несмотря на различие в китайских транслитерациях, означало одно и то же слово в языке хуннов.

На примере двух рассмотренных апеллативов, относящихся к двум поколениям шаньюев, можно предположить, что они выполняли функцию обозначения кровного родства отца и сына. Начиная же от третьего поколения и вплоть до последнего шаньюя, за исключением трех неизвестных апеллативов, мы видим восемь апеллативов, содержащих слово “shizhu”. Лишь взглянув на них, можно сделать вывод, что эти шаньюи являлись наследниками Би.

Что бы это могло означать? Как известно, в относительно молодых политических образованиях, особенно у кочевых народов Внутренней Азии, апеллативы, относящиеся к титулам шаньюев, каганов и ниже их, имели целью выделить определенное политическое положение, но не отношения кровного родства и происхождения. Апеллативы же трех шаньюев, основавших государство южных хуннов, имеют явную связь с апеллативами их потомков. Пожалуй, это можно определить как своеобразный культурный феномен южных хуннов, не имеющий параллелей ни в исторических традициях периода Западной Хань, ни в традициях народов Внутренней Азии, таких как жужаней или тюрков.

Появление этого феномена связано с особенностями внутренней политической обстановки в период становления государства южных хунну, а также нарастающим влиянием на него со стороны Восточной Хань и восприятием южными хуннами ее культуры и порядков.

После образования государства южных хунну, Би (Xiluoshizhudi шаньюй) подтвердил порядок престолонаследия от старшего брата младшему, установленный Хуханье шаньюем. С одной стороны, это являлось моральной основой для Би для того, чтобы отделиться и создать государство южных хунну, с другой же – результатом взаимодействия различных политических сил внутри сообщества самих южных хуннов [5, с. 227-228]. В соответствии с этим порядком, потомки и младшие братья Би в дальнейшем смогли без осложнений наследовать престол. Хотя все они являлись потомками Модэ и Хуханье, особое привилегированное положение трех этих братьев могло бы постепенно быть утрачено внутри родословных шаньюев. Би и его братья решили данную проблему путем фиксирования

кровно-родственных отношений в своих апеллятивах титулов шаньюя. То есть, сложившаяся система использования апеллятивов позволяла дифференцировать с их помощью родословные ветви трех братьев.

Весьма вероятно, что подобное решение опиралось на практику использования системы родовых и храмовых имен императорской семьи Хань. Упомянутая система родовых и храмовых имен выполняла функцию демонстрации отношений кровного родства.

Как известно, с самого начала своего правления Хуханье очень сблизился с Ханьским Двором и хунну познакомились с традицией Хань присвоения посмертных титулов в системе апеллятивов. Поскольку хунну в дальнейшем еще более сблизилась с Хань, их шаньюи, в конце концов, полностью освоили и восприняли систему родовых и, особенно, храмовых имен, принятую в Ханьской империи.

Библиографический список:

- [1] Ши цзи [Исторические записки]. Сост. Сыма Цянь. В 10 т. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1959.
- [2] Хань шу [Книга Хань]. Сост. Бань Гу. В 12 т. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1962.
- [3] Хоу Хань шу [Книга Поздней Хань]. Сост. Фань Е. В 12 т. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1965.
- [4] Zhang Lie, annotator. Two Annals of the Han. Beijing, Zhonghua Book Company, 2002.
- [5] Crespigny, Rafe de. Northern Frontier, The Policies and Strategy of the Later Han Empire. Canberra: Australian National University, 1984.
- [6] Hui Dong. A Supplementary Gloss on the History of the Later Han.
- [7] Pulleyblank, Edwin. Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese and Early Mandarin. Vancouver: University of British Columbia Press, 1991.
- [8] Shiratori Kurakichi. Historical Research on the History of the Western Regions, vol. 1. Tokyo: Iwanami Shoten, 1941.
- [9] Tezuka Takayoshi. "Futher Studies on Xiongnu Shanyus – Hulugu Shanyu's Rise to Power" / History Garden, Vol. 20. № 2. 1959.
- [10] Uchida Ginpu. Studies on North Asian History: The Xiongnu. Kyoto: Dōhōsha Shuppan, 1975.
- [11] Wang Xianqian. Collected Commentaries on the History of the Later Han, Beijing: Zhonghua Book Company, reprint of the 1915 Xushoutang edition, 1984.
- [12] Zhang Lie. Two Annals of the Han. Beijing: Zhonghua Book Company, 2002.

Reference

- [1] Shiji [Historical Notes]. Comp. Sima Qian. In 10 volumes. Beijing: Zhonghua shuju, 1959.
- [2] Han shu [Book of Han]. Comp. Ban Gu. In 12 volumes. Beijing: Zhonghua shuju, 1962.
- [3] Hou Han shu [Book of the Later Han]. Comp. Fan Ye. In 12 volumes. Beijing: Zhonghua shuju, 1965.
- [4] Zhang Lie, annotator. Two Annals of the Han. Beijing, Zhonghua Book Company, 2002.
- [5] Crespigny, Rafe de. Northern Frontier, The Policies and Strategy of the Later Han Empire. Canberra: Australian National University, 1984.
- [6] Hui Dong. A Supplementary Gloss on the History of the Later Han.
- [7] Pulleyblank, Edwin. Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese and Early Mandarin. Vancouver: University of British Columbia Press, 1991.
- [8] Shiratori Kurakichi. Historical Research on the History of the Western Regions, vol. 1. Tokyo: Iwanami Shoten, 1941.
- [9] Tezuka Takayoshi. "Futher Studies on Xiongnu Shanyus – Hulugu Shanyu's Rise to Power" / History Garden, Vol. 20. №. 2. 1959.
- [10] Uchida Ginpu. Studies on North Asian History: The Xiongnu. Kyoto: Dōhōsha Shuppan, 1975.
- [11] Wang Xianqian. Collected Commentaries on the History of the Later Han, Beijing: Zhonghua Book Company, reprint of the 1915 Xushoutang edition, 1984.
- [12] Zhang Lie. Two Annals of the Han. Beijing: Zhonghua Book Company, 2002.

Золхоев Б.В.

*Кандидат исторических наук,
доцент кафедры туризма и сервиса ФГБОУ ВО
«Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова».*

**Происхождение и официальные имена (апеллятивы)
шаньюев южных Хунну периода Восточная Хань
(по материалам китайских летописных
источников и исследованиям зарубежных авторов)**

Аннотация. В статье затрагиваются вопросы происхождения и титулования шаньюев Южных хунну периода китайской династии Восточная Хань. Рассмотрен исторический контекст и результаты ее влияния на систему титулатуры правителей Южных хунну. Кроме того, предпринята попытка восстановить первоначальные особенности и характерные черты официальных тронных имен хуннских шаньюев периода правления китайской династии Восточная Хань.

Ключевые слова: Хунну, шаньюй, период Восточная Хань, система титулатуры, официальные тронные имена, апеллятивы, китайские исторические источники, зарубежные исследователи.

Zolkhoev B.V.

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
of the Department of Tourism and Service,
Buryat State University named after Dorzhi Banzarov.*

**Origin and official names (appellatives)
of the Southern Xiongnu Shanuy of the Eastern Han Period
(based on Chinese chronicle sources and research by foreign authors)**

Abstract. The article deals with the origin and titles of the Southern Xiongnu chanyus of the Chinese Eastern Han Dynasty. The historical context and the results of its influence on the system of titles of the Southern Xiongnu rulers are considered. In addition, an attempt was made to restore the original features and characteristics of the official throne names of the Xiongnu shanyus during the reign of the Chinese Eastern Han dynasty.

Key words: Xiongnu, shanyu, Eastern Han period, titling system, official throne names, appellatives, Chinese historical sources, foreign researchers.

Лань Ян

Аспирант, Московский государственный институт культуры.

Дидактика Ушинского К.Д. и её приложение в новом мире*

Дидактика, как предметная область педагогики ответственна за крайне важный аспект педагогической деятельности – обучение. В современном информационном мире, когда роль науки и техники размывается в информационном шуме, качественное обучение, основанное на научном подходе, как никогда актуально: «Следствием этого возник устойчивый неопределённо низкий социальный статус субъекта – носителя упомянутых феноменов (учёный, преподаватель, учитель, изобретатель, научный сотрудник и другие представители академической среды). И причиной этого является то, что наука, научное знание, научная деятельность представляет собой НЕОПРЕДЕЛЁННУЮ ЦЕННОСТЬ в поле опыта индивидуального, социального и общественного пространства» [1, с. 19]. Действительно, если не предпринимать никаких активных действий по сохранению культурных, образовательных и исторических традиций уровень образованности общества будет неуклонно снижаться. Идеи Ушинского К.Д., ко-

Рисунок 1. Основания дидактики и основные положения Ушинского К.Д.

Источник: составлено автором.

торый всегда выступал за непрерывающееся образование людей, могут быть использованы в настоящее время, как и его дидактическая система: «Дидактика Ушинского является теорией организации учителем познавательной деятельности детей, в которой первостепенное внимание уделяется развитию трудолюбия, интереса к науке и физическому труду, возбуждению активности и самостоятельности детей в процессе сознательного учения» [2, с. 68]. Представим на рисунке 1 основания дидактики Ушинского К.Д. и основные положения.

Тремя основаниями дидактической системы Ушинского являются: христи-

* © Лань Ян, 2023.

анство (религия), народность, наука.

Веру и религию Ушинский ставил главнее всего, он считал, что вера народа, это то, что свойственно не просто отдельно взятому человеку, а именно нации: «...склоняются все народности, воспитание должно прежде всего и в основу всего» укоренить вечные истины христианства...» [2, с. 67], то есть религия и вера закладывает основы ценностей, которые остаются неизменными на протяжении жизни человека, определяя его культурный, нравственный и моральный облик.

Народность, это единый социальный организм, общий уровень развития которого определяется умственным, нравственным, культурным уровнем большинства людей. Народность, это то, что позволяет человеку идентифицировать свою принадлежность, свою нацию.

Наука, последнее основание, это то, на чём должно строиться воспитание и обучение человека, если религией обучение определяется, народность заполняет духовную пустоту, то наука заполняет необходимое содержание для умственного развития.

Три основания: христианство, народность и наука являются фундаментом педагогической системы, определяя систему обучения молодого поколения, при этом, очевидно, что все три основания должны быть цельными и связанными, находясь в постоянно развитии и дополнять друг друга, стимулируя совместный рост.

Также выделяются несколько основных положений дидактики Ушинского:

1. Наглядность – обучение должно быть должно быть не отвлечённым, не оторванным от действительности: *«это такое ученье, которое строится не на отвлеченных представлениях и словах, а на конкретных образах, непосредственно воспринятых ребенком: будут ли эти образы восприняты при самом ученье, под руководством наставника, или прежде, самостоятельным наблюдением ребенка».*

2. Природосообразность – подразумевает, что обучение доступно, доступно как с позиции того, что оно есть и того, что система обучения не перегружает физическое здоровье, умственное здоровье. То есть, это полная доступность всех ресурсов и возможностей системы обучения, которая должна развивать, а не ограничивать воспитанника.

3. Научность обучения – вся система обучения должна пройти рецензию практикой и испытанием временем через инструменты научного познания. Научность также подразумевает единение обучения с воспитанием, то есть они неотрывны друг от друга и должны дополнять друг друга. Отсутствие воспитания ограничит обучение, как и отсутствие полноценного обучения не сделает человека воспитанным.

4. Систематичность – нельзя обучаться время от времени или когда воз-

никает потребность. Обучение должно строиться последовательно не частями, которые не связаны между собой, а иметь взаимосвязь: причинно – следственную, логическую. Систематичность крайне важно для организации полноты обучения, разносторонности.

К.Д. Ушинский строил свою дидактическую систему на том, что человек и его жизнь должны определяться им самим, но в рамках понимания необходимости развития: *«Как оказалось, самыми востребованными практикой педагогического образования в рассматриваемый период стали идеи К.Д. Ушинского. Даже не законченный автором третий том великого произведения «Человек как предмет воспитания» не остановил процесса его освоения практикой образования будущих учителей»* [3, с. 150]. Развитие человека, это историческая необходимость и Ушинский понимал эту необходимость: *«...он проанализировал достижения дидактики и представил ее как единственную науку обучения, направленную на развитие психики ребенка, а также его умственных способностей; подготовку его к настоящей и будущей жизни; на воспитание его мировоззрения и моральных убеждений»* [4, с. 30].

Научное наследие К.Д. Ушинского является актуальнейшим вопросом развития человека и общества даже по истечению сотни лет, дидактика Ушинского, которая показала прикладную историческую эффективность не должна быть отброшена и должна быть переосмыслена применительно к современным условиям.

Библиографический список:

- [1] Хайруллин В.А. Критический экономико-правовой анализ сверхъестественного и других проявлений лженауки в современной России / В.А. Хайруллин, С.В. Макар, Э.Н. Ямалова // Дискуссия. 2022. № 4 (113). С. 6-30. – DOI 10.46320/2077-7639-2022-4-113-6-30.
- [2] Хугорской А.В. Дидактическая система К.Д. Ушинского // Школьные технологии. 2010. № 5. С. 67-70.
- [3] Захаричева М.А. Ушинский К.Д. о подготовке учителей: аксиологическая модель // Историко-педагогический журнал. 2019. № 3. С. 145-153.
- [4] Ильясова Э.И. Феномен педагогического наследия К.Д. Ушинского // 2019. № 5 (9). С. 26-33.
- [5] Канокова Л.Ю. К вопросу о философии педагогической науки: вчера, сегодня, завтра // Евразийский юридический журнал. 2021. № 3 (154). С. 406-407.

Reference

- [1] Khairullin V.A. Critical economic and legal analysis of the supernatural and other manifestations of pseudoscience in modern Russia / V.A. Khairullin, S.V. Makar, E.N. Yamalova // Discussion. 2022. № 4 (113). P. 6-30. – DOI 10.46320/2077-7639-2022-4-113-6-30.
- [2] Khutorskoy A.V. Didactic system of K.D. Ushinsky // School technologies. 2010. № 5. P. 67-70.
- [3] Zaharishcheva M.A. Ushinsky K.D. on teacher training: an axiological model // Istoriko-pedagogical zhurnal. 2019. № 3. P. 145-153.
- [4] Ilyasova E.I. The phenomenon of K.D. Ushinsky // 2019. № 5 (9). P. 26-33.
- [5] Kanokova L.Yu. To the question of the philosophy of pedagogical science: yesterday, today, tomorrow // Eurasian legal journal. 2021. № 3 (154). P. 406-407.

Лань Ян

Аспирант, Московский государственный институт культуры.

Дидактика Ушинского К.Д. и её приложение в новом мире

Аннотация. Проблемы обучения и споры о том, как должно быть организовано обучение, это общественно значимый вопрос, актуальность которого только возрастает при ускорении изменения общественной формации [5]. Творческое и научное наследие К.Д. Ушинского несомненно представляет собой, актуальнейший источник идей, методов, способов обучения, которые требует глубоко научного осмысления. Объектом исследования является педагогика. Предметом исследования выступает дидактика, как раздел педагогики и теории образования. Цель исследования теоретически осмыслить содержание дидактики Ушинского К.Д. в приложении к современной общественной формации. Выявлено, что содержание дидактики Ушинского К.Д. базируется на нескольких принципах, основным из которых является – научность. Представлена графическая иллюстрация принципов дидактики Ушинского К.Д. и теоретическое описание этих принципов.

Ключевые слова: обучение, мышление, развитие, воспитание, научность, наглядность обучения.

LanYang

Graduate student, Moscow State Institute (University) of Culture.

Ushinsky K.D. didactics and its application in the new world

Abstract. Problems of education and disputes about how education should be organized are a socially significant issue, the relevance of which only increases with the acceleration of changes in social formation. The creative and scientific heritage of K.D. Ushinsky undoubtedly represents an up-to-date source of ideas, methods, and ways of teaching that require deep scientific understanding. The object of the study is pedagogy. The subject of the study is didactics as a branch of pedagogy and theory of education. The purpose of the study is to theoretically comprehend the content of Ushinsky K.D. didactics. in the appendix to the modern social formation. It is revealed that the content of Ushinsky K.D.'s didactics is based on several principles, the main of which is scientific. A graphic illustration of the principles of Ushinsky K.D. didactics and a theoretical description of these principles are presented.

Key words: learning, thinking, development, education, scientific, visual learning.

эстетическое развитие человека в полной мере раскрывается в физической культуре человека: *«Если он (человек) найдёт способ сделать совершенным своё тело, то всё остальное приложится. Чтобы сделать совершенным своё тело, нет ничего лучше физического воспитания. В нашей жизни физическое воспитание в самом деле занимает первостепенное место»* [1]. При этом в концепции воспитания Мао Цзэдуна происходит разделение на внешние и внутренние факторы воспитания, внешними по отношению к человеку считается академическая среда, преподаватели и учебные заведения, а внутренними факторами Мао Цзэдун считал сознательные установки для улучшения своего тела и человеколюбия (отношения к другим людям).

Основой эффективного преподавания и обучения Мао Цзэдун считал заботу о воспитанниках и питание воспитанников, в этом смысле идеи Мао Цзэдуна перекликаются с идеями великого советского педагога Макаренко А.С.: *«Личность человека по Макаренко А.С. неразрывно связана с коллективом, потенциал развития личности реализуется через коллектив и благодаря коллективу, то есть в своей трудовой и хозяйственной деятельности человек свои цели не индивидуализировал, а формировал их сонаправлено коллективным целям»* [3, с. 9]. Как и у Макаренко концепция Мао Цзэдуна является практико-ориентированной, то есть, направленной на физические достижения (труд) и воспитанник является неотъемлемой частью коллектива.

Забота по Мао Цзэдуна проявляется в наставничестве, то есть наставниках, которые действительно заботятся о своих подопечных и с этим связан второй базис концепции - питание, которое должно быть органическим и чистым, то есть незагрязнённым неорганическими химическими добавками. Движение – занимает важнейшее место в концепции воспитания Мао Цзэдуна, причём движению он придавал глубокий философский смысл, так он полагал, что это не просто физическая характеристика организма, но и духовный элемент развития воспитанника: *«Движение питает нашу жизнь и радует нашу душу, и только Чжу-цзы выступал за самосозерцание, а Лу-цзы — за покой... По моему скромному мнению, и на небе, и на земле есть только движение»* [1]. Движение также связано с силой, без силы невозможны никакие достижения и теряется смысл физического воспитания, причём рост силы предопределяет здоровье. Здоровье воспитанника важно тем, что если не заниматься физическим воспитанием в полной мере, а вести антисоциальный, деструктивный образ жизни то неизбежно силы будут покидать организм и здоровье будет убывать: *«Мне приходилось слышать также и о том, что душа и тело одновременно не могут быть совершенными и что люди умственного труда обычно недостаточно развиты физически, а те, кто пышет здоровьем, зачастую недостаточно развиты умственно. Это утверждение тоже абсурдно. Ведь оно касается лишь слабовольных и бездельных людей и совсем не имеет отношения к благородным мужам»* [1]. Следует отметить, что Мао Цзэдун фактически сформировал концепцию

воспитания в которой неявно прослеживается мысль о гармонии, если внимательно вдуматься в смысл его высказываний, то очевидно, что говоря о том, что неправильно полагать, что ум не определяет физическое развитие, а физическое развитие не определяет умственное развитие он полагал, что необходимо гармоничное развитие это касается как тела, так и души. В определённой степени можно утверждать, что притом что концепция воспитания Мао Цзэдуна строилась на базе физического воспитания, он более гуманен, нежели материалистичен и в этом его отличие от Макаренко при всей схожести их подходов. Так Мао Цзэдун большое внимание уделял развитию внутреннего мира человека: *«Чувства человека имеют огромную силу. Древние контролировали их с помощью разума, а потому спрашивали, как настроен хозяин, или призывали сдерживать сердце разумом. Но разум идёт от сердца, а сердце находится в теле»* [1]. То есть в отличие от материалистического подхода, нацеленного на труд и общие настроения коллектива, у Мао Цзэдуна чувства одного человека более важны чем коллективный интерес.

Благодаря Мао Цзэдуна в Китае сформировался культ спорта, которому уделялось и уделяется значительное внимание в педагогической системе воспитания граждан страны [1]. Его концепция воспитания сделала граждан Китая не просто сплочённой нацией, но и нацией, которая за короткий срок продемонстрировала значительные успехи во многих областях общественной жизни. Педагогическая система воспитания, основанная на физическом воспитании действительно продемонстрировала прикладную эффективность, в которой сочетается гармония умственного и нравственного развития гражданина и нации.

Библиографический список:

- [1] Ань Ц. К вопросу о взаимосвязи построения базовой партийной организации КПК в университетах и подходов к нравственному воспитанию студентов // Евразийский юридический журнал. 2021. № 1 (152). С. 488-489.
- [2] Выступления и статьи Мао Цзэдуна разных лет, ранее не публиковавшиеся в печати. Сборник. Выпуск шестой. — М., Издательство «Прогресс», 1976. Статья опубликована в журнале «Синь циньянь», Т. 3. № 2. 1 апреля 1917 года.
- [3] Камалов Р.К., Рассолова И.Ю., Гарипова Ф.М. Соответствие экономической этики концепций утилитаризма и либерализма современным условиям хозяйствования // Дискуссия. 2022. Т. 114. №. 5. С. 14-24.
- [4] Педагогическая концепция Макаренко А.С. и современный экономический человек / Е.В. Goverdovskaya, С.В. Иванова, Е.В. Мензул, Е.А. Василевская // Дискуссия. 2022. № 5 (114). С. 6-13.

Reference

- [1] An Ts. On the question of the relationship between building the basic party organization of the CPC in universities and approaches to the moral education of students // Eurasian Law Journal. 2021. № 1 (152). P. 488-489.
- [2] Speeches and articles by Mao Zedong of different years, not previously published in print. Collection. Sixth edition. - M., Progress Publishing House, 1976. The article was published in the Xin Qingnian magazine, Vol. 3. № 2, April 1, 1917.
- [3] Kamalov R.K., Rassolova I.Yu., Garipova F.M. Correspondence of the economic ethics of the concepts of utilitarianism and liberalism to modern economic conditions // Discussion. 2022. Vol. 114. № 5. P. 14-24.
- [4] Pedagogical concept Makarenko A.S. and modern economic man / E.V. Goverdovskaya, S.V. Ivanova, E.V. Menzul, E.A. Vasilevskaya // Discussion. 2022. № 5 (114). P. 6-13.

Чжан Шугэ

Аспирант, Московский государственный институт культуры.

Концепция Мао Цзэдуна

о физическом воспитании личности и нации

Аннотация. Мао Цзэдун которого в Китае называют Великий Кормчий является крупнейшей исторической фигурой своих лет, является главным теоретиком маоизма в котором концепция воспитания человека и личности является центральным звеном. Объект исследования – маоизм, как идеологическая концепция политической теории и практики. Предмет исследования – физическое воспитание в рамках концепции маоизма. Цель исследования – раскрыть содержание и основные принципы теории маоизма в области физического воспитания и педагогики. В статье представлены основные положения маоизма в области физического воспитания, представляющие собой триаду: физическое воспитание, умственное воспитание, нравственное воспитание. Представлены первичные качественные характеристики воспитания: питание и забота, объясняется как из первичных качеств происходит рождение вторичных качеств: преподавание и обучение.

Ключевые слова: маоизм, физическое воспитание, умственное воспитание, нравственное воспитание, личность, нация.

Zhang Shuge

Graduate student, Moscow State Institute (University) of Culture.

Mao Zedong's concept

of physical education of the individual and the nation

Abstract. Mao Zedong, who is called the Great Helmsman in China, is the largest historical figure of his years, is the main theorist of Maoism in which the concept of educating a person and personality is the central link. The object of research is Maoism as an ideological concept of political theory and practice. The subject of the study is physical education within the framework of the concept of Maoism. The purpose of the study is to reveal the content and basic principles of the theory of Maoism in the field of physical education and pedagogy. The article presents the main provisions of Maoism in the field of physical education, which are a triad: physical education, mental education, moral education. The primary qualitative characteristics of education are presented: nutrition and care, it is explained how the birth of secondary qualities occurs from primary qualities: teaching and learning.

Key words: Maoism, physical education, mental education, moral education, personality, nation.

Чжоу Мяоцзин

Магистр, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Историография взаимного влияния в сфере искусства России и Китая*

Социокультурные ритмы российско-китайских отношений не могут не отражать общие закономерности межкультурной коммуникации. Наряду с устойчивыми закономерностями в каждом двустороннем взаимодействии обнаруживается своя особая специфика. Чем богата история сторон, вовлеченных в межкультурную коммуникацию, чем разнообразнее их культура, тем важнее найти точку соприкосновения общего и уникального в двусторонних отношениях. Это заявление в полной мере справедливо в отношении российско-китайских отношений в целом и в культурной сфере, в частности. Точкой отсчета современных отношений принято считать 1989 год, когда были восстановлены дипломатические отношения между Россией и Китаем. Отношения с этого периода характеризуются стабильно высокой динамикой, прочной правовой базой и развитой структурой двустороннего сотрудничества, активной коммуникацией на всех уровнях. Обе страны продемонстрировали политическую волю к преобразованию конструктивного партнерства в стратегическое партнерство [1].

Принцип периода развития отношений между Китаем и Россией заключался, по Дэн Сяопину, в том, чтобы закрыть прошлое и открыть будущее. Формирование новой России, коренные интересы обеих стран требовали обеспечения мира и стабильности в двусторонних отношениях. В Совместной декларации 1992 г. говорилось, что в международных отношениях больше нет проблемы взаимной угрозы. До этого подобного соглашения между двумя странами не было более двух десятилетий.

Одним из важнейших направлений двусторонних отношений является сотрудничество в сфере культуры. Проведение перекрестных годов в Китае и России: китайского и русского языков, годы туризма, театрального искусства, способствовало более глубокому чувству взаимопонимания и симпатии между народами. Имеются масштабные проекты сотрудничества, в том числе: ежегодные фестивали культуры, музыкальные фестивали, открытие совместных университетов, популяризация в России методов традицион-

* © Чжоу Мяоцзин, 2023.

ной китайской медицины, активизация туристических и спортивных обменов, сотрудничество средств массовой информации и популяризация выдающихся произведений литературы.

Председатель КНР Си Цзиньпин сказал, что намерение реализовать «китайскую мечту» направлено на великое омоложение китайской нации и стремление жить в гармонии с собой и миром. Что касается видения и желания осуществить «Русскую мечту», то эти контуры в последнее время приобрели четкие очертания. На базе этих процессов русско-китайский межкультурный дискурс в последние десятилетия имеет тенденцию к развитию [2].

При этом важно подчеркнуть, что интерес к русской литературе в Китае огромен, и если классическая литература хорошо известна, то современная литература, либо вообще неизвестна, либо представлена однобоко. Для понимания причин этой проблемы необходимо сосредоточить внимание на негативных тенденциях литературного процесса и саморепрезентации России через литературу. Как уже отмечалось, культурной интеграции России и Китая способствует литература, имеющая функцию, отражающую традиционные ценности в современном мире, при этом нередко разрыв с традицией рассматривается как опасная тенденция. Из всего многообразия постсоветской литературы сегодня активно популяризируется литература постмодерна, отрицающая или высмеивающая суть русской культуры. Популяризация таких произведений наносит ущерб международному престижу России, поскольку их переводы попадают в поле зрения зарубежных читателей и критиков, создавая впечатление культурного упадка и делая непривлекательной перспективу интеграции. Естественно, по мнению исследователя постсоветской литературы Чжан Цзяньхуа, «умножение и варьирование безграничного культурного многообразия привели к кризису традиционной культуры, культурная элита стала маргинальной». Отсутствие государственной поддержки Союза писателей России, действующего в настоящее время как общественная организация, снижает эффективность внешней культурной политики России. В результате существующий в Китае запрос на переводы новых произведений традиционной русской литературы остается во многом неудовлетворенным, чего нельзя сказать о произведениях русских классиков очень популярных в Китае [3].

В новейший период содержание и роль русской литературы стали переосмысливаться. Лэй Сунь связывает это с двумя параллельными процессами: во-первых, тщательным и глубоким аналитическим анализом русской литературы китайскими писателями XX века (до образования КНР), к которым ранее относились либо отрицательно, либо просто невнимательно в силу исторических и политических причин. Во-вторых,

вышли новые книги, в которых авторы обратились к изучению национальных аспектов русской литературы. Со спадом в идейного значения русской литературы в Китае, интерес к ней не ослабевает. В то же время можно наблюдать и встречное движение – возрастающий интерес российских читателей к китайской прозе. По словам координатора программы «Русско-китайская библиотека» Марии Семенюк, романы «Братья» Юй Хуа, «Предначертанные судьбой» Фэн Цзицяя, «Песнь бесконечной тоски» Ван Аньи, «Сюжет» Май Цзя, «Китайский массаж» Би Фейюя и «Старый корабль» Чжан Вэя, а также детская книга «Я буду хорошей девочкой» Хуан Бэйцзя уже получили высокую оценку в России. Эта новая для российского книжного рынка тенденция лишь постепенно начинает набирать силу: все больше российских читателей погружаются в китайские литературные произведения, чтобы лучше почувствовать и понять современный Китай. Взаимное проникновение и интерес русской и китайской литературы, несомненно, служат доказательством (и в то же время фактором) сближения двух государств [6].

Сотрудничество в гуманитарно-социальной сфере остается одним из важнейших направлений двусторонних отношений [4], [5] Так, советник Президента России по культуре Владимир Толстой, отметил, что особое значение в настоящее время приобретает сотрудничество двух стран в гуманитарной сфере и выразил уверенность в том, что партнерам необходимо хорошо знать друг друга, а «знакомиться друг с другом лучше всего через современную литературу, поскольку она отражает процессы, происходящие внутри общества каждой из стран [6].

По словам Ли Цзинцзе, заместителя председателя Союза китайских писателей, «существует духовная связь между китайской и русской литературой. Произведения всех китайских писателей отражают дух Толстого, Достоевского и Пушкина». То, что основными образцами развития китайской литературы являются русские авторы, утверждает и заместитель председателя Шанхайского союза писателей Ван Вэй. Поэтому возникшая и развившаяся в XX веке преемственность китайской литературы по отношению к русской литературе актуальна и сегодня.

Не стоит забывать, что современном мире одно из важнейших средств передачи информации о стране и ее культуре, является спорт. В настоящее время китайские спортсмены являются лидерами во многих видах спорта. Китай организует крупные международные соревнования, в том числе Олимпийские игры. Поэтому спорт является хорошим источником популяризации истории и культуры Китая, его национальных культурных ценностей.

Китай сегодня является стратегическим направлением не только внешней политики России, но и мировой политики в целом. И, это конечно же,

благодаря тому вниманию, которое уделяют социокультурной составляющей участники двусторонних отношений. Практика русско-китайского межкультурного взаимодействия последних десятилетий свидетельствует о том, что различия в истории, культуре, экономическом и социально-политическом устройстве не могут быть источником конфликтов или поводом для отчуждения. Они призваны служить стимулом для взаимного интереса и взаимной дружбы.

Библиографический список:

- [1] Цуй Иньин. Размышления о феномене китайско-русского обмена искусством в историческом зеркале // *Art Criticism*. 2020. № 15. С. 177-179.
- [2] Цай Чжэнфэй. Одновременное чтение русского искусства // *Southwest Journal*. 2018. № 1. С. 82-92.
- [3] Свистопалов С.И. История современного искусства. М.: «Эксмо». – 2021. С. 2500.
- [4] Бондаренко А.В. Интуиция и искусство // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2014. № 12-1. С. 37-39.
- [5] Егорова Ю.Р. О природе слова в искусстве и философии // *Евразийский юридический журнал*. 2021. № 4 (155). С. 482-484.
- [6] Шестипалова Е.А. Выдающиеся китайские мастера XX века // и цивилизация. 2019. № 3. С. 39-49.

Reference

- [1] Cui Yingying. Reflections on the phenomenon of Chinese-Russian art exchange in the historical mirror // *Art Criticism*. 2020. № 15. P. 177-179.
- [2] Cai Zhengfei. Simultaneous reading of Russian art // *Southwest Journal*. 2018. № 1. P. 82-92.
- [3] Svistopalov S.I. History of contemporary art. Moscow: Eksmo. - 2021. P. 2500.
- [4] Bondarenko A.V. Intuition and art // *Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2014. № 12-1. P. 37-39.
- [5] Egorova Yu.R. On the Nature of the Word in Art and Philosophy // *Eurasian Law Journal*. 2021. № 4 (155). P. 482-484.
- [6] Shestipalova E.A. Outstanding Chinese masters of the XX century // and civilization. 2019. № 3. P. 39-49.

Чжоу Мяоцзин

Магистр,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Историография взаимного влияния в сфере искусства России и Китая

Аннотация. В данной статье проведен анализ этапов, направлений и основных результатов развития отношений в сфере культуры и искусства между Россией и Китаем. Автор убежден, что культурной интеграции России и Китая способствует литература, имеющая функцию, отражающую традиционные ценности в современном мире. Существующий в Китае запрос на переводы произведений традиционной русской литературы остается на высоком уровне, что нельзя сказать о новых российских литературных произведениях. Особое внимание в статье уделяется спорту, как одному из элементов китайского искусства. Автор заключает, что проведение перекрестных годов культуры Китая и России способствуют более глубокому чувству взаимопонимания и симпатии между народами.

Ключевые слова: историография, культура, театральная деятельность, международные отношения.

Zhou Miaoqing

Lomonosov Moscow State University.

Historiography of Mutual Influence in the Art of Russia and China

Abstract. This article analyzes the stages, directions and main results art between Russia and China. The author carried out a comprehensive study field of literature and painting based on the dynamics of rapprochement between the two countries. Auto is convinced that the cultural integration of Russia and China is promoted by literature, which has a function that reflects traditional values in the modern world. The demand for translations of traditional Russian literature in China remains at a high level, which cannot be said about new Russian literary works. Particular attention is paid to sports as one of the elements of Chinese art. The author is convinced that the cross years of Chinese and Russian culture contributed to a deeper sense of mutual understanding and sympathy between peoples.

Key words: historiography, culture, theatrical activity, international relations.

Телицина Е.А.

Преподаватель кафедры иностранных языков в сфере международных отношений, Институт международных отношений Казанского федерального университета.

Мельникова О.К.

Старший преподаватель кафедры иностранных языков в сфере международных отношений Институт международных отношений Казанского федерального университета.

Роль Италии в интеграции Европы*

Европейский союз - наднациональное политическое, экономическое и военное объединение. Одним из факторов создания которого, послужила необходимость франко-германского примирения. Франция и Германия были двумя странами, оказавшими наибольшее влияние на объединение Европы. Тем не менее Италия, несмотря на свою второстепенную роль и ограниченный политический вес, внесла существенный вклад в интеграцию Европы. Именно Италия сыграла центральную роль в контексте послевоенного европейского примирения, ее действия были значительными, а во многих случаях даже решающими.

Италия всегда трезво оценивала возможности своего влияния на принятия решений в Европейском союзе и не противостояла, так называемой, франко-германской оси, а поддерживала ту из сторон, которая, по ее мнению, действовала в интересах Европы. Правящие классы Италии всегда осознавали тот факт, что итальянские национальные интересы прочно укоренены в Европе и совпадают с ее интересами. На протяжении многих лет Италия умело использовала свой ограниченный вес, чтобы никогда не упускать из виду конечную цель европейских инициатив.

Основной вклад Италии в строительство Европы заключается в разработке и пропаганде идей. Среди итальянских политических деятелей, сыгравших значимую роль в интеграции Европы, можно выделить такие имена, как Альчиде де Гаспери, Луиджи Эйануди, Альтиеро Спиннели. Они по праву считались основоположниками в разработке федералистской идеи и в реализации Европейского строительства [1].

Альтиеро Спиннели, например, основал «европейское федералистское

* © Телицина Е.А., Мельникова О.К., 2023.

движение» и был убежден в том, что только создание европейской федеративной системы, вдохновленной американской моделью, приведет к демократическому, эффективному и необратимому европейскому объединению [2]. Позднее Италия инициировала сезон институциональных реформ, поддерживая «Проект договора об учреждении Европейского Союза», разработанный парламентом, под руководством Спинелли. Спинелли активно содействовал принятию Европарламентом проекта европейской конституции, которая могла стать важным шагом на пути федерализации Европы. Однако, проект не получил одобрения большинства стран — членов Евросоюза и не вступил в силу [3].

Еще одним ярким сторонником федералистской позиции выступил Луиджи Эйнаути, президент республики, утверждая, что контрасты и конфликты между европейскими государствами могут быть преодолены путем устранения барьеров между государствами, открытия внутренних рынков и, следовательно, увеличения конкуренции, а также свободного передвижения людей [4]. И тот и другой активно добивались формирования Европейского оборонного сообщества, идея которого провалилась из-за разногласий между Германией и Францией. А позднее также выступали за придание Ассамблеей Европейскому объединению угля и стали, статуса политического сообщества.

В переговорах, которые привели к подписанию Парижского договора в 1951 году и созданию Европейского объединения угля и стали, первого европейского наднационального органа, особо важную роль сыграл, занимающий тогда должность премьер-министра, Альчиде де Гаспери, за что получил, наряду с другими не менее важными европейскими политическими деятелями, французом Робером Шуманом и немцем Конрадом Аденауэром, титул «Отца Европы». Заключенные в Париже соглашения, предусматривавшие отмену всех пошлин на уголь и сталь между странами-членами, стали первым конкретным шагом к созданию единого европейского рынка, а позже — одной из основ для образования Евросоюза [4]. В 1954 г. Альчиде де Гаспери стал первым председателем Парламентской ассамблеи ЕОУС.

Де Гаспери считал, что Италия нуждалась в восстановлении своих позиций на мировой арене и поэтому всегда выступал за международное сотрудничество. Благодаря ему, Италия дала согласие на участие в американском плане Маршалла и присоединилась к НАТО. Он был убежден, что невозможно построить будущее силой, а только демократическим методом, в духе конструктивного консенсуса и уважения свободы. Доказательством этому, как он считал, послужила Вторая мировая война [5].

Важнейший момент в присвоении Италии центральной геополитической роли в Европе наступил с Римским договором (1957 г.), который стал ключевым моментом в углублении экономического сотрудничества. Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) и Европейское сообщество по

атомной энергии (ЕВРАТОМ) были созданы в Риме в 1957 году. Если цель ЕВРАТОМА, то есть координация научных исследований, связанных с ядерной энергией, обеспечивающей ее мирное использование, носила военно-политический характер, то цель ЭЭС, гарантировать свободу передвижения людей, товаров, услуг и капитала, была в первую очередь экономической.

После смерти Де Гаспери и ухода Луиджи Эйнаути с поста президента республики, проевропейское настроение итальянцев не ослабло.

Альдо Моро принял эстафету и продолжил проевропейский проект. Фактически, Моро был действующим премьер-министром, подписавшим Брюссельский «договор о слиянии» в 1965 году. Он же сыграл ключевую роль в разработке «Плана Вернера». Альдо Моро считал, что международная напряженность в валютной сфере должна стать возможностью ускорить процесс европейской интеграции: «Экономический и валютный союз следует рассматривать как качественное улучшение интеграционного процесса. Поэтому было бы нелогично создавать простой денежный союз, отличный от экономического. Поэтому мы должны идти двумя путями одновременно». (МИД, п.15, Совет Министров ЭЭС, декабрь 1970 г., Меморандум Экономического и Валютного Союза ЭЭС, 12.1970.) [7] Несмотря на то, что план Вернера потерпел неудачу, он послужил началом на пути к единой европейской валюте.

Италия не просто поддержала идею введения единой валюты, но и заявила о намерении войти в первую группу стран, вводящих единую валюту, обязуясь выполнить все обязательство Маастрихтского договора. Итальянское правительство, несмотря на жесткий немецкий скептицизм, обусловленный опасением сделать валюту нестабильной, допустив Италию в число стран-основателей, сделало все возможное для достижения этой цели. В 1996 году правительство Проди значительно увеличило налогообложение, сбалансировав государственные финансы и сократив процентные расходы. Спрэд ВТР/BUND увеличился с 440 до 40 пунктов за несколько месяцев. Инфляция достигла исторического минимума, опустившись ниже 2%. Впервые за более чем десятилетие государственный долг снова сократился. Усилия, запрошенные у итальянцев, были значительными, но проевропейские настроения заставляли думать, что направление было правильным и с экономической точки зрения. В историю вошла фраза бывшего премьер-министра (и экономиста) Романо Проди: «С евро мы будем работать на один день меньше и зарабатывать так, как если бы мы работали на один день больше» (Романо Проди, 1999 г.) [8] [9].

Таким образом, Италия внесла в создание единой Европы ряд ключевых идей, которые оказали глубокое влияние на строительство Европы и до сих пор остаются неотъемлемыми факторами ее развития, затрагивая центральные аспекты, отличающие слабую региональную организацию от системы, по задумке отцов-основателей, вполне сравнимой с постройкой государственного типа.

Прежде всего, Италия всегда выступала за придание организации наднационального характера, постоянно напоминая о необходимости создания политически единой Европы и делая все возможное, чтобы повлиять на решение других стран-участниц и подтолкнуть их к общему решению. Для Италии это было важно еще и потому, что ее ограниченный политический вес и особые отношения с Францией не позволяли ей действовать автономно на международной арене. Открытость Италии к наднациональным решениям активно поддерживалась Германией.

Италия способствовала укреплению демократических принципов в Европейском Союзе и усиленно поддерживала необходимость сильной европейской демократической легитимности, выступая за прямые выборы в Европейский парламент. Итальянская политика в Европе преследовала цель создания легитимного Союза на демократическом принципе, а не только на межгосударственном методе.

Такой подход представлял собой существенно новый момент в развитии европейской интеграции; так как изначально преобладал принцип межправительственного сотрудничества. Но со временем отсутствие демократического участия стало одним из основных препятствий для дальнейшего развития Евросоюза [10].

Еще одним весомым вкладом Италии в прогресс европейского строительства стал отказ от «справедливого возврата». Под понятием «справедливого возврата» подразумевалось, что каждая страна-участница может рассчитывать на помощь соизмеримую своему вкладу. В течение многих лет Италия избегала такого подхода, утверждая, что он противоречит самой идее союза и, его систематическое применение может в итоге привести к распаду интеграционного процесса Европы [11].

И хотя Италия сыграла положительную роль на всех решающих этапах европейского строительства, присоединение самой Италии к формирувавшемуся союзу вызывало иногда некоторые споры. Во-первых, потому что объединение Европы прежде всего должно было нести экономический характер, а Италия в послевоенный период была экономически очень слабой страной. А во-вторых, будучи страной выступающей за объединение Европы, не выполняла налагаемые объединением обязательства. Таким образом заработав себе дурную репутацию.

Несмотря на это, Италия обладала рядом преимуществ и сильных сторон, представляющими интерес для Европы.

Одной из сильных сторон Италии является активная приверженность к достижению финального результата европейского объединения: федерация государств, основанная на демократических и конституционных принципах, поддерживаемых действенной наднациональной властью и в то же время уважающей роль национального и субнационального уровней управления.

Второй сильной стороной является геополитическое положение Италии, обусловленное ее расположением по отношению к Средиземноморью и Юго-Восточной Европе. Такое расположение Италии чрезвычайно важно и в стратегическом отношении НАТО, являясь основой военной системы НАТО в Южной Европе и во всем Средиземноморье [12].

Особое преимущество Италии давала сильная народная поддержка, выступающая за объединение Европы, что позволяло итальянским деятелям увереннее действовать на мировой арене по направлению к реализации проекта. Ведь поддержка общественного мнения всегда была решающим фактором для развития европейской интеграции. Подтверждением важности приблизить граждан к процессу европейской интеграции послужило отрицательное голосование французов и голландцев против принятого главами государств ЕС проекта конституции Единой Европы [13].

Италия всегда боролась за принципы, закрепленные в договорах с самого начала и, хотя их реализация всегда встречала сильную оппозицию, со временем они укрепились и расширили сферу своего применения. Благодаря тому, что Италия, член-учредитель, уступавший по значимости только Германии и Франции, подходила к осуществлению этих идей очень последовательно.

Библиографический список:

- [1] Падоа-Скьоппа Т. «Европа, мягкая сила», 2001. С. 7-11.
- [2] Л. Леви федерализм в Европе и в мире, Милан 1990. С. 82
- [3] Итальянская энциклопедия // URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/altiero-spinelli_\(Enciclopedia-Italiana\)](https://www.treccani.it/enciclopedia/altiero-spinelli_(Enciclopedia-Italiana)) (Дата обращения: 20.03.2023)
- [4] Curzio A.C. Quell'idea di Europa federata di Luigi Einaudi, tuttora attuale // Journal Huffpost. 2021. 1 p.
- [5] Линтнер Валерио «Италия. История страны», 2008. P. 112-115.
- [6] Barzalotti L., B Miccolupi Extra per voi :De Gasperi il viaggio del pane // Journal Corriere della sera. 2017. P. 1-3.
- [7] Radici A.M. Starting Finance: Cosa farebbe Aldo Moro per l'euro e l'Europa // Journal Startin finance.
- [8] Линтнер Валерио «Италия. История страны», 2008. P. 116-120.
- [9] Дж. Андриотти «30 дней». 2011. С. 23-38.
- [10] Падоа-Скьоппа Т., «Европа, мягкая сила», 2001. С. 14-18.
- [11] Ле Кашо Жак «Европейский Бюджет: Ядовитые Дебаты о Скидках». 2005. С. 6-10.
- [12] Паризи Д. Геополитическая роль Италии: Политика и экономика, 2021. 3 с.
- [13] М. Камелли Э. Греко «Интеграция Европы и народное мнение Италии», 2006. С. 9-25.

Reference

- [1] Padoa-Schioppa T. "Europe, soft power", 2001. P. 7-11.
- [2] L. Levy federalism in Europe and in the world, Milan 1990. P. 82
- [3] Italian Encyclopedia // URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/altiero-spinelli_\(Enciclopedia-Italiana\)](https://www.treccani.it/enciclopedia/altiero-spinelli_(Enciclopedia-Italiana)) (20.03.2023)
- [4] Curzio A.C. Quell'idea di Europa federata di Luigi Einaudi, tuttora attuale // Journal Huffpost. 2021. 1 p.
- [5] Lintner Valerio "Italy. History of the country", 2008. P. 112-115.
- [6] Barzalotti L., B Miccolupi Extra per voi: De Gasperi il viaggio del pane // Journal Corriere della sera. 2017. P. 1-3.
- [7] Radici A.M. Starting Finance: Cosa farebbe Aldo Moro per l'euro e l'Europa // Journal Startin finance.
- [8] Lintner Valerio "Italy. History of the country", 2008. P. 116-120.
- [9] G. Andriotti "30 days". 2011. P. 23-38.
- [10] Padoa-Schioppa T., Europe, soft power, 2001, P. 14-18.
- [11] Le Cachot Jacques "The European Budget: A Toxic Debate about Rebates". 2005. P. 6-10.
- [12] Parisi D. The geopolitical role of Italy: Politics and Economics, 2021. 3 p.
- [13] M. Camelli E. Greco "Integration of Europe and popular opinion in Italy", 2006. P. 9-25.

Телицина Е.А.

*Преподаватель кафедры иностранных языков
в сфере международных отношений,
Институт международных отношений
Казанского федерального университета.*

Мельникова О.К.

*Старший преподаватель кафедры иностранных языков
в сфере международных отношений
Институт международных отношений
Казанского федерального университета.*

Роль Италии в интеграции Европы

Аннотация. В статье определена роль Италии в интеграции Европы. В российской научной литературе очень мало внимания уделяется тому, какой вклад внесла Италия в объединении Европы, уделяя в основном внимание на вклад Франции и Германии. В данной статье авторами показано, что Италия сыграла немаловажную роль в интеграции Европы и внесла ряд ключевых идей, затронув центральные аспекты формировавшегося союза. Показаны этапы построения единой Европы и влияние итальянских политических деятелей на этот процесс. Освещены слабые и сильные стороны Италии. Проведён анализ влияния Италии на процесс формирования Единой Европы.

Ключевые слова: европейская интеграция, вклад Италии, роль Италии, объединение Европы, федералистское движение, наднациональная организация, прямые выборы, европейская федеративная система, Европейский союз, европейские политические деятели.

Telitsyna E.A.

*Lecturer, Department of Foreign Languages
in the field of International Relations,
Institute of International Relations,
Kazan Federal University.*

Melnikova O.K.

*Senior Lecturer, Department of Foreign Languages
in the field of International Relations,
Institute of International Relations,
Kazan Federal University.*

The role of Italy in the integration of Europe

Abstract. The article defines the role of Italy in the integration of Europe. In the Russian scientific literature, very little attention is paid to what contribution Italy made to the unification of Europe, focusing mainly on the contribution of France and Germany. In this article, the authors show that Italy played an important role in the integration of Europe and introduced a number of key ideas, touching upon the central aspects of the emerging union. The stages of building a united Europe and the influence of Italian politicians on this process are shown. The weaknesses and strengths of Italy are highlighted. The analysis of Italy's influence on the process of formation of the United Europe has been carried out.

Key words: European integration, Italy's contribution, Italy's role, European unification, federalist movement, supranational organization, direct elections, European federal system, European Union, European politicians.

Урюмцев Е.Р.

Магистрант кафедры Всеобщей истории, Новосибирский государственный университет.

**«Кипевшие отвагой войны-франки из рода тех,
кто издавна во всех боях громил врагов своих»:
проблема восприятия национальных мотивов
в битве при Бувине (28 июля 1214 г.)***

В современной французской историографии сложилась довольно единая позиция относительно первого национального триумфа – события, когда родилась французская нация. Подобная позиция не является новинкой; она встречается в работах французских медиевистов Анри-Франсуа Делаборда, Жоржа Дюби, в массе научно-популярных трудов. Это событие произошло в воскресенье 27 августа 1214 года, в день сражения при Бувине. Знакомый с историей средневековья человек сразу же задастся вопросом: «откуда в начале XIII века могло возникнуть представление о нации или национальном чувстве?». Традиционно появление национальных государств связывают с периодом Нового времени. Исследование ставит перед собой цель проанализировать данную позицию, разобрать её истоки и понять, насколько подобный подход соответствует действительности.

Начать следует с описания самого события. Почему битва при Бувине столь важна? Во-первых, битва при Бувине являлась решающим генеральным сражением, подводившим итог под более чем двадцатилетним противостоянием с Английским королевством и его правящей династией – Плантагенетами. Для эпохи Высокого средневековья генеральное сражение само по себе было большой редкостью, поскольку в описываемый период оно могло решить судьбу государя, поставить под вопрос существование всего королевства. И наконец даже в случае победы оно могло не принести больших выгод, но нанести непоправимый урон. Государя средневековья предпочитали не ставить на карту все имеющиеся средства, выбирая для войны менее рискованные способы – маневрирование на чужой территории с последующим их разорением или осады замков. Тем не менее, сражение состоялось, и это действительно первое сражении территориальной Франции с международной коалицией. На поле битвы при Бувине сошлись под

* © Урюмцев Е.Р., 2023.

единым стягом множество врагов французского короля: герцоги Фландрии и Булони, по сути, могущественных и независимых правителя, граф Уильям Солсбери из Англии и глава всего союза – император Оттон IV. То есть, если раньше предшественники Филиппа Августа лишь могли претендовать на земли вокруг Иль-де-Франса и город Орлеан ввиду ограниченности их реальной власти, то в правление Августа изменился масштаб противостояния [5. Р. 59]. Теперь король Франции обладал огромными территориями и большой армией, сравниться с которой могли лишь объединённые англо-германские силы. Значение сражения было столь велико, что практически сразу же оно начало приобретать мистический ореол, обрастая легендами и особым символизмом. Рассмотрим подробнее в чем этот символизм заключался.

Главный источник о битве при Бувине – произведение «Филлипиада» за авторством Гийома Бретонца, придворного капеллана и хрониста короля Филиппа [2. Р. 346]. Это синхронный источник, писавшийся на протяжении нескольких лет; конкретно отрезок, посвященный сражению, написан приблизительно в начале второго десятилетия XIII века. Нужно отметить, что Гийом Бретонец непосредственно находился на поле боя, подле короля. Он видел сражение собственными глазами, и, хотя описание написано не сразу, тем не менее более синхронных источников у нас нет. Естественно, характер сочинения прославляет фигуру короля, но не только. Гийом возносит хвалу главным королевским советникам: брату Герену из ордена Госпитальеров, первому советнику короля (по мнению Гийома именно он являлся организатором всей победы), епископу Бове Филиппу де Дрё, сбившему с коня Уильяма Солсбери и т.д. Кроме того «Филлипиада» представляет читателю подробное описание сражения, представленное через воодушевленные описания: «Кипевшие отвагой войны-франки, бившиеся один против троих, смело идущие на встречу опасностям», наконец «победившие, потому что были они сильны духом и добродетельны» [4. Р. 141]. Однако, автор не только рассматривает эпизоды сражения, но также акцентирует внимание на характере всей войны, превращая её в сакральную. Здесь зарождается символизм, столь явно вписывающийся в привычное для средневекового человека христианское, трехчастное представление о Святой Троице и о мире; воплощенное как на небесах, так и на земле [3. Р. 348].

Король Филипп, как добрый христианин не желал сражаться в воскресенье – день, который должен быть посвящен Богу. Это германцы вынудили его своими хитрыми ухищрениями вести войну. Когда пришло время битвы Филипп преклонил колени в молитве; по его приказу подняли Орифламму, святое знамя, благословлённое церковью. За короля будет сражаться Святой Дионисий, покровитель Парижа и Франции [3. Р. 347].

Королевская армия символично и условно разделилась на три части, три порядка «нации»: прежде всего рыцарство, правая рука короля, его надежда и спаситель в случае опасности; далее идут добрые простолюдины, верные сыны покорного народа, а не плебеи или наемники; третья часть, «армия мира Божьего», люди коммун под предводительством священников, работники и горожане. Именно им доверяют охранять Орифламму; этот жест доверия, оказанного королем, имел и практическое назначение – нельзя было позволить центру войска бежать, и Орифламма должна была поддерживать людей и их веру [3. Р. 349]. Таким образом, Гийом Бретонец изображает образ христианского воинства, сражающегося за веру и своего короля. А кто находился на противоположной стороне?

Лагерь германского императора показан как место, где царит зло и беспорядок. Предводители алчные и надменные, солдаты безумные или наемники. В этой армии нет добрых людей или священников, «все прогнило вокруг германского императора». Император Оттон IV отлучен от Церкви, его приближенные – враги Папы, друзья еретиков. Есть среди них и предатели, изменившие клятвам [3. Р. 350], а предательство — это самое страшное деяние с точки зрения средневековой морали. В противовес благословленной Орифламме германцы держали множество разнообразных эмблем и знамен, все дерзостные и «словно бы дьявольские», с драконами и черными орлами. Но главное в войске противника это его цели. Германцы, подобно античным варварам, пришли убивать и грабить, наемники без роду и племени, оплаченные за счет ограбленных бедняков и разоренных церковей [4. Р. 139]. Вот какие слова вкладывает Гийом Бретонец в уста императора Оттона перед битвой: *«Следует предать смерти и изгнать и клириков, и монахов, обласканных Филиппом, восславляемых им, коих он всеми силами защищает... Сколь много более будет пользы и проку от церкви, когда так я восстановлю справедливость. Пусть лучшие добрые рыцари владеют хорошо возделанными полями, плодородными землями, щедро дарующими радость и богатство, чем эти ленивые и бесполезные выродки, явившиеся на свет только для того, чтобы пожирать хлеб, бездельничать и прохлаждаться»* [8. С. 284-285]. То есть, германский император и его люди, представленные через образ однозначного зла, тьмы и скопища чудовищ.

Гийом Бретонец представляет сражение как шахматную партию, на стороне «Белых» король Франции, поскольку он сражается за правое дело, дело Христа и против мятежников; супротив него на стороне «Черных» германский император с войском негодяев и предателей, задумавших расколоть королевство, сжечь церкви и т.д. И результат вполне очевиден для любого средневекового человека – победа была одержана, а «злые и проклятые» бежали в беспорядке [3. Р. 349].

Король Франции одержал победу, но почему? Разгадка кроется не в ко-

личестве рыцарей или сержантов, а в том, что он не мог не победить. Ведь все искренне сражающиеся за дело Христа, защищающие его церковь и народ обязаны восторжествовать. В восприятии средневекового человека первичен именно мотив, то благородное чувство, за которое сражался Филипп II Август, а победа лишь следствие его правильных действий. В конце концов любое сражение – суд Божий, на нем ты защищаешь право на собственное видение власти и труд многих десятилетий. Именно Господь помогал королю одержать победу.

Помогает Филиппу и его народ. Когда король возвращался в Париж, повсюду в сельской местности и в городах его встречают рукоплесканием, колокольным звоном, торжествами. Когда же государь вступил в столицу началась подлинная эйфория. Семь дней и семь ночей продолжались празднества. Так, Гийом Бретонец показывает нам, что король благословлён Богом, и Бог подтвердил права короля, восстановил мир на земле, призвал обе стороны мира (клир и народ) восславить победителя и возрадоваться. И в этом праздновании рождается доселе неизвестное – в гармонии и согласии григорианского пения король словно бы набросил на всех подданных свой плащ [3. 351]. Кровь, пролитая в битве при Бувине окропила всех «детей Галлии», и король своей милостью будто бы упраздняет все диссонансы, различия пола и возраста, но самое важное различия звания [4. Р. 141]. Празднование Бувинской виктории – праздник равных. Собственно, отсюда берет корни позиция о национальном единении и французском духе – король чувствует любовь народа, платит ему тем же, и теперь за королем Франции, подлинным, настоящим пойдут все французы: от бедняка до епископа. Так в «Филлипаде», и это отмечает Жорж Дюби, как будто бы предстает *единая нация*, сплотившаяся вокруг короля [4. Р. 142]. Однако насколько данное предположение соответствует действительности?

Поистине, Филипп Август во многом изменил представление о Франции, буквально переформатировав её из франкского государства во французское королевство. Впервые надев корону как король Франции, а не как король франков, Филипп претендует на императорские регалии и полномочия. После поражения Оттона именно французский государь становится наследником империи Карла Великого. Неудивительно, поскольку именно в таком духе «крепкой королевской власти, с сильной рукой монарха, как это было при Карле Великом» воспитывался с детства Филипп II [5. Р. 58-59]. Государство с реальной властью короля было полноправной целью, к достижению которой французский монарх планомерно продвигался четыре десятилетия. Результат этой политики – великая победа, становление королевства, прозвище Август. В устах Гийома Бретонца «Август» — это объединитель или собиратель, в первую очередь франкских земель, но также это завоеватель, вершащий судьбу христианского мира

вместе с Его Святейшеством Папой [З. Р. 348].

За королем в едином порыве пошли люди, и восприняли Бувинскую победу с таким небывалым размахом, что подобное явление даже отобразилось в рукописях французских хроникеров. Но если отложить хвалебные оды и посмотреть на реальность, то можно заметить, что во всем правлении короля Филиппа II, и уж тем более в эпохе Высокого средневековья, битва при Бувине – это относительно локальное и небольшое событие. Оно стало важным по значению и результатам, но оно не могло произвести социальную революцию и создать общество иного толка - общество национальное.

Действительно, король своей харизмой повел людей на битву, и люди всей душой стояли за него и за дело Христа, которое он защищал. Но в первую очередь это происходит, потому что они его подданные, «люди короля». Концепция «Do ut des» или «Даю, чтобы ты дал», объясняющая средневековый принцип взаимозависимости и принадлежности к кому-то (оммаж, вассалитет) гораздо лучше объясняет поведение подданных короля, чем сомнительное национальное чувство. Не совсем понятно к какому государству оно бы проявилось, как такое вообще возможно в феодальном обществе с отсутствием понятия и представления о «нации». В описываемый период национальное чувство еще не могло являться объединяющим фактором. Филипп – первый король, которому удалось как раз этим событием, этой победой, объединить людей под десницей короля. То есть впервые королевская власть, помимо религии и языка стала столпом единения людей, тем немногим общим, что у них было. Но это не национальное чувство, и не его аналог. Я склоняюсь к тому, что здесь речь идет скорее о некоем краткосрочном порыве, зафиксированном на харизме конкретного короля и на великой победе. Но подтягивать к этому событию рождение французской нации - вывод чересчур сомнительный. Однако если это не национальное чувство, то почему такое внимание хроникеры уделяют локальному событию? Что такого отличного от других было в политике Филиппа II? Попытаемся ответить на этот вопрос.

27 августа 1214 года сражение на полях Бувина закрепило во французском обществе торжество «королевской модели» - понятия, введенного французским медиевистом Жераром Сивери для обозначения филиппианских преобразований. Историк отмечал, что в описываемый период в обществе Высокого средневековья параллельно сосуществовали «феодальная модель» и «королевская модель»; под «феодальной моделью» понималось доминирование в королевстве крупных сеньоров, под «королевской» же моделью крылось решительная победа королевской власти во всех областях общественной жизни [5. Р. 10]. За этой победой стоял огромный синтез действий социального и духовного характеров. Создание в королевстве развитого и преданного Филиппу чиновничества, использование «персо-

нального оммажа» королю для укрепления власти и расширения королевского домена, закрепление за Парижем роли столицы, формирование армейских структур подконтрольных балли, прево и сенешалям а также весь тот легендарный и мифологический аспект разобранный в данной работе – образ Защитника Веры, борца с еретиками и первого короля Франции – все это вписывается в логику королевской модели и преобразования страны. Необходимо отметить, что несмотря на кажущиеся очевидными различия и новизну Филипп и его правительственная команда не создавали нового общества. То есть даже такие изменения были лишь некой французской вариацией развития феодализма, а если сказать точнее очередным «Возрождением», поскольку весь символизм, дух и логика этих преобразований были пронизаны взглядом назад, в Империю Карла Великого.

Битва при Бувине и преобразования новоиспеченного короля Франции совершенно уникальны по масштабу и последствиям. Однако несмотря на это подобные изменения были в полной мере явлением средневековым, неотделимым от исторической действительности развитого феодализма. Несмотря на краткий в исторической перспективе момент праздника равных на поле боя, неравенство, являющееся неотъемлемой частью феодального общества и естественной нормой жизни, никуда не делось [7. Р. 37]. Достаточно взглянуть на время эпоху после Бувинской баталии, на другие военные кампании или масштабные события. Подобного восхваления в духе «равенства» и «единения» не упоминает ни один из королевских хроникеров или писателей. Официальные жизнеописания приобретают иной характер и переходят к восхвалению персональных качеств: святости, справедливости, храбрости. Отличным примером такой работы является «Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика» за авторством Жана де Жуанвила [6. С. 10-11], описывающая правление и моральный облик короля Людовика IX. В описываемый же период в работах Гийома Бретонца явно видится желание отдать должное политике Филиппа II Августа по созданию подлинного Французского королевства с реальной королевской властью, а не национальные мотивы.

После битвы при Бувине произошло не столько рождение французской нации или государственности сколько окончательное слияние понятий «королевский домен» и «Французское королевство». Предпосылки для этого слияния возникали давно, но потребовалось масштабное сражение чтобы его закрепить. После Бувина различия между этими двумя понятиями для современников окончательно исчезнут. Сформулировалась новая титулатура (король Франции взамен королю Франков), новое устройство королевства на авторитете монарха и взаимодействии с бюрократией. Но реальность, конечно, оставалась феодальной. Для формирования новых национальных мотивов были необходимы более структурные изменения в

обществе, ставшие возможными лишь с изменением исторической действительности и технологическим развитием уже в Новое время. Постановка вопроса о создании подобного общества на поле битвы при Бувине или в эпоху Высокого средневековья хоть и чрезвычайно заманчиво, но важно не поддаваться этому соблазну и помнить, что подобный подход носит слишком дискуссионный характер и вряд ли соответствует действительности.

Библиографический список:

- [1] Recueil des Actes de Philippe Auguste, 1, Paris, 1916. p. 417; éd. Ch. De La Roncière, P. Contamine, R. Delort, M. Rouche (dir.), L'Europe au Moyen Âge, 2. P. 34-35.
- [2] Henry François Delaborde. Oeuvres de Rigord et de Guillaume Le Breton, historiens de Philippe-Auguste: Tome second-Philippide de Guillaume Le Breton, Paris, 1885. P. 346.
- [3] Georges Duby. Histoire de la France, Des origines à nos jours, Paris, coll. "Bibliothèque historique", 1971. P. 132-145.
- [4] Georges Duby. Les trois ordres ou l'imaginaire du féodalisme. Paris, Gallimard, 1978. P. 428.
- [5] Sivéry G. Philippe Auguste. Perrin. 2003. P. 60-292.
- [6] Жуанвиль Жан де. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика / СПб.: Евразия, 2007. С. 10-178.
- [7] Урюмцев Е.Р. Королевская армия Франции и социальное неравенство в эпоху Филиппа II августа (1180-1223 гг) / Е.Р. Урюмцев // European Journal of Humanities and Social Sciences. 2022. № 3. С. 34-38. – DOI 10.29013/EJHSS-22-3-34-38.
- [8] Дюби Ж. История Франции. Средние века, М.: 2001. С. 264-290.
- [9] Philippe Contamine. La Guerre au Moyen Age. Paris, Presses universitaires de France, 1980. P. 100.
- [10] Philippe Contamine, Guerre, état et société à la fin du Moyen Âge, La Haye, Mouton, Paris, 1972. P. 14.

Reference

- [1] Recueil des Actes de Philippe Auguste, 1, Paris, 1916. p. 417; ed. Ch. De La Roncière, P. Contamine, R. Delort, M. Rouche (dir.), L'Europe au Moyen Âge, 2. P. 34-35.
- [2] Henry Francois Delaborde. Oeuvres de Rigord et de Guillaume Le Breton, historiens de Philippe-Auguste: Tome second-Philippide de Guillaume Le Breton, Paris, 1885, p. 346.
- [3] Georges Duby. Histoire de la France, Des origines à nos jours, Paris, coll. Bibliothèque historique, 1971. P. 132-145.
- [4] Georges Duby. Les trois ordres ou l'imaginaire du feodalisme. Paris, Gallimard, 1978. P. 428.
- [5] Sivéry G. Philippe Auguste. Perrin. 2003. P. 60-292.
- [6] Joinville Jean de. The book of pious sayings and good deeds of our holy king Louis / St. Petersburg: Eurasia, 2007. P. 10-178.
- [7] Uryumtsev E.R. Royal army of France and social inequality in the era of Philip II of August (1180-1223) / E.R. Uryumtsev // European Journal of Humanities and Social Sciences. 2022. № 3. P. 34-38. – DOI 10.29013/EJHSS-22-3-34-38.
- [8] Duby J. History of France. Middle Ages, M.: 2001. С. 264-290.
- [9] Philippe Contamine. La Guerre au Moyen Age. Paris, Presses universitaires de France, 1980. P. 100.
- [10] Philippe Contamine, Guerre, état et société à la fin du Moyen Âge, La Haye, Mouton, Paris, 1972. P. 14.

Урюмцев Е.Р.

*Магистрант кафедры Всеобщей истории,
Новосибирский государственный университет.*

**«Кипевшие отвагой войны-франки из рода тех,
кто издавна во всех боях громил врагов своих»:
проблема восприятия национальных
мотивов в битве при Бувине (28 июля 1214 г.)**

Аннотация. В статье рассматривается мифологизация битвы при Бувине на основе данных официальных хроникеров короля Филиппа II Августа. Исследуется образ воюющих противников, их мифология и сакральный облик, представленный в изложении французской стороны. Предлагается альтернативный вывод о несоответствии с реальностью тезиса, характеризующего Бувинскую битву как первое французское национальное событие.

Ключевые слова: Битва при Бувине, Филипп II Август, нация, мифология, неравенство, Высокое Средневековье.

Uryumtsev E.R.

*Master's degree student of the Department
of General History of Novosibirsk State University.*

**Frank wars seething with courage from
the kind of those who have long smashed their enemies
in all battles”: the problem of perception of national motives
in the battle of Bouvines (July 28, 1214)**

Abstract. The article discusses the mythologization of the Bouvines battle based on the data of the official chroniclers of King Philip II Augustus. The author examines the image of the warring opponents, their mythology and sacred appearance, presented in the presentation of the French side. An alternative conclusion is proposed about the discrepancy with the reality of the thesis characterizing the Battle of Bouvines as the first French national event.

Key words: Battle of Bouvines, Philip II Augustus, nation, mythology, inequality, High Middle Ages.

Аннотации

Касатикова А.А.

Мурашко С.Ф.

Долгенко А.Н.

Пуристическая концепция И.Г. Кампе и проблемы германизации иноязычной лексики

Статья посвящена анализу специфики языкового пуризма И.Г. Кампе как воплощения идей эпохи Просвещения. Последовательно описываются конкретные принципы пуристической доктрины И.Г. Кампе и их апробация в его лексикографической практике. Авторы делают вывод о том, что предложенная и широко апробированная И.Г. Кампе германизация иноязычной лексики оказалась мало-перспективным способом очищения немецкого языка и носит скорее характер интеллектуальной игры, нежели четкой ортологической стратегии.

Ключевые слова: языковой пуризм, история немецкого языка.

Ли Ино

Модель человека в русской и китайской языковых картинах мира

Языковой образ человека давно интересует лингвистов, которые пытаются раскрыть семантические особенности его описания в рамках языковой картины мира. Цель данной статьи – предоставить интерпретацию языковой модели человека в китайской и русской модели мира. Автор статьи, обращая внимание на физическую структуру человеческого тела, пытается раскрыть внутреннюю жизнь органов в китайском и русском языках.

Ключевые слова: языковая картина мира, человек, модель человека, тело, орган.

Лин Яньюй

Словообразовательный потенциал русского антропонима в диахроническом и синхроническом аспектах

В русской лингвистике проблема семантики и функционирования личных имен собственных исследована довольно широко, чего нельзя сказать о словообразовательных возможностях русских антропонимов. В данной статье предпринята попытка показать роль словообразования в происхождении и развитии русского именника. Автор статьи рассматривает особенности использования словообразовательных формантов в создании русского имени с древности и до наших дней.

Ключевые слова: имя собственное, антропоним, словообразовательный формант, суффикс, эмоциональная оценка.

Орлова Т.А.

Чубарова Ю.Е.

Резепова Н.В.

Корреляция невербальных и вербальных коммуникативных кодов в англоязычном прозаическом тексте

Статья ставит своей целью рассмотрение основных особенностей семантизации невербальных кодов, характеризующих поведение персонажей литературной коммуникации. Невербальная коммуникация является неотъемлемой частью человеческого общения, так как адекватная интерпретация любого речевого произведения с наличием невербальных компонентов коммуникации невозможна

без их учёта, тем более что иногда они не просто дополняют вербальные акты, а выполняют основную функцию реализации интенции говорящего. Пренебрежение невербальным сопровождением речи может привести к искажению картины реальной коммуникации.

Ключевые слова: невербальная семиотика, антропоцентричность, языковой код, коммуникативная ситуация, невербальный знак, причинно-следственные связи.

Снегирев И.А.

Непомнящих Н.М.

«Скальд» и «бард» в русской поэзии. Опыт корпусного анализа

Статья отражает результаты исследования, посвященного анализу образов «скальда» и «барда» в русской поэзии. В качестве методологии используются методы корпусной лингвистики в сочетании с традиционным литературоведческим подходом. В рамках полученных результатов проводится дифференциация между способами бытования двух этих образов в русской литературе.

Ключевые слова: северный текст, Северный миф, образ, сравнительное литературоведение, корпусная лингвистика.

Кобзева О.В.

Федорова Е.Л.

Вербальная репрезентации кинемы в художественной литературе в разносистемных лингвокультурах (на материале русского и английского языков)

Цель исследования - сравнить вербальную репрезентацию кинемы на примере художественной литературы в английской и русской лингвокультурах. Кинесика является одной из основных частей художественных текстов разных жанров и стилей. Жесты, мимика, позы, выражения лица играют важную роль в изучении иностранного языка и развитии межкультурной компетенции.

Новизна исследования заключается в привлечении достаточно большого текстового материала на русском и английском языках, обработанного с помощью формулы математической статистики. Это позволило получить достоверные результаты, которые показали зачастую неверную интерпретацию вербальных репрезентаций кинем в художественном тексте из-за незнания или поверхностного переноса семантических и стилистических значений. Таким образом, из произведения «исчезают» и не прочитываются скрытые смыслы, неоднозначность поведения героев, выраженных экстралингвистическими свойствами текста. В подтверждение гипотезы, выдвинутой исследованием, было проведено изучение и анализ большого объема выборки текстов, обеспечивших достоверность выводов, сделанных в настоящей работе. Наблюдение проводилось с целью получения относительной частоты f употребления кинем, анализу подвергались тексты русской литературы, М. Булгаков «Мастер и Маргарита» (112789 словоупотреблений – 443 страницы) и тексты английской литературы, И. Шоу «Lucy Crown» (35955 словоупотреблений – 141 страница). А также были использованы контексты-описания, извлеченные из современной и классической художественной русской и английской литературы XIX-XX веков разных жанров: драматические, эпические (роман), рассказ и повесть.

Ключевые слова: кинема, полисемантичность кинемы, контекст употребления, интерпретация значений, вербальная репрезентация кинемы.

Филимонов С.Б.

А.Л. Бертье-Делагард — член Таврической ученой архивной комиссии (Из опыта разысканий в области источниковедения историографии истории Крыма)

В статье, основанной на исторических источниках, содержится информация об участии классика крымоведения А.Л. Бертье-Делагарда (1842-1920) в деятельности старейшей и авторитетнейшей в Крыму историко-краеведческой организации – Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК), а также о материалах ТУАК и сменившего ее Таврического общества истории, археологии и этнографии, посвященных памяти А.Л. Бертье-Делагарда.

Ключевые слова: Крым, А.Л. Бертье-Делагард, Таврическая ученая архивная комиссия, Таврическое общество истории, археологии и этнографии, крымоведение, источниковедение, историография.

Напсо М.Д.**Влияние цифровизации на образовательные процессы**

В статье исследуются изменения, происходящие в системе образования под воздействием цифровых трендов. Раскрываются плюсы диджитализации для сферы образования, показывается актуальность применения соответствующих ей методик обучения. Выявляется значение цифровых технологий в формировании инновационного знания, соответствующего технологическим требованиям. Прослеживается трансформирующее воздействие цифровизации на характер протекания процессов в образовательной среде, на формы сотрудничества и кооперации, на взаимодействие субъектов образовательного процесса.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровая экономика, цифровизация образования, виртуальная реальность, онлайн-образование, цифровая грамотность, цифровые компетенции.

Моисеев А.Н.**Организационная и мобилизационная деятельность Комиссариатов по военным делам Пензенской губернии в годы Гражданской войны (1918-1920 гг.)**

В статье проводится анализ состояния и деятельности Рузаевского, Инсарского, Наровчатского, Мокшанского, Керенского уездных Военных комиссариатов Пензенской губернии на основании отчетов Пензенской губернской Военной инспекции.

Целью научного исследования является детальное освещение проблемных вопросов в работе местных органов военного управления в самый сложный и критичный для советской власти период Гражданской войны, конец 1918 г. - 1919 г.

Научная составляющая статьи базируется на архивных материалах, ранее не использовавшихся для публикации.

При отборе и анализе фактического материала автор руководствовался основными принципами исторической науки: объективности, научности и историзма, а также использовал общенаучные и специально-исторические методы исследования.

Содержание статьи раскрывает состояние дел уездных военкоматов Пензенской губернии, недостатки и упущения в их работе, существенно повлиявших на эффективность военного строительства. Показан механизм реагирования на поступающую с мест проблемную информацию.

Ценность исследования состоит во введении в научный оборот новых архивных первоисточников, освещающих сложности в деятельности местных органов военного управления по формированию частей и подразделений, материально-техни-

ческому и тыловому обеспечению как создаваемых войск так и самих военкоматов.

Материалы статьи позволяют сформировать объективную картину создания учетно-мобилизационной системы молодой Советской республики и могут быть использованы при чтении лекций студентам военных кафедр и курсантам высших учебных заведений, а также в историко-патриотической работе учебных заведений различного профиля.

Ключевые слова: Пензенская Губернская Военная инспекция, Губвоенком, Уездвоенком, военрук, военнообязанные, учётно-мобилизационная работа.

Соколов А.В.

К вопросу об эффективности исповеди как инструмента выявления «раскола»

Статья посвящена проблеме инструмента фиксации «уклоняющихся в раскол» – исповеди. Автор считает, что накладывание на исповедь функции индикатора «раскола» произошло при Петре I. В работе отмечено, что исповедь была не самостоятельным, но единственным инструментом фиксации трансформации религиозной жизни. Автор считает, что ключевой причиной неэффективности исповеди как индикатора раскола был комплекс не решаемых проблем в организации религиозной жизни: нехватка, чрезмерная административная нагрузка и бедность клира; формализованное отношение к религиозной жизни; не все отпадающие от церкви порывали с ней, а напротив продолжали формально участвовать в приходской жизни; безразличное отношение к исповеданию части населения.

Ключевые слова: старообрядцы, раскольники, исповедь, церковь, государственный контроль, духовенство.

Суслова Р.А.

Синайская икона «Богоматерь с пророками» (Киккская): к вопросу о композиционном построении

Работа посвящена Синайской иконе XII в. «Богоматерь с пророками» (Киккская). Цель работы - анализ архитектоники произведения на основе предположения, что композиция основывается на строгом применении математических методов (построение спирали Золотого сечения или спирали Фибоначчи, квадратуры круга и др.). В результате анализа композиционного построения иконы, делается вывод о преемственности некоторых математических и художественных приемов, которые христианское искусство перенимает от Античности, но переосмысляет и делает свидетельством христианской догматики. Технология математического построения композиции становится общеупотребительной в Византии и странах Византийского круга, свидетельством чего является Синайская икона «Богоматерь с пророками». Актуальность исследования обусловлена междисциплинарным подходом к анализу произведения. Делается вывод о необходимости учитывать синтез богословского и художественного опыта Византии.

Ключевые слова: искусство Византии, иконопись, Синайская икона «Богоматерь с пророками» (Киккская), математические методы в искусстве, спираль Золотого сечения, квадратура круга.

Тянь Фаньюй

Иновационные технологии обучения китайских студентов в российских вузах

В статье представлена проблема использования инновационных технологий обучения китайских студентов в российских вузах. Показано, что современные педагогические технологии обучения китайских студентов в российских вузах должны

опираться на социокультурный подход и создание поликультурного образовательного пространства вуза. Раскрыты сущность понятия «педагогические инновации», которая определяется как целенаправленное введение новшеств в педагогическую систему с целью повышения качества образования. Описана специфика инновационных педагогических технологий в поликультурном образовательном пространстве вуза. Показана их интерактивная и коммуникативная направленность, которая может вызывать барьеры межкультурной коммуникации в китайской аудитории.

Ключевые слова: китайские студенты, инновация, педагогические инновации, педагогические технологии, социокультурный подход, поликультурное образование.

Цуй Линь

Особенности преподавания учебных дисциплин китайским студентам в российских вузах

В статье раскрыта специфика преподавания учебных дисциплин китайским студентам в российских вузах. Показано, что рост образовательной миграции китайских студентов актуализировало вопросы преподавания учебных дисциплин китайским студентам в российских вузах. Описаны межкультурные различия в моделях поведения и общения китайских и российских студентов, которые оказывают влияние на процесс обучения. Раскрыты особенности учебной деятельности и когнитивных установок китайских студентов в процессе обучения, которые необходимо учитывать преподавателю российского вуза. Показано, что учет опыта обучения в китайской системе образования, межкультурных различий в моделях поведения, общения, познавательной деятельности, уровня языковой подготовки и межкультурной адаптации у китайских студентов, обеспечивает высокое качество преподавания учебных дисциплин в китайской аудитории.

Ключевые слова: китайские студенты, российские вузы, педагогическая деятельность, межкультурное взаимодействие, межкультурная адаптация, поликультурная среда учебного заведения.

Чжан Юньси

Эволюция журналистики Китая в исторической ретроспективе

За последние несколько лет большая часть опыта, накопленного журналистской профессией выхолщивается сдвигами в медиа-индустрии. Многие факторы привели к исходу опытных журналистов из китайских СМИ. Конечным результатом этого сдвига является прогрессирующая потеря профессионального журналистского потенциала в китайских СМИ.

Ключевые слова: СМИ, Китай, журналисты, пресса, электронные медиа.

Южакова Т.Л.

Организация деятельности завода № 222 в Кустанайской области в период Великой Отечественной войны

В статье рассматривается организация деятельности завода № 222, эвакуированного в Кустанайскую область в годы Великой Отечественной войны и наладившего производство танковых огнеметов для фронта. Это был единственный завод, который выпускал для фронта такое оружие. В настоящей работе дана периодизация деятельности завода в годы войны. Показаны сложности в организации работы предприятия. Привлечены источники официального и личного происхождения, ряд из которых не введен в научный оборот. Делается вывод о том, что создание важнейшего оборонного предприятия в объективно сложных

условиях стало возможным благодаря самоотверженному труду работников завода и умелому руководству.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, оборонная промышленность, завод, труженики тыла, производство танковых огнеметов, труд.

Золхоев Б.В.

Происхождение и официальные имена (аппелятивы) шаньюев южных Хунну периода Восточная Хань (по материалам китайских летописных источников и исследованиям зарубежных авторов)

В статье затрагиваются вопросы происхождения и титулования шаньюев Южных хунну периода китайской династии Восточная Хань. Рассмотрен исторический контекст и результаты ее влияния на систему титулатуры правителей Южных хунну. Кроме того, предпринята попытка восстановить первоначальные особенности и характерные черты официальных тронных имен хуннских шаньюев периода правления китайской династии Восточная Хань.

Ключевые слова: Хунну, шаньюй, период Восточная Хань, система титулатуры, официальные тронные имена, аппелятивы, китайские исторические источники, зарубежные исследователи.

Лань Ян

Дидактика Ушинского К.Д. и её приложение в новом мире

Проблемы обучения и споры о том, как должно быть организовано обучение, это общественно значимый вопрос, актуальность которого только возрастает при ускорении изменения общественной формации [5]. Творческое и научное наследие К.Д. Ушинского несомненно представляет собой, актуальнейший источник идей, методов, способов обучения, которые требует глубоко научного осмысления. Объектом исследования является педагогика. Предметом исследования выступает дидактика, как раздел педагогики и теории образования. Цель исследования теоретически осмыслить содержание дидактики Ушинского К.Д. в приложении к современной общественной формации. Выявлено, что содержание дидактики Ушинского К.Д. базируется на нескольких принципах, основным из которых является – научность. Представлена графическая иллюстрация принципов дидактики Ушинского К.Д. и теоретическое описание этих принципов.

Ключевые слова: обучение, мышление, развитие, воспитание, научность, наглядность обучения.

Чжан Шугэ

Концепция Мао Цзэдуна о физическом воспитании личности и нации

Мао Цзэдун которого в Китае называют Великий Кормчий является крупнейшей исторической фигурой своих лет, является главным теоретиком маоизма в котором концепция воспитания человека и личности является центральным звеном. Объект исследования – маоизм, как идеологическая концепция политической теории и практики. Предмет исследования – физическое воспитание в рамках концепции маоизма. Цель исследования – раскрыть содержание и основные принципы теории маоизма в области физического воспитания и педагогики. В статье представлены основные положения маоизма в области физического воспитания, представляющие собой триаду: физическое воспитание, умственное воспитание, нравственное воспитание. Представлены первичные качественные характеристики воспитания: питание и забота, объясняется как из первичных качеств происходит

рождение вторичных качеств: преподавание и обучение.

Ключевые слова: маоизм, физическое воспитание, умственное воспитание, нравственное воспитание, личность, нация.

Чжоу Мяоцзин

Историография взаимного влияния в сфере искусства России и Китая

В данной статье проведен анализ этапов, направлений и основных результатов развития отношений в сфере культуры и искусства между Россией и Китаем. Автор убежден, что культурной интеграции России и Китая способствует литература, имеющая функцию, отражающую традиционные ценности в современном мире. Существующий в Китае запрос на переводы произведений традиционной русской литературы остается на высоком уровне, что нельзя сказать о новых российских литературных произведениях. Особое внимание в статье уделяется спорту, как одному из элементов китайского искусства. Автор заключает, что проведение перекрестных годов культуры Китая и России способствуют более глубокому чувству взаимопонимания и симпатии между народами.

Ключевые слова: историография, культура, театральная деятельность, международные отношения.

Телицина Е.А.

Мельникова О.К.

Роль Италии в интеграции Европы

В статье определена роль Италии в интеграции Европы. В российской научной литературе очень мало внимания уделяется тому, какой вклад внесла Италия в объединении Европы, уделяя в основном внимание на вклад Франции и Германии. В данной статье авторами показано, что Италия сыграла немаловажную роль в интеграции Европы и внесла ряд ключевых идей, затронув центральные аспекты формировавшегося союза. Показаны этапы построения единой Европы и влияние итальянских политических деятелей на этот процесс. Освещены слабые и сильные стороны Италии. Проведён анализ влияния Италии на процесс формирования Единой Европы.

Ключевые слова: европейская интеграция, вклад Италии, роль Италии, объединение Европы, федералистское движение, наднациональная организация, прямые выборы, европейская федеративная система, Европейский союз, европейские политические деятели.

Урюмцев Е.Р.

«Кипевшие отвагой войны-франки из рода тех, кто издавна во всех боях громил врагов своих»: проблема восприятия национальных мотивов в битве при Бувине (28 июля 1214 г.)

В статье рассматривается мифологизация битвы при Бувине на основе данных официальных хроникеров короля Филиппа II Августа. Исследуется образ воюющих противников, их мифология и сакральный облик, представленный в изложении французской стороны. Предлагается альтернативный вывод о несоответствии с реальностью тезиса, характеризующего Бувинскую битву как первое французское национальное событие.

Ключевые слова: Битва при Бувине, Филипп II Август, нация, мифология, неравенство, Высокое Средневековье.

Abstracts

Kasatikova A.A.

Murashko S.F.

Dolgenko A.N.

I.G. Kampe's Purist Concept and the Problems of Germanization of Foreign Language Vocabulary

The article is devoted to the analysis of the specificity of I.G. Campe's linguistic purism as an embodiment of Enlightenment ideas. The specific principles of I.G. Kampe's purist doctrine and the approbation of these principles in his lexicographical practice are consistently described. The authors come to conclusion that the Germanization of the foreign language vocabulary, proposed and widely tested by I.G. Kampe, has turned out to be an unpromising way of purification of the German language, and is more of an intellectual game, rather than a clear orthological strategy.

Key words: linguistic purism, history of the German language.

Li Yi'nuo

The model of a person in the Russian and Chinese language worldview

Linguists have been interesting in the linguistic image of a person for many years. They have been trying to reveal the semantic features of the linguistic model of a person describing them in a context of the language worldview. The purpose of this article is to provide an interpretation of the human language model in the Chinese and Russian models of the world. The author of the article, paying attention to the physical structure of the human body, tries to reveal the inner life of its organs in Chinese and Russian.

Key words: language worldview, person, human model, body, organ.

Lin Yanyu

The word-formation potential of Russian anthroponyms in diachronic and synchronic aspects

Russian linguists have studied the problem of semantics and functioning of personal proper names quite well. But one can't say the same about the description of the Russian anthroponyms word-formation capabilities. This article attempts to show the role of the word formation in the origin and development of the Russian namebook. The author of the article examines the features of the use of word-formative formants in the creation of a Russian name from ancient times to the present day.

Key words: proper name, anthroponym, word-formation formant, suffix, emotional evaluation.

Orlova T.A.

Chubarova Yu.E.

Rezepova N.V.

Correlation of non-verbal and verbal communicative codes in English prosaic text

The article aims to consider the main features of the semantization of non-verbal codes that characterize the behavior of characters of fiction. Non-verbal communication is an integral part of human communication, since an adequate interpretation of any speech work with the presence of non-verbal communication components is impossible without taking them into account, since they not only complement verbal acts, but perform the main function of realizing the speaker's intention. Neglecting non-verbal accompaniment

of speech can lead to a distortion of real communication.

Key words: non-verbal semiotics, anthropocentricity, verbal code, communicative situation, non-verbal sign, causal relationships.

Snegirev I.A.

Nepomniashchikh N.M.

“Skald” and “bard” in Russian poetry. Corpus analysis experience

The article reflects the results of the study devoted to the analysis of “skald” and “bard” images in Russian poetry. To conduct the study, the methods of corpus-based linguistics in combination with the traditional literary approach are used. Within the framework of the results obtained, a differentiation between the ways in which these two images exist in the Russian literature is made.

Key words: Northern text, Northern myth, image, comparative literature studies, corpus-based linguistics.

Kobzeva O.V.

Fedorova E.L.

Verbal representation of Kinema in fiction in multisystem linguistic cultures (on the material of Russian and English languages)

The purpose of the study is to compare the verbal representation of the cinematography on the example of fiction in English and Russian linguistic cultures. Kinesics is one of the main parts of literary texts of different genres and styles. Gestures, facial expressions, postures, facial expressions play an important role in learning a foreign language and developing intercultural competence.

The novelty of the study lies in the involvement of a sufficiently large textual material in Russian and English, processed using the formula of mathematical statistics. This made it possible to obtain reliable results, which often showed an incorrect interpretation of verbal representations of kinems in a literary text due to ignorance or superficial transfer of semantic and stylistic meanings. Thus, hidden meanings, the ambiguity of the behavior of the characters, expressed by the extralinguistic properties of the text, “disappear” from the work and are not read. In support of the hypothesis put forward by the study, a study and analysis of a large sample of texts was carried out, which ensured the reliability of the conclusions made in this work. The observation was carried out in order to obtain the relative frequency f of the use of kinema, the texts of Russian literature, M. Bulgakov “The Master and Margarita” (112789 word usages - 443 pages) and the texts of English literature, I. Shaw “Lucy Crown” (35955 word usages - 141 pages) were analyzed). And also contexts-descriptions extracted from modern and classical fiction Russian and English literature of the 19th-20th centuries of different genres were used: dramatic, epic (novel), short story and story.

Key words: kinema, polysemanticity of kinema, context of use, interpretation of meanings, verbal representation of kinema.

Filimonov S.B.

A.L. Bertier-Delagard - member of the Tauride Scientific Archival Commission (From the experience of research in the field of source study of the historiography of the history of Crimea)

The article, based on historical sources, contains information about the participation of the classic of Crimean studies A.L. Bertier-Delagard (1842-1920) in the activities of the oldest and most authoritative local history organization in the Crimea - the Tauride

Scientific Archival Commission (TUAK), as well as on the materials of the TUAK and the Tauride Society of History, Archeology and Ethnography that replaced it, dedicated to the memory of A.L. Berthier Delagarde.

Key words: Crimea, A.L. Berthier-Delagarde, Tauride Scientific Archival Commission, Tauride Society of History, Archeology and Ethnography, Crimean studies, source studies, historiography.

Napso M.D.

Digital influence on educational processes

In article the changes occurring in an education system under the influence of digital trends are investigated. Pluses of digitalization for an education sphere reveal, the urgency of application of techniques of training corresponding to it is shown. Value of digital technologies in formation of the innovative knowledge corresponding to technology requirements comes to light. Transforming influence digitalization on character of course of processes in the educational environment, on forms of cooperation and cooperation, on interactions of subjects of educational process.

Key words: digital transformation, digital economy, digital education, virtual reality, online-education, digital literacy, digital competences.

Moiseev A.N.

Organizational and mobilization activities of the Commissariats for Military Affairs of the Penza Province during the Civil War (1918-1920)

The article analyzes the status and activities of the Ruzaevsky, Insarsky, Narovchatsky, Mokshansky, Kerensky district Military commissariats of the Penza province on the basis of reports of the Penza Provincial Military Inspectorate.

The purpose of the research is to provide detailed coverage of problematic issues in the work of local military authorities during the most difficult and critical period of the Civil War for the Soviet government, the end of 1918 - 1919.

The scientific component of the article is based on archival materials not previously used for publication.

When selecting and analyzing factual material, the author was guided by the basic principles of historical science: objectivity, scientific and historicism, and also used general scientific and special historical research methods.

The content of the article reveals the state of affairs of the district military enlistment offices of the Penza province, shortcomings and omissions in their work that significantly affected the effectiveness of military construction. The mechanism of responding to problematic information coming from the field is shown.

The value of the research consists in the introduction of new archival primary sources into scientific circulation, highlighting the difficulties in the activities of local military administration bodies in the formation of units and subdivisions, logistical and logistical support for both the troops being created and the military enlistment offices themselves.

The materials of the article allow us to form an objective picture of the creation of the accounting and mobilization system of the young Soviet republic and can be used when lecturing students of military departments and cadets of higher educational institutions, as well as in the historical and patriotic work of educational institutions of various profiles.

Key words: Penza Provincial Military Inspectorate, Gubvoenkom, Uezdvoenkom, military instructor, military service, registration and mobilization work.

Sokolov A.V.**On the question of the effectiveness of confession as a tool for identifying «raskol»**

The article is devoted to the problem of the instrument of fixation of those prone to «raskol» – confession. The author believes that the imposition of the «raskol» indicator function on confession occurred under Peter I. The work notes that confession was not self-sufficient, but at the same time the only tool for fixing the transformation of religious life. The author believes that the key reason for the ineffectiveness of confession as an indicator of raskol was a complex of unsolvable problems in the organization of religious life: shortage, excessive administrative burden and poverty of the clergy; formalized attitude to religious life; not all those who fell away from the church formally broke with her - continuing to participate in parish life; the indifferent attitude of part of the population to confession.

Key words: Old Believers, schismatics, raskol, confession, church, state control, clergy.

Suslova R.A.**The Sinai Icon of the Mother of God with the Prophets (Kykk): on the issue of compositional construction**

The work is dedicated to the Sinai icon of the XII century The Mother of God of Eleusa with the prophets (Kikk). The purpose of the work is to analyze the architectonics of the work based on the assumption that the composition is based on the strict application of mathematical methods (construction of the Golden Section spiral or Fibonacci spiral, quadrature of the circle, etc.). As a result of the analysis of the icon's compositional construction, a conclusion is drawn about the continuity of some mathematical and artistic techniques that Christian art adopts from Antiquity, but rethinks and makes evidence of Christian dogmatics. The technology of mathematical composition construction is becoming common in Byzantium and the countries of the Byzantine Circle, as evidenced by the Sinai icon of the Mother of God with the Prophets. The relevance of the research is due to the interdisciplinary approach to the analysis of the work. It is concluded that it is necessary to take into account the synthesis of the theological and artistic experience of Byzantium.

Key words: Byzantine art, icon painting, Sinai icon of the Mother of God with the Prophets (Kikk), mathematical methods in art, spiral of the Golden Section, quadrature of the circle.

Tian Fanyu**Innovative technologies for teaching Chinese students in Russian universities**

The article presents the problem of using innovative technologies for teaching Chinese students in Russian universities. It is shown that modern pedagogical technologies of teaching Chinese students in Russian universities should be based on a socio-cultural approach and the creation of a multicultural educational space of the university. The essence of the concept of “pedagogical innovations” is revealed, which is defined as the purposeful introduction of innovations into the pedagogical system in order to improve the quality of education. The specifics of innovative pedagogical technologies in the multicultural educational space of the university are described. Their interactive and communicative orientation, which can cause barriers of intercultural communication in the Chinese audience, is shown.

Key words: Chinese students, innovation, pedagogical innovations, pedagogical technologies, socio-cultural approach, multicultural education.

Cui Lin**Features of teaching academic disciplines to Chinese students in Russian universities**

The article reveals the specifics of teaching academic disciplines to Chinese students in Russian universities. It is shown that the growth of educational migration of Chinese students actualized the issues of teaching academic disciplines to Chinese students in Russian universities. Intercultural differences in the behavior and communication patterns of Chinese and Russian students, which influence the learning process, are described. The features of educational activity and cognitive attitudes of Chinese students in the learning process, which must be taken into account by a teacher of a Russian university, are revealed. It is shown that taking into account the experience of learning in the Chinese education system, intercultural differences in behavioral patterns, communication, cognitive activity and the level of language training and intercultural adaptation among Chinese students ensures high quality teaching of academic disciplines in the Chinese audience.

Key words: Chinese students, Russian universities, pedagogical activity, intercultural interaction, intercultural adaptation, multicultural environment of an educational institution.

Zhang YunXi**The evolution of Chinese journalism in historical retrospective**

Over the past few years, much of the experience gained by the journalistic profession has been eroded by shifts in the media industry. Many factors led to the exodus of experienced journalists from the Chinese media. The end result of this shift is a progressive loss of professional journalistic capacity in the Chinese media.

Key words: mass media, China, journalists, press, electronic media.

Yuzhakova T.L.**Organization of the activities of plant No. 222 in the Kostanay region during the Great Patriotic War**

The article discusses the organization of the activities of plant № 222, evacuated to the Kostanay region during the Great Patriotic War and established the production of tank flamethrowers for the front. It was the only factory that produced such weapons for the front. In this paper, the periodization of the plant's activities during the war years is given. The difficulties in organizing the work of the enterprise are shown. The sources of official and personal origin are involved, a number of which have not been introduced into scientific circulation. It is concluded that the creation of the most important defense enterprise in objectively difficult conditions became possible thanks to the selfless work of the plant's employees and skillful management.

Key words: Great Patriotic War, evacuation, defense industry, factory, home front workers, production of tank flamethrowers, labor.

Zolkhoev B.V.**Origin and official names (appellatives) of the Southern Xiongnu Shanays of the Eastern Han Period (based on Chinese chronicle sources and research by foreign authors)**

The article deals with the origin and titles of the Southern Xiongnu chanyus of the Chinese Eastern Han Dynasty. The historical context and the results of its influence on the system of titles of the Southern Xiongnu rulers are considered. In addition, an

attempt was made to restore the original features and characteristics of the official throne names of the Xiongnu shanyus during the reign of the Chinese Eastern Han dynasty.

Key words: Xiongnu, shanyu, Eastern Han period, titling system, official throne names, appellatives, Chinese historical sources, foreign researchers.

Lan Yang

Ushinsky K.D. didactics and its application in the new world

Problems of education and disputes about how education should be organized are a socially significant issue, the relevance of which only increases with the acceleration of changes in social formation. The creative and scientific heritage of K.D. Ushinsky undoubtedly represents an up-to-date source of ideas, methods, and ways of teaching that require deep scientific understanding. The object of the study is pedagogy. The subject of the study is didactics as a branch of pedagogy and theory of education. The purpose of the study is to theoretically comprehend the content of Ushinsky K.D. didactics. in the appendix to the modern social formation. It is revealed that the content of Ushinsky K.D.'s didactics is based on several principles, the main of which is scientific. A graphic illustration of the principles of Ushinsky K.D. didactics and a theoretical description of these principles are presented.

Key words: learning, thinking, development, education, scientific, visual learning.

Zhang Shuge

Mao Zedong's concept of physical education of the individual and the nation

Mao Zedong, who is called the Great Helmsman in China, is the largest historical figure of his years, is the main theorist of Maoism in which the concept of educating a person and personality is the central link. The object of research is Maoism as an ideological concept of political theory and practice. The subject of the study is physical education within the framework of the concept of Maoism. The purpose of the study is to reveal the content and basic principles of the theory of Maoism in the field of physical education and pedagogy. The article presents the main provisions of Maoism in the field of physical education, which are a triad: physical education, mental education, moral education. The primary qualitative characteristics of education are presented: nutrition and care, it is explained how the birth of secondary qualities occurs from primary qualities: teaching and learning.

Key words: Maoism, physical education, mental education, moral education, personality, nation.

Zhou Miaoqing

Historiography of Mutual Influence in the Art of Russia and China

This article analyzes the stages, directions and main results art between Russia and China. The author carried out a comprehensive study field of literature and painting based on the dynamics of rapprochement between the two countries. Auto is convinced that the cultural integration of Russia and China is promoted by literature, which has a function that reflects traditional values in the modern world. The demand for translations of traditional Russian literature in China remains at a high level, which cannot be said about new Russian literary works. Particular attention is paid to sports as one of the elements of Chinese art. The author is convinced that the cross years of Chinese and Russian culture contributed to a deeper sense of mutual understanding and sympathy between peoples.

Key words: historiography, culture, theatrical activity, international relations.

Telitsyna E.A.

Melnikova O.K.

The role of Italy in the integration of Europe

The article defines the role of Italy in the integration of Europe. In the Russian scientific literature, very little attention is paid to what contribution Italy made to the unification of Europe, focusing mainly on the contribution of France and Germany. In this article, the authors show that Italy played an important role in the integration of Europe and introduced a number of key ideas, touching upon the central aspects of the emerging union. The stages of building a united Europe and the influence of Italian politicians on this process are shown. The weaknesses and strengths of Italy are highlighted. The analysis of Italy's influence on the process of formation of the United Europe has been carried out.

Key words: European integration, Italy's contribution, Italy's role, European unification, federalist movement, supranational organization, direct elections, European federal system, European Union, European politicians.

Uryumtsev E.R.

Frank wars seething with courage from the kind of those who have long smashed their enemies in all battles": the problem of perception of national motives in the battle of Bouvines (July 28, 1214)

The article discusses the mythologization of the Bouvines battle based on the data of the official chroniclers of King Philip II Augustus. The author examines the image of the warring opponents, their mythology and sacred appearance, presented in the presentation of the French side. An alternative conclusion is proposed about the discrepancy with the reality of the thesis characterizing the Battle of Bouvines as the first French national event.

Key words: Battle of Bouvines, Philip II Augustus, nation, mythology, inequality, High Middle Ages.

Авторы

Долженко А.Н. - заведующий кафедрой русского и иностранных языков, доктор филологических наук, доцент. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Золхоев Б.В. - кандидат исторических наук, доцент кафедры туризма и сервиса ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова».

Касатикова А.А. - старший преподаватель кафедры русского и иностранных языков. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Кобзева О.В. - кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский университет «Московский государственный строительный университет».

Лань Ян - аспирант, Московский государственный институт культуры.

Ли Ино - бакалавр, Китайский нефтяной университет (Пекин).

Лин Яньюй - бакалавр, Московский педагогический государственный университет.

Мельникова О.К. - старший преподаватель кафедры иностранных языков в сфере международных отношений Институт международных отношений Казанского федерального университета.

Моисеев А.Н. - кандидат военных наук, доцент, филиал ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» в г. Сызрани.

Мурашко С.Ф. - профессор кафедры русского и иностранных языков, кандидат психологических наук, доцент. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Напса М.Д. - доктор социологических наук, профессор кафедры философии и гуманитарных дисциплин, Северо-Кавказская государственная академия.

Непомнящих Н.М. - кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков ИИЯ (Институт иностранных языков) РУДН (Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы).

Орлова Т.А. - ФГБОУ ВО Московский государственный университет имени Н.П. Огарева.

Резепова Н.В. - ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет кинематографии имени С.А. Герасимова».

Снегирев И.А. - кандидат филологических наук, старший преподава-

тель кафедры теории и практики иностранных языков ИИЯ (Институт иностранных языков) РУДН (Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы).

Соколов А.В. - аспирант, ФГБОУ ВО Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого.

Суслова Р.А. - кандидат исторических наук, доцент, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казанская православная духовная семинария.

Телицина Е.А. - преподаватель кафедры иностранных языков в сфере международных отношений, Институт международных отношений Казанского федерального университета.

Тянь Фаньюй - Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы.

Урюмцев Е.Р. - магистрант кафедры Всеобщей истории, Новосибирский государственный университет.

Федорова Е.Л. - кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной литературы, Московский финансово-промышленный университет «Синергия».

Филимонов С.Б. - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Института «Таврическая академия» (СП) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь.

Цуй Линь - магистр, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Чжан Шугэ - аспирант, Московский государственный институт культуры.

Чжан Юньси - бакалавр, Евразийская международная академия, Хэнаньский университет.

Чжоу Мяоцзин - магистр, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Чубарова Ю.Е. - ФГБОУ ВО Московский государственный университет имени Н.П. Огарева.

Южакова Т.Л. - кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доцент кафедры истории, обществознания и педагогических технологий филиала ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» в г. Славянске-на-Кубани.

Authors

Chubarova Yu.E., Mordovia State University named after N.P. Ogaryov.

Cui Lin, Lomonosov Moscow State University.

Dolgenko A.N., Head of the Department of Russian and Foreign Languages, Doctor of Philology, Associate Professor. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Fedorova E.L., PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Domestic and Foreign Literature, Moscow Financial and Industrial University "Synergy".

Filimonov S.B., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History of the Institute "Tauride Academy" (SP) Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol.

Kasatikova A.A., Senior Lecturer of the Department of Russian and Foreign Languages. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Kobzeva O.V., PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Professional Communication, National Research University "Moscow State University of Civil Engineering".

Li Yi'nuo, China University of Petroleum (Beijing) Faculty of Philology.

LanYang, Graduate student, Moscow State Institute (University) of Culture.

Lin Yanyu, Faculty of Philology. Moscow Pedagogical State University.

Melnikova O.K., Senior Lecturer, Department of Foreign Languages in the field of International Relations, Institute of International Relations, Kazan Federal University.

Moiseev A.N., Candidate of Military Sciences, Associate Professor, Branch of the All-Russian Scientific Center of the Air Force "Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin" in Syzran.

Murashko S.F., Professor of the Department of Russian and Foreign Languages, Cand. Sc. in Psychology, Associate Professor. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Napso M.D., Doctor of Sociological Sciences, Professor of department of philosophy and humanities sciences, North-Caucasus state academy.

Nepomniashchikh N.M., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages in Theory and Practice, the Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Orlova T.A., Mordovia State University named after N.P. Ogaryov.

Rezepova N.V., Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov, All-Russian State University of Cinematography named after S.A. Gerasimov.

Snegirev I.A., Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages in Theory and Practice, the Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Sokolov A.V., Postgraduate student, Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy.

Suslova R.A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Kazan National Research Technological University, Kazan Orthodox Theological Seminary.

Telitsyna E.A., Lecturer, Department of Foreign Languages in the field of International Relations, Institute of International Relations, Kazan Federal University.

Tian Fanyu, Bashkir National Normal University.

Uryumtsev E.R., Master's degree student of the Department of General History of Novosibirsk State University.

Yuzhakova T.L., PhD. in History, PhD. in Law, Associate Professor at the Department of History, Social Studies and Pedagogical Technologies in branch of FSBEI HE "Kuban State University" in Slavyansk-on-Kuban.

Zhang Shuge, Graduate student, Moscow State Institute (University) of Culture.

Zhang YunXi, Eurasian International College, Henan University.

Zhou Miaoqing, Lomonosov Moscow State University.

Zolkhoev B.V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Tourism and Service, Buryat State University named after Dorzhi Banzarov.

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ЭТНОСОЦИУМ»**
Журнал «ЭТНОСОЦИУМ и межнациональная культура»
входит в Перечень ВАК РФ

В составе редакционного совета ведущие государственные, общественные деятели, выдающиеся российские и зарубежные ученые. В работе журнала участвуют все регионы России, страны Латинской Америки, Китая, Европы. Журнал распространяется во всех органах государственной власти России (во всех регионах), в посольствах зарубежных стран и за рубежом.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОСУЩЕСТВЛЯЕТ:
создание, регистрацию, издание и продвижение журналов и альманахов; помощь во всех вопросах, в том числе в юридических, бухгалтерских, арендных, кадровых.
Редакционная подготовка
(литературное и техническое редактирование), дизайн.
Рецензенты и оппоненты, доктора наук и профессора.
Издаем книги, монографии, авторефераты, учебные пособия и др. на высоком уровне, нужным тиражом!

В процесс выпуска книги входит:

- * допечатная доработка (по желанию автора);
- * редактирование;
- * корректура;
- * подготовка электронного макета;
- * присвоение ISBN;
- * присвоение кодов УДК, ББК и авторского знака;
- * разработка дизайна обложки;
- * печать тиража (различными способами: офсет, цифра);
- * передача 16 экземпляров в Книжную палату;
- * рассылка готового тиража по территории РФ.

Все изданные нами книги проходят рецензирование и квалифицированную предпечатную подготовку.

www.etnosocium.ru
тел: +7 (495) 772-19-99
e-mail: etnosocium@mail.ru